

Игорь Семенович Кон

Любовь небесного цвета

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ АВТОРЕ 3

ПРЕДИСЛОВИЕ 4

ВЛЕЧЕНИЕ, РОД НЕДУГА 6

Как вас теперь называть? 6

Загадка природы 8

Гомо=, гетеро= или би? 18

ЛЮДИ В ИСТОРИИ 26

Сексуальности, культуры и религии 26

Античная педерастия 39

Неназываемый порок 47

"Любовь, не смеющая назвать себя" 57

Выход из подполья 78

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА 89

Был ли гомосексуализм на святой Руси? 89

Голубые тени Серебряного века 98

Под сенью уголовного кодекса 108

Свобода - для чего? 113

В ПОИСКАХ СЕБЯ 119

"Я не такой, как другие" 119

Чувственность и любовь 124

Открытие Я 132

СТИЛИ ЖИЗНИ И ЦВЕТА ЛЮБВИ 139

Типы и личности 139

Секс, любовь и фантазия 144

Однополые семьи 172

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ 183

ОБ АВТОРЕ

Игорь Семенович Кон родился 21 мая 1928 года в Ленинграде. Окончил исторический факультет Ленинградского Педагогического института имени А.И. Герцена (1947) и две аспирантуры, по новой истории и по философии (1950). Кандидат исторических наук (1950), кандидат философских наук (1950), доктор философских наук (1960), профессор (1963), академик Российской Академии образования (1989), почетный профессор Корнелльского университета (1989), доктор honoris causa университета Серрей (1992).

Работал в Вологодском педагогическом институте (1950-1952), Ленинградском химико-фармацевтическом институте (1953-56), Ленинградском Гос. Университете (1956-1967), Институте философии АН СССР (1976-68), Институте конкретных социальных исследований АН СССР (1968-1972), Институте общественных наук (1972-1974). С 1975 - главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Занимался исследовательской и преподавательской работой в ряде ведущих университетов США и Европы.

Области научных интересов - философия и методология истории, история социологии (основатель и первый президент Исследовательского комитета по истории социологии Всемирной социологической ассоциации), этика, социальная и возрастная психология, теория личности, антропология и социология детства и юности, сексология. Автор свыше 40 книг и 300 статей, многие из которых переведены на иностранные языки.

Ответственный редактор ряда коллективных трудов и серийных изданий ("Словарь по этике", "Этнография детства" и др.). Член нескольких международных научных сообществ и академий (International Academy of Sex Research; European Association of Experimental Social Psychology; International Sociological Association; Polish Academy of Sex Research; Deutsche Gesellschaft für Sexualforschung; European Association for Adolescent Psychology и др) и редакционных советов ряда научных журналов ("Человек", "Archives of Sexual Behavior," "Zeitschrift für Sexualforschung," "Journal of Homosexuality", "Journal of the History of Sexuality", "Childhood", "Current Sociology", "Sexualities", "Men and Masculinities").

ПРЕДИСЛОВИЕ

В мае 1998 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел очередной репрезентативный экспресс-опрос 1600 россиян. В числе других вопросов был такой:

"Люди по-разному относятся к гомосексуалистам и лесбиянкам. Как вы лично думаете, гомосексуализм, в основном, это..." Пять вариантов ответов распределились так (в процентах):

1. болезнь или результат психической травмы - 33.1
2. распушенность, вредная привычка - 35.1
3. сексуальная ориентация, имеющая равное с обычной право на существование - 18.3
4. признак особой одаренности, таланта - 0.5
5. затрудняюсь ответить - 12.9

А какой вариант ответа выбрали бы лично Вы, уважаемый читатель? И еще одна просьба. Я несколько не сомневаюсь, что в вашем сексуальном поведении и воображении никогда не было ничего странного, запретного или подозрительного. Но попробуйте, в интересах науки, мысленно ответить на несколько элементарных вопросов.

1. В чем причина вашей гетеросексуальности, почему вы любите людей противоположного пола?

2. Когда и почему вы решили, что вы гетеросексуальны?

3. Не является ли ваша гетеросексуальность только преходящей стадией развития, из которой вы еще можете вырасти?

4. Не является ли ваша гетеросексуальность следствием невротического страха перед людьми собственного пола? Может быть вы просто боитесь или ненавидите их?

5. Если вы никогда не занимались любовью с человеком собственного пола, откуда вы знаете, что это вам не нравится? Может быть вам просто нужен хороший однополый партнер?

6. Знают ли ваши родители, друзья и знакомые, что вы гетеросексуал, и как они реагируют на это?

7. Почему вы стремитесь демонстрировать свою гетеросексуальность другим? Разве нельзя просто быть самим собой, не показывая этого окружающим, которым ваша сексуальная ориентация может не нравиться?

8. Почему гетеросексуалы придают такое большое значение сексу и стараются вовлечь в свой образ жизни других?

9. Абсолютно точно известно, что подавляющее большинство совратителей детей и подростков - гетеросексуалы. Можно ли, несмотря на это, доверять детям гетеросексуальным учителям и воспитателям?

10. Что именно мужчины и женщины делают друг с другом в постели? При такой большой анатомической разнице полов, откуда вы знаете, как лучше доставить удовольствие друг другу?

11. Несмотря на то, что общество всячески поддерживает институт брака, число разводов неуклонно растет. Почему гетеросексуальные отношения так непрочны и неустойчивы?

12. Учитывая угрозу перенаселения, как могло бы человечество выжить, если бы все люди были гетеросексуальными?

13. Можете ли вы доверять объективности гетеросексуальных врачей и психологов? Не кажется ли вам, что они стараются склонить вас на сторону своей собственной сексуальной ориентации?

14. Похоже, что счастливых гетеросексуалов очень мало. Есть средства, с помощью которых вы могли бы изменить свою сексуальную ориентацию. Не хотите ли воспользоваться такой терапией?

Ответили? Нет? Почему? Слишком трудно? Вопросы кажутся издевательскими? А ведь "голубым" подобные вопросы задают постоянно. Эта шуточная анкета просто пародирует стандартные сексологические вопросники. Значит, вам можно обижаться, а им - нет? Где же справедливость?

Вопрос о природе сексуальной ориентации интересен и важен не только для геев и лесбиянок. В течение 60 лет однополая любовь в нашей стране была неназываемой, за нее наказывали, как за тяжкое уголовное преступление. С 1987 года о ней стали писать и говорить, а после изменения уголовного законодательства в некоторых кругах она даже стала модной. Но знания это не прибавило и проходящие в средствах массовой информации яростные споры об отношении к гомосексуальности большей частью не основаны на достоверных фактах.

Чтобы восполнить этот пробел, в начале 1998 года я опубликовал большую книгу "Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви". Она вызвала большой читательский интерес, причем не только среди геев и лесбиянок. Но для массового читателя эта книга слишком велика, в ней много научных терминов, цифр и иностранных слов, да и не каждый человек готов задумываться над сложными теоретическими вопросами. Поэтому, как раньше говорили, "по просьбе трудящихся" я подготовил значительно более короткий, популярный и удобочитаемый вариант книги, рассчитанный прежде всего на молодых людей, а также на родителей и воспитателей. Помимо основательной стилистической переработки книги, я учел появившиеся за это время новые научные данные (сексология развивается очень быстро), а также полученные мною критические замечания.

На мой взгляд, "Любовь небесного цвета" и "Лунный свет на заре" должны существовать параллельно. Тому, кого интересуют общие контуры проблемы, достаточно данной книги. А тому, кому нужен более детальный анализ, включая спорные вопросы и научную библиографию, придется заглянуть в другую.

ВЛЕЧЕНЬЕ, РОД НЕДУГА

Как вас теперь называть?

Ибо всегда надо постигать не слова,

а то, что они обозначают.

Климент Александрийский

Всем известно, что люди делятся на мужчин и женщин, которых сексуально влечет друг к другу и в результате их сближения рождаются дети. Но всегда и везде существовали также индивидуумы, которых такая любовь не удовлетворяла и которые предпочитали иметь сексуальные отношения с себе подобными..

Этот странный, необычный вид любви называли по-разному: "педерастией" (от греческого *paides* - ребенок, древние греки называли так любовь взрослых мужчин к мальчикам-подросткам), "содомией" (от упоминаемого в Библии города Содомы), "мужеложством" и т.п. В русском языке в последние десятилетия получили широкое распространение выражения "голубая любовь" и "голубые" (происхождение этих названий не изучено). Женщин, любящих женщин, в древнем Риме называли трибадами (от греческого глагола "трибейн" - тереть, отсюда и позднейший термин - трибадизм). В

новое время женскую однополую любовь стали называть "сафической" (сафической) или "лесбийской", по имени древнегреческой поэтессы Сафо и острова Лесбос, на котором она жила.

С появлением в XIX в. научной сексологии, ученые стали искать для обозначения однополый любви более строгие и неочевидные термины и в конечном итоге остановились на слове "гомосексуальность". Греческая приставка homo= обозначает сходство, единство, принадлежность к одному и тому же, в отличие от приставки hetero= ("другое", "иное"). В сочетании с латинским словом sexualis (половой), эти две приставки позволили разграничить сексуальное влечение к людям собственного (гомосексуальность) или другого, противоположного пола (гетеросексуальность). Затем, с помощью приставки bi= ("два", "оба"), появился термин бисексуальность. Гомосексуальность - сексуальное влечение к представителям собственного пола, гетеросексуальность - к представителям противоположного пола, а бисексуальность - смешанное влечение, объектами которого одновременно или попеременно могут быть и мужчины, и женщины. Если это влечение является более или менее постоянным и устойчивым, его называют сексуальной ориентацией. Если же индивид колеблется и имеет возможность выбора, употребляется более мягкий термин - сексуальное предпочтение.

Между прочим, в русском языке смысловое, семантическое неравенство "гомо" и "гетеро" выражено сильнее, чем в английском, французском и немецком. Употребляемый в тех языках термин "гомосексуальность" имеет точный аналог в "гетеросексуальности". Слово "гомосексуализм" звучит сильнее, потому что "гетеросексуализма" не бывает, а всякий "изм" - что-то странное и подозрительное. То же самое - с окончанием "ист". По-английски и по-французски можно сказать о человеке, что он гомосексуал или гетеросексуал, прилагательное и существительное выражаются одним и те же словом. В русском языке есть только слово "гомосексуалист", "гетеросексуалистов" нет. Одно только безобидное окончание - и уже дискриминация!

Однако сами люди не всегда называют себя так, как это принято в науке, особенно если в слове содержится какой-то отрицательный оттенок. Чтобы преодолеть оскорбительную "медиализацию" своего состояния, западноевропейские и американские гомосексуалы в 1950-х годах нашли себе другое самоназвание - "гей" (gay). Буквально это слово по-английски значит "веселый", но не только это. В провансальском наречии XIII - XIV вв., на языке трубадуров, оно обозначало куртуазную рыцарскую любовь, которая нередко была однополый, а также искусство поэзии и любви. В Англии XVII в. слово gay обозначало легкомысленного повесу - плейбоя, а применительно к женщинам (несколько позже) - проститутку (женщина легкого поведения = "веселая женщина"). В начале XX в. слово "гей" стало кодовым словом английской гомосексуальной субкультуры, а затем переключалось в США, где из жаргонного обозначения мужской гомосексуальности превратилось в ее политический и идеологический символ. "Гей" (это прилагательное употребляется и как существительное) - не просто мужчина, любящий мужчин, а носитель особого самосознания, член соответствующей субкультуры, общины или организации, борец за свои гражданские права и т.д. В начале 1990-х годов это слово получило распространение и в России.

Эмоциональная нагрузка слова зависит не столько от его происхождения, сколько от того, кто и в каком контексте его употребляет. Одно из самых оскорбительных английских жаргонных названий гомосексуала - queer (буквально - кривой, странный, извращенный, фальшивый), в противоположность straight (прямой, нормальный; российские геи называют гетеросексуалов "натуралами"). В 1990-х годах некоторые американские геи-активисты стали демонстративно называть себя квирами, подчеркивая, что не только не стыдятся своей сексуальной ориентации, но гордятся ею. В отличие от слова "гей", относящегося только к мужчинам, "квир" обозначает также и лесбиянок. Но для многих геев слово "квир" категорически неприемлемо. В России его мало кто знает.

Еще одна терминологическая новация - слово "лесбигей", подчеркивающее общность геев и лесбиянок и имеющее преимущественно политический оттенок.

Загадка природы

Биология человека - не столько научная дисциплина, сколько определенная точка зрения на самое интересное из животных.

Питер Медовар

Какова природа однополый любви, откуда она берется и зачем она нужна?

Как говорилось в знаменитом когда-то "списке замученных очепяток", "наука имеет много гитик", и каждая этих гитик живет своей собственной богатой внутренней жизнью. Но любые задаваемые наукой вопросы (ответов она может и не давать) так или иначе связаны с реальной жизнью общества.

Вообразите себе страну по имени Зомния, жители которой очень озабочены тем, как люди спят: на спине (их называют "спинниками") или на животе (их называют "животниками"). Большинство жителей Зомнии считаются "животниками", а тех, кто спит или подозревается в том, что спит на спине, до недавнего времени преследовали и дискриминировали. Большинство зомнийцев верят, что "спинников" можно узнать по внешнему виду и поведению: у них жесткая выправка и темная кожа, они вспыльчивы и агрессивны. Зомнийские ученые и психиатры изучают, что именно делает людей "спинниками". Одни утверждают, что спинность предопределена генетически, другие - что она зависит от отношений с родителями, третьи - что она связана с питанием в период полового созревания. Некоторые открытые "спинники" начали борьбу с дискриминацией и диффамацией и добились в этом определенных успехов, повлияв, в частности, на науку. Историки обнаружили, что некоторые выдающиеся зомнийцы прошлого были тайными "спинниками". Это помогло "спинникам" добиться политического статуса "этнического меньшинства", хотя большинство зомнийцев по-прежнему относятся к ним недоброжелательно.

Предположим, вы приехали в Зомнию и должны высказаться по поводу этих споров. Ваша первая реакция - сказать, что такая классификация смехотворна, дискриминация людей в зависимости от их позы во сне безнравственна, а любые теории происхождения "спинности" ненаучны. Но может быть привычка спать на спине или на животе действительно имеет генную природу? Тогда зомнийские теории могут иметь значение и для нас. То, что у нас нет понятий "спинников" и "животников", само по себе не опровергает зомнийских теорий. Не так же ли обстоит дело с сексуальной ориентацией?

Сочинителю этой притчи американскому философу Эдуарду Стайну можно возразить: в какой позе люди спят, неважно, тогда как с кем они спят, очень даже важно. Но ведь это тоже - смотря для кого и когда. Вопрос, креститься ли двумя или тремя перстами, в свое время вызвал в России церковный раскол. Когда в турпоездке меня поселяют в номере с чужим мужчиной, его сексуальная ориентация мне безразлична, приставать к постороннему человеку он не станет. Зато если он спит на спине, это сильно повышает вероятность храпа, и при всем моем уважении к храпунам, я предпочел бы другого соседа.

Что сделало однополую любовь религиозно-философской, а затем и научной проблемой? Люди всегда знали, что любовь и сексуальное удовольствие не обязательно связаны с деторождением и имеют самостоятельную ценность. Но не все религии это признавали. Для антисексуальных культур сексуальное влечение было только стимулом к продолжению рода: удовольствие от полового акта - это награда за примерное поведение. Влечение к людям собственного пола, как, впрочем, и любые другие формы эротики, не способствующие деторождению, например, мастурбация или оральный секс, выглядели противоестественными извращениями и нарушением божественных установлений.

Этот взгляд унаследовала и наука нового времени: "греховное" стало биологически неправильным, патологическим. Но в отличие от средневекового богословия, наука задает вопрос "почему?": почему возникает "неправильное" сексуальное влечение, является ли оно врожденным или приобретенным, как оно сочетается с другими чертами личности и можно ли его исправить?

Вначале этим занялись медики, прежде всего - психиатры. Но хотя почти все они считали гомосексуальность болезнью, они выводили ее из разных причин. Было два альтернативных теоретических подхода (или, как теперь сказали бы, парадигмы). Первый подход, крупнейшим представителем которого был выдающийся немецкий ученый Магнус Хиршфельд (1865-1935), считает необычное сексуальное влечение проявлением глубинного органического нарушения половой принадлежности и самосознания субъекта, у которого в мужском теле заключена женская душа (или наоборот). Вторым подходом, который подробно обосновал австрийский психиатр, родоначальник психоанализа Зигмунд Фрейд (1856-1939) таких органических нарушений не видит, считая выбор типа сексуального объекта продуктом индивидуального опыта.

По Хиршфельду, однополая любовь имеет глубокие конституциональные корни в биологическом процессе дифференциации полов. Различия между мужчинами и женщинами фундаментальны, но по-разному проявляются в таких сферах, как репродуктивные половые органы, другие телесные свойства, сексуальное влечение и душевные (психические) свойства. В каждом из этих аспектов неизбежно появляются переходные, промежуточные формы и варианты. Смешанное, отчасти мужское, а отчасти женское строение половых органов дает гермафродитизм, неопределенность телосложения (женоподобный мужчина или мужеподобная женщина) порождает психическую андрогинию (двуполость), когда индивид обладает как мужскими, так и женскими психическими чертами, а инверсия (перевернутость) или раздвоенность сексуального влечения порождает соответственно гомо= и бисексуальность. Иными словами, гомосексуальность - проявление феминизации мужчин и маскулинизации женщин, но гомосексуалы и лесбиянки, подобно "нормальным" людям, индивидуальны, каждый из них "промежуточен" на свой собственный манер и несет в себе "свою собственную природу и свой собственный закон". Хиршфельд, который сам был гомосексуалом, активно боролся за отмену их уголовного преследования.

Концепция Фрейда более психологична. В отличие от своих предшественников и современников, для которых проблематичной была только однополая любовь, Фрейд подчеркивал, что она покоится на тех же самых психофизиологических основаниях, что и разнополая. Все люди изначально бисексуальны, "способны на выбор объекта одинакового с собой пола и прodelывают этот выбор в своем бессознательном. Больше того, привязанности либидинозных чувств к лицам своего пола играют как факторы нормальной душевной жизни не меньшую, а как движущие силы заболевания большую роль, чем относящиеся к противоположному полу". Скрытая, латентная гомосексуальность большей частью остается нереализованной и даже неосознанной.

"Решающий момент в отношении окончательного полового выбора наступает только после наступления половой зрелости и является результатом целого ряда не поддающихся еще учету факторов, частью конституциональных, частью привходящих по своей природе". Гомоэротизм - это извращение сексуального влечения, возникающее в ходе нормального психосексуального развития в результате психической травмы.

Фрейд никогда не называл гомосексуальность болезнью и даже считал сублимированный гомоэротизм важным источником и компонентом дружеских отношений, альтруизма и любви к человечеству: "Именно явные гомосексуалы и среди них в первую очередь те, кто не позволяет себе выхода в чувственных актах, отличаются особенно активным участием в общих интересах человечества, интересах, которые сами возникли из сублимации эротических инстинктов". Но, признавая правомерность и даже социальную благодетельность сублимированного гомоэротизма, Фрейд не видел

счастливого исхода для реализованной гомоэротики. Отвечая на письмо одной американской матери по поводу предполагаемой гомосексуальности ее сына, он писал:

"Спрашивая меня, могу ли я помочь, думаю, что Вы имеете в виду, в состоянии ли я устранить гомосексуальность и заменить ее нормальной гетеросексуальностью. Отвечу, что в общем мы не можем этого обещать. В ряде случаев нам удастся развить захиревшие было зародыши гетеросексуальных устремлений, имеющихся у каждого гомосексуала. В большинстве же случаев это уже более невозможно. Это - вопрос свойств и возраста пациента. Результат лечения предсказать нельзя.

Что же касается пользы, которую психоанализ может принести Вашему сыну, то это другое дело. Если он несчастен, нервозен, раздираем конфликтами, затруднен в отношениях с другими людьми, психоанализ может дать ему гармонию, душевное спокойствие, полную эффективность, независимо от того, останется ли он гомосексуалом или изменится".

То есть Фрейд не берется изменить сексуальную ориентацию пациента, но считает возможным преодолеть его невротические симптомы, помочь ему принять себя и свою гомосексуальность. Такая позиция соответствует установкам современной гуманистической психотерапии, в том числе и психоаналитической.

В первой половине XX века спор между Хиршфельдом и Фрейдом был принципиально неразрешим. Ученые слишком мало знали о биологической природе пола и сексуальности, да и философские представления о природе половых различий были достаточно примитивными. Перевод проблемы из медицины в ведение фундаментальных наук о человеке и обществе показал, что она гораздо более многогранна.

Любая древняя мифология так или иначе вращается вокруг вопроса о соотношении и взаимопроникновении мужского и женского начал. И хотя в любой мифологии существуют образы двуполых, андрогинных божеств или первопредков, на первый план обычно выступают их различия и противоположность. Мы говорим о мужском и женском теле, мужских и женских социальных ролях, мужской и женской психологии и характере. Но насколько жестки, велики и универсальны эти различия? В репродуктивном аспекте мужчина и женщина выступают как противоположные и взаимодополнительные начала. Однако многие другие половые различия выглядят менее определенными, вариативными и даже факультативными.

Мужчины и женщины бывают очень разными и по своему физическому облику, и по своим психическим свойствам, и по своим интересам и занятиям, а наши нормативные представления о "мужественности" (маскулинности) и "женственности" (фемининности), хотя и отражают некие биологические реалии, в целом являются не чем иным, как стереотипами общественного сознания. Это отражается и в языке. "Женственность" и "женоподобие" - не одно и то же, а "мужественность" может быть и вовсе не связана с полом. С появлением специальных психологических тестов для измерения маскулинности и фемининности эта проблема стала особенно острой, причем выяснились три важных обстоятельства:

1. конкретные мужчины и женщины обладают разными степенями маскулинности и фемининности, то-есть могут быть более или менее маскулинными, фемининными или андрогинными;

2. сами признаки маскулинности и фемининности многогранны и многомерны, "мужское" телосложение может сочетаться с "женскими" интересами и чувствами, и наоборот, причем это зависит от ситуации и сферы деятельности (деловая женщина может быть нежной в постели, но не в бизнесе);

3. наши понятия о маскулинности и фемининности и соответствующие психологические тесты покоятся не на строгих аналитических теориях, а на житейском здравом смысле и повседневном опыте: мы называем какие-то черты или свойства женственными, потому что в доступном нам эмпирическом материале их чаще или сильнее проявляли женщины, но это может зависеть не от биологии, а от среды и воспитания.

Происходящие на наших глазах изменения в социальном положении женщин подорвали многие привычные стереотипы, побуждая ученых рассматривать эти различия и вариации не как патологические или, как минимум, нежелательные отклонения от подразумеваемой "нормы", а как нормальные, естественные и в чем-то даже необходимые.

До недавнего времени это многообразие относили прежде всего на счет культуры. Современная наука различает а)биологический, репродуктивный пол, статус индивида как самца или самки, с соответствующим набором контрастирующих признаков, и б)социальный пол как совокупность социокультурных и поведенческих характеристик и ролей, определяющих личный, социальный и правовой статус мужчины или женщины в определенном обществе. Социальный пол обычно называют гендером (от латинского gender - род) и поскольку он включает в себя половую принадлежность (человек признает себя мужчиной, женщиной или существом неопределенного пола не только по своей анатомии, но и по соответствующим социальным критериям), эти свойства и отношения, за исключением анатомо-физиологических, часто называют не половыми, а гендерными (гендерные роли, гендерное разделение труда, гендерные стереотипы и т.д.) Однако научная терминология еще не устоялась, слова "гендер" и "пол", "гендерные роли" и "половые роли", "гендерная ориентация" и "сексуальная ориентация" часто употребляют как синонимы.

По образному выражению американского антрополога Кэтрин Марч, пол относится к гендеру как свет к цвету. Пол и свет - естественные физические явления, допускающие объективное измерение. Гендер и цвет - исторические, культурно обусловленные категории, с помощью которых люди произвольно группируют определенные свойства, придавая им символическое значение. Хотя физиология восприятия света у людей более или менее одинакова, одни культуры терминологически различают только два или три, а другие - несколько десятков и даже сотен цветов. То же - с полом и гендером. Репродуктивная биология знает только два противоположных пола - мужской и женский. Для сексологии, психологии и антропологии этого недостаточно.

Но индивидуальные различия нельзя отнести только на счет культуры. В сложной и многоуровневой системе, как половая./гендерная идентичность, неизбежно наличие множества вариаций и вариантов, которые во многом обусловлены генетически. Коль скоро мужская или женская идентичность не дается человеку автоматически, при рождении, а вырабатывается в результате длительного и сложного процесса половой или гендерной социализации, "типизации" или "кодирования", активным участником которого является сам субъект, принимая или отвергая предлагаемые ему/ей социальные роли и модели поведения, возможны даже случаи перекодирования или "перестановки" гендерной идентичности с мужской на женскую или наоборот. В просторечии это называется переменной или сменой пола.

Состояние, когда индивид не может принять данный ему гендерный статус мужчины или женщины и испытывает острую неудовлетворенность им, называется гендерной дисфорией (греческое слово *dysphoria* означает "непереносимость"). Это мучительное состояние может иметь разные причины, внешние проявления, длительность и глубину. Самая глубокая, всеобъемлющая форма гендерной дисфории - трансгендеризм или транссексуализм, когда индивид полностью отвергает свой гендерный статус и добивается его смены, включая соответствующую хирургическую операцию, смену паспортного пола и т.д. В более мягком варианте индивид не меняет своего анатомического пола, но чувствует себя отчасти мужчиной, а отчасти женщиной и потому в определенных ситуациях нарушает привычные полоролевые границы, например, путем переодевания (трансвестизм). Наконец, существует множество случаев, когда человек не сомневается в своей половой идентичности, но не может "определиться" относительно каких-то ее конкретных аспектов, например, сексуальных, что порождает конфликты в его образе Я.

В отличие от гомосексуальности, трансгендеризм - сравнительно редкое явление, но по мере того, как люди узнают о возможности изменения пола, количество гендерных

дисфориков растет. Еще недавно считалось, что один транссексуал приходится на 30.000 мужчин и на 100.000 женщин, но по новейшим голландским данным, в этой стране один транссексуал приходится на 11.900 мужчин и на 30.400 женщин. Причем, вопреки прежним представлениям, эти люди психически нормальны, не страдают психозами и другими серьезными психическими расстройствами. При правильной диагностике и лечении, смена пола приносит им облегчение. Из 1275 голландских транссексуалов, сменивших пол с 1975 по 1992 год, сожалеют об этом только пятеро мужчин.

Но если даже половая идентичность может быть в некоторых случаях "съемной", что создает множество проблем и трудностей и тем не менее не мешает человеку оставаться психически здоровым и социально полноценным, то подавно не следует считать патологией нестандартную сексуальную ориентацию. Если допустить, что сексуальное влечение не направлено на продолжение рода и имеет совсем другие функции - получение удовольствия, достижение психической интимности и т.д., то его объект или потенциальный партнер вовсе не обязательно должен быть существом другого пола. Да и индивидуальных вариаций в сексуальной жизни гораздо больше, чем в репродуктивном поведении.

Современная биология считает, что склонность или предрасположенность к гомосексуальности имеет свои биологические предпосылки, но эти предпосылки, как и их последствия, могут быть разными.

Прежде всего это касается самого понятия "гомосексуального поведения". Хотя оно не является чем-то исключительным, характерным только для человека, но имеет аналоги в поведении животных, ученые различают несколько разных его типов.

1. Ситуативно-обусловленные действия. Однополые животные иногда пытаются спариваться друг с другом просто потому, что не могут распознать истинный пол потенциального сексуального объекта. Например, лягушки и жабы не могут определить пол другой особи на расстоянии, активный самец наскакивает на любую движущуюся особь своего вида. Самка отреагирует на такое поведение рецептивно, тогда как самец стряхнет с себя "насилника". Быки и жеребцы в состоянии возбуждения нередко наскакивают даже на неодушевленные предметы, но это чаще всего происходит в отсутствие самки, при появлении которой его внимание сразу же переключается на нее. Устойчивой сексуальной ориентации или предпочтения здесь нет.

2. Генетически обусловленное поведение. Нарушение генетического кода у рыб и лягушек приводит к тому, что генетические самцы ведут себя как самки, и наоборот. Особенно интересны в этом плане исследования на дрозофилах. Самцы дрозофил, как и многих других, а возможно - всех биологических видов, распознают самок по выделяемым ими пахучим веществам, феромонам. Уловив желанный запах, самец автоматически выполняет последовательную серию операций: устанавливает местоположение самки, следует за ней, поет, лижет и пытается спариться. Самец, в свою очередь, выделяет другое пахучее вещество, отталкивающее от него других самцов. Пересадив дрозофилам особый ген-трансформатор, ученые вывели популяцию самцов с феминизированной системой обоняния. Не улавливая специфических "мужских" запахов, такие самцы "ухаживали" за всеми особями подряд, независимо от пола. Однако безразличие к полу потенциального партнера - не синоним гомосексуальности, тут нет особого "предпочтения". Нарушение генетического кода у животных обычно изменяет не только их сексуальность (с кем и как они спариваются), но все их полодиморфическое поведение.

3. Поведение, имеющее социально-знаковый характер. За имитированием спаривания однополыми животными нередко стоят иерархические отношения господства/подчинения: доминантный самец или самка выполняют маскулинную, а более слабый партнер - фемининную, женскую роль. У некоторых обезьян демонстрация эрегированного члена другому самцу - знак агрессии или вызова. Если самец, которому адресован такой жест, не примет позы подчинения, он подвергнется нападению. В стаде

существует жесткая иерархия, кто кому может показывать член, которая служит более надежным показателем статуса и ранга отдельных животных, чем даже последовательность приема пищи. Сходные знаки и жесты существуют у павианов, горилл и шимпанзе. В одной из экспериментальных групп, вожак показывал свой член всем прочим животным, остальные самцы делали это строго по рангу, а самый последний, всеми обижаемый самец по кличке Эдгар мог себе позволить такое поведение только от отношению к людям - от сородичей за это попадало. Механизм передачи этой знаковой системы очень прост: пока детеныш мал, на его эрекции никто не обращает внимания, но как только он вступает в пору полового созревания, взрослые самцы воспринимают его эрегированный член как жест вызова и жестоко бьют подростка, который таким образом усваивает значение этой физиологической реакции и учится контролировать ее. "Отпугивающая" сила эрегированного члена используется и для защиты от внешних врагов. У павианов и зеленых обезьян в Африке, пока стадо отдыхает или кормится, караульные самцы сидят на видных местах, расставив ноги и демонстрируя миру свои частично эрегированные члены и как бы предупреждая чужаков не тревожить стадо. Эта информация весьма существенна для понимания филогенетических истоков широко распространенных у народов мира древних фаллических культов и обрядов, пережитки которых сохраняются и в современном языке и жестах (например, показывании кукиша, выражении "пошел ты на..." и т.п.). Но ничего специфически гомоэротического в этом поведении нет.

4. Похожее на мастурбацию трение однополых животных друг о друга или имитация спаривания в контексте игрового, социального и эмоционального общения. Чаще всего это делают животные, которые вместе выросли. У обезьян "подставление" нередко служит своеобразным жестом примирения после ссоры: мол, не сердись, я на все согласен. Выросшие вместе и связанные взаимной привязанностью молодые животные нередко "подставляются" или насакаивают друг на друга. То же самое происходит в состоянии аффекта. В момент сильного волнения самец шимпанзе может прижаться к другому самцу и даже взобраться на него, но этот контакт, как правило, не сопровождается интромиссией.

5. Сексуально-эротическое поведение, когда животные явно предпочитают сексуальные игры и действия с особями своего собственного пола, даже в присутствии особей противоположного пола. Такое поведение нередко наблюдается среди дельфинов и среди обезьян. В зависимости от вида и среды обитания, однополые сексуальные контакты практикуют либо только самки либо особи обоих полов, исключительно "мужская" гомосексуальность приматологам неизвестна. Такое поведение чаще всего наблюдается у незрелых животных и оно может быть несвязано с иерархическими отношениями господства и подчинения.

Таким образом, "гомосексуальное" поведение в животном мире не является чем-то единым. Но с точки зрения эволюционной биологии, любая повторяющаяся форма поведения должна иметь какую-то приспособительную, эволюционную функцию. Продолжению рода гомосексуальное поведение явно не способствует. Может быть его функция состоит в том, чтобы уменьшать внутригрупповую социальную напряженность и сексуальное соперничество? У многих животных молодые самцы, достигнув половой зрелости, еще долго не могут получить доступ к рецептивным самкам. Квазисексуальные контакты с особями собственного пола уменьшают их сексуальную фрустрацию, а тем самым и внутригрупповую напряженность. Кроме того, неучастие в процессе размножения какой-то, заведомо небольшой, части популяции, численность которой, возможно, генетически запрограммирована, уменьшает угрозу перенаселения и внутригруппового соперничества из-за средств к существованию, объективно способствуя выживанию семьи или популяции как целого. Сами не производя потомства, эти особи участвуют в добывании средств существования для своей стаи, защите ее территории, выхаживании чужих детенышей (многие стадные животные воспитывают потомство

сообща) и т.п. Гипотеза "гомосексуального альтруизма" применима и к людям, у которых выживание популяции зависит не столько от темпов рождаемости, сколько от производства материальных и духовных ценностей. Такое предположение, без всякой связи с эволюционной биологией, высказывал Фрейд.

Более современная биоэволюционная теория считает гомосексуальность побочным, но вполне закономерным продуктом эволюции. По этой теории, природа объективно заинтересована в разнообразии. Некоторые мужские качества, такие как сила и агрессивность, способствующие успеху в борьбе с другими самцами, в других отношениях невыгодны. Слишком агрессивные самцы отпугивают самок, которые предпочитают более спокойных и заботливых партнеров, давая им определенные репродуктивные преимущества. Кроме того, некоторые виды деятельности требуют сочетания мужских и женских качеств (например, балетный танцовщик должен сочетать мужскую силу с женским изяществом). Эволюция закрепляет соответствующие гены и особенности строения головного мозга. Но при этом возможен "перебор": один аллель некоего гена, повышающего эмоциональную чувствительность мужчины, увеличивает его успех и репродуктивные шансы у женщин, а два точно таких же аллеля приводят к противоположному результату, делая мужчину женоподобным и смещая направление его сексуальных интересов. Нечто подобное существует и у женщин: напористость и энергия, которые традиционно считаются мужскими качествами, облегчают женщине завоевание сексуального партнера. Но если этих качеств у женщины слишком много, она начинает походить скорее на мужчину, что проявляется и в ее эротике. Иными словами, эта теория рассматривает гомосексуальность как побочный продукт процесса половой дифференциации. Однако некоторые ее положения чисто умозрительны и не вызывают у многих ученых доверия.

Нет единой теории гомосексуальности и у других биологических дисциплин. В 1950-60-х годах особые надежды возлагались на эндокринологию. Предполагалось, полагая, что сексуальная ориентация зависит главным образом от соотношения мужских (андрогены) и женских (эстрогены) половых гормонов. Ученые спрашивали себя, а) существуют ли у гомосексуалов какие-либо характерные гормональные аномалии; б) обнаруживают ли люди с определенными эндокринными нарушениями повышенную склонность к гомосексуальности; в) может ли гормонотерапия изменить сексуальную ориентацию? После того, как ответы на эти вопросы оказались отрицательными, в центр внимания попала нейроэндокринная теория, считающая гомосексуальность следствием нарушения гормонального баланса на ранних, еще у зародка матери, стадиях развития организма, в результате чего задерживается или нарушается половая дифференциация головного мозга и связанного с ней полиморфического поведения. Эти исследования дали много интересных данных, но зависимость сексуальной ориентации от гормонов оказалась очень сложной и опосредованной, так что говорить о решающей или существенной роли гормональной регуляции в развитии гомосексуальности, за исключением лиц с явными физическими признаками интерсексуальности (феминизированные мужчины и маскулинизированные женщины) ученые считают преждевременным.

Нейроэндокринологические исследования тесно связаны с нейроанатомическими. Поскольку человеческий мозг дифференцирован по полу, ученые начали сравнивать не только мужской и женский мозг, но также мозг гетеро=гомо= и транссексуалов и обнаружили у них незначительные анатомические или функциональные различия. Но эти данные весьма противоречивы и что из них вытекает (если вообще вытекает), никто сказать не может.

Наибольших успехов в изучении биологии гомосексуальности добилась в последние годы генетика.

Во-первых, доказано, что гомосексуальность - явление "семейное": там, где есть один гомосексуал, существует большая вероятность найти других, особенно среди родственников по материнской линии. При этом гомосексуалами чаще оказываются

младшие сыновья, а критическим фактором является наличие старших братьев: каждый дополнительный старший брат увеличивает вероятность гомосексуальности на 33 процента. Впрочем, это характерно не для всех, а только для крайне феминизированных гомосексуалов. Помимо непосредственно генетических факторов, порядок рождения имеет важные психологические последствия. Первенцы, как правило, более активны, жестки и агрессивны, чем младшие сыновья, которые кажутся более мягкими, женственными, психологически гибкими, что способствует развитию у них в дальнейшем творческих способностей и склонности к принятию нестандартных решений (это выяснено путем анализа биографий выдающихся ученых).

Во-вторых, среди родственников гомосексуалов по материнской линии процент людей, которые вообще не вступали в брак или чьи браки остались бесплодными, или у которых были самопроизвольные аборты, выкидыши и мертворождения, значительно выше, чем среди родни по отцовской линии. Хотя эти факты не обязательно имеют генетическую природу (психологический климат в семье может передаваться из поколения в поколение), влияние наследственности кажется весьма вероятным.

В-третьих, у монозиготных (однойяйцевых) близнецов совпадение по гомосексуальности значительно выше, чем дизиготных (52% против 22%, у женщин - 48% против 16%).

В-четвертых, в материнском поколении гомосексуальных мужчин и женщин статистически нормальное соотношение потомков мужского и женского пола нарушено и очень близко к тому, которое наблюдается у отцов, страдающих одним из известных генетических нарушений мужской X хромосомы (так называемый маркер Xq28).

Изучая ДНК группы гомосексуалов и их ближайших родственников, американский биохимик Дин Хеймер обнаружил, что из 40 обследованных пар гомосексуальных братьев 33 имеют в Xq28 один и тот же ряд из пяти маркеров (вероятность случайного совпадения меньше одного процента).

Значит ли это, что открыт "ген гомосексуальности" и наука вскоре сможет точно определять и, возможно, корректировать соответствующий генетический код? Это, конечно, преувеличение. Хеймер подчеркивает, что он открыл не ген гомосексуальности, а только одно переходное звено между гомосексуальностью и частью одной хромосомы. Локализовать среди 5 миллионов расположенных здесь базовых пар ДНК отдельный ген так же трудно, как найти в большом городе человека, обойдя двести квартир. Вполне возможно, что человека делает гомо- или гетеросексуалом не один, а сто различных генов, плюс тысяча разных форм индивидуального опыта. По предположению Хеймера, только одна десятая мужчин, считающих себя гомосексуалами, является носителем соответствующего гена. А канадские ученые, повторившие исследование Хеймера, вообще не нашли обнаруженной им закономерности.

Короче говоря, генетика обогащает наши представления о природе и детерминантах однополрой любви, но отнюдь не является универсальной отмычкой ко всем дверям. Хотя гомосексуальность очевидно имеет природные предпосылки, их взаимосвязь остается пока что гипотетической. Природа задает предрасположенность, склонность к той или иной сексуальной ориентации, но как именно эта склонность проявится и что из нее разовьется, зависит от среды и жизненного опыта индивида. Современная сексология предпочитает говорить не о едином, одинаковом у всех гомосексуализме, а о многообразных гомосексуальностях. Между прочим, о сексуальностях сегодня тоже говорят не в единственном, а во множественном числе.

Гомо=, гетеро= или би?

Все люди - евреи, только не все об этом знают.

Бернард Маламуд

Безумие... - понятие достаточно зыбкое, и люди мещанского склада произвольно орудуют им, руководствуясь сомнительными критериями. Границу разумного они

проводят наспех и очень близко от себя и своих пошлых убеждений, а все, что находится за нею, объявляют сумасшествием.

Томас Манн

В том же направлении, что и биология, указывают и науки о поведении.

Родоначальник статистических исследований сексуального поведения американский энтомолог Альфред Кинзи (1894-1956) с группой сотрудников обобщил данные о сексуальности опрошенных 20 тысяч американцев по двум шестибальным шкалам. Первая шкала фиксировала сексуальное поведение (гомо/гетеросексуальность): на одном ее полюсе стояли исключительно гетеросексуальные индивиды, не имевшие в течение жизни ни одного гомосексуального контакта (0), на другом - исключительно гомосексуальные, не имевшие никакого гетеросексуального опыта (6), а посередине - те, кто имел, в разных пропорциях, как гетеро=, так и гомосексуальные контакты. Вторая шкала точно таким же образом измеряла эротические чувства (гомо/гетероэротизм) испытуемых.

Статистика Кинзи ошеломила Америку. Оказалось, что 48% опрошенных мужчин имели в своем жизненном опыте хотя бы один гомосексуальный контакт, причем 37% из них испытали при этом оргазм (семяизвержение). 25% мужчин имели между 16 и 55 годами несколько гомосексуальных контактов, 18% имели в течение по крайней мере трех лет одинаковое число гомо= и гетеросексуальных контактов, 10% вели исключительно гомосексуальную жизнь не менее трех лет, а 4% - всю жизнь. Из опрошенных женщин 25% признали, что хотя бы однажды испытывали эротические чувства к другим женщинам, 19% имели до 40 лет хотя бы один гомосексуальный контакт, в том числе 13% - с оргазмом; исключительно гомосексуальную жизнь вели 1% женщин.

Людам было, о чем задуматься. Во-первых, гомосексуальные отношения и гомоэротические чувства оказались значительно более массовыми, чем было принято думать. Во-вторых, сексуальное поведение и эротические чувства очень часто не совпадают, человек хочет одного, а делает другое, причем его желания и поведение могут быть разными на разных стадиях его жизненного пути. В-третьих, между гомо= и гетеросексуальностью не обнаружилось китайской стены, это не разные сущности, а полюсы одного и того же континуума, так что разных индивидов можно сравнивать по степени их гетеро/гомосексуальности, а чувства и поведение одного и того же человека сплошь и рядом противоречивы, неоднозначны.

Это вызвало жаркие споры о том, что считать "нормой" сексуального поведения и где же находится граница между количественными вариациями, в пределах подразумеваемой нормы, качественными отклонениями, девиациями, с которыми связаны какие-то социальные или психические проблемы, и опасными нарушениями, которые в медицине принято называть патологией.

Отчеты Кинзи способствовали "нормализации" гомосексуальности в обыденном сознании: если так поступают многие, значит это не так страшно! Но статистическая распространенность какого-то явления вовсе не доказывает его "правильности". В каждом обществе есть преступность, уничтожить ее невозможно. Значит ли это, что общество должно отказаться от борьбы с ней, которая только и вводит преступность в определенные рамки? В массовом сознании многие проблемы и цифры упрощались и искажались. Самым большим недоразумением было приписанное Кинзи заключение, будто каждый десятый американец - гомосексуал. На самом деле Кинзи вообще не разделял людей по этому признаку, он анализировал только их поведение, которое может быть и действительно является разным не только у разных индивидов, но и на разных этапах жизненного пути одного и того же человека.

Сексуальное поведение, эротические чувства и признание себя гомо= или гетеросексуалом - вещи принципиально разные. На вопрос "сколько на свете гомосексуалов?" вообще нельзя ответить, потому что он некорректно поставлен.

Репрезентативные национальные исследования начала 1990-х показывают это еще яснее, чем данные Кинзи.

Среди опрошенных американцев какой-то (хотя бы однократный) опыт гомосексуального поведения после достижения 18 лет признали 4.9% мужчин и 4.1% женщин; со времени своего сексуального созревания гомосексуальные контакты имели 9.1% мужчин и 4.3% женщин. Сексуальное желание или влечение к лицам своего пола испытывали 7.7% мужчин и 7.5% женщин. Однако в большей или меньшей степени считают себя гомо= или бисексуалами (сексуальная идентичность) только 2.8% мужчин и 1.4% женщин.

Среди опрошенных англичан, наличие гомосексуального опыта в течение жизни признали 6.1% мужчин и 3.4% женщин, но в прошлом году однополые контакты имели только 1.1% и 0.4%, а исключительно гомосексуальными признали себя лишь 1% мужчин и 0.3% женщин.

Во Франции наличие гомосексуального опыта в течение жизни признали 4.1% мужчин и 2.6% женщин, в последние 5 лет - 1.4% и 0.45, в последние 12 месяцев - 1.1% мужчин и 0.3% женщин. Любопытно, что женщины чаще мужчин признают наличие у себя гомоэротических желаний, (6.6% против 4.6%), а физических гомосексуальных контактов у них значительно меньше.

Возможно, что данные больших национальных опросов занижены: люди не любят признаваться в неодобряемых обществом поступках, особенно если они имели место в прошлом; глубинные интервью, которые проводил Кинзи, были гораздо более доверительными. Но дело не в абсолютных цифрах. Большое преимущество репрезентативных национальных опросов в том, что они высвечивают социальные параметры сексуальной ориентации, которых сексологи могут не замечать.

Например, среди мужчин, проживающих в 12 самых больших городах США, геями или бисексуалами считают себя свыше 9%; в следующих 88 по численности населения городах эта цифра снижается до 4.2%, в небольших городах - до 2%, а в сельских местностях меньше 1%. Сходная тенденция, хотя не столь резко выраженная, существует и у женщин. Это явно имеет не биологические, а социальные причины. В большом городе человеку легче найти подходящую среду и потенциальных сексуальных партнеров, проверить и осознать собственные эротические предпочтения. Причем среда, в которой человек рос и воспитывался до 14 лет, влияет на формирование его сексуальной ориентации значительно сильнее, чем та, в которой он живет потом.

Такую же дифференцирующую роль играет образование. Среди американцев с университетским образованием вдвое больше мужчин и в 8 раз больше женщин считают себя гомосексуалами, чем среди тех, чье образование ограничилось средней школой. Почему? Образованные люди больше сексуально экспериментируют? Или откровеннее говорят о себе? Или сказывается более терпимая семейная среда их детства (высшее образование - явление классовое)? Или сама жизнь в университетском кампусе, без родительского контроля, благоприятствует сексуальному экспериментированию? Каждая из этих гипотез (и многие другие) имеет право на существование и может быть научно проверена, доказана или опровергнута, но самый факт социальной дифференциации сомнению не подлежит.

Поскольку сексуальная ориентация многомерна, а сексуальные предпочтения порой изменчивы и текучи, далеко не все люди могут однозначно определить свою сексуальную идентичность. Чтобы убедиться в этом, попробуйте заполнить Решетку Сексуальной Ориентации Клайна [РСОК].

Таблица 1. Решетка сексуальной ориентации Клайна

Качество Прошлое Настоящее Идеал

Сексуальные влечения

Сексуальное поведение

Сексуальные фантазии

Эмоциональные предпочтения

Социальные предпочтения

Стиль жизни

Самоидентификация

В ней семь автономных параметров.

1. Сексуальные влечения (гетеро/гомоэротизм) - лица какого пола вас больше возбуждают, привлекают в качестве потенциальных сексуальных партнеров.

2. Сексуальное поведение (гетеро/гомосексуальность) - каков пол ваших реальных сексуальных партнеров, с кем вы целовались, обнимались и совершали другие сексуальные действия.

3. Сексуальные фантазии - людей какого пола вы преимущественно воображаете в своих эротических мечтах и при мастурбации.

4. Эмоциональные предпочтения (гетеро/гомофилия) - с кем вы предпочитаете дружить, поддерживать интимные личные отношения, изливать душу.

5. Социальные предпочтения (гетеро/гомосоциальность) - с лицами какого пола вы предпочитаете общаться, совместно работать, проводить свободное время.

6. Стиль жизни предполагает вопрос, проводите ли вы свое свободное время преимущественно в обществе гетеро=, гомо= или бисексуальных людей.

7. Самоидентификация отражает вашу сексуальную идентичность, считаете ли вы себя гомо=, гетеро= или бисексуалом.

Каждое из этих качеств фиксируется в трех временных измерениях - в прошлом (5 лет назад), в настоящем (за последний год) и в идеальном, желательном будущем.

Чтобы измерить свою сексуальную ориентацию, скопируйте решетку Клайна и заполните каждую из 21 ячейки цифрами от 0 до 6.

0 - означает, что ваше сексуальное влечение, поведение, фантазии и т.д. были, есть или должны быть в идеале направлены исключительно на людей противоположного пола;

1 - что они направлены главным образом на лиц противоположного, но иногда и своего пола;

2 - что в вашем эротическом воображении и т.п. преобладают лица другого пола, но представители своего пола также играют заметную роль;

3 - что ваши влечения, сексуальные контакты и т.п. разделены примерно поровну между лицами другого и своего пола;

4 - что в них преобладают лица своего пола, но люди другого пола также играют важную роль;

5 - прямая противоположность 1;

6 - что ваши влечения, поведение и т.п. направлены исключительно на лиц собственного пола.

Поскольку эта шкала не предусматривает полной асексуальности, если у вас нет никаких сексуальных влечений, поведения или фантазий, сделайте в соответствующей графе пробел [-].

Ваши показатели по разным шкалам наверняка окажутся неодинаковыми. Можете подсчитать их отдельно, сложив свои баллы по 3 колонкам и затем разделив итог на 3. Чтобы вычислить общий балл своей гетеро/гомосексуальности, сложите все показатели по всем графам и разделите итог на общее число заполненных граф (21 или меньше). Не смущайтесь, если результаты окажутся противоречивыми: научные категории условны, а наши чувства сплошь и рядом неоднозначны. Сделали? Отлично. Даже если вы не узнали ничего нового о своей сексуальности, вы выяснили, что определить, как говорили когда-то советские социологи, "кто есть who", не так-то просто, даже применительно к себе. А ведь есть еще вопросы "почему", "зачем", "где", "как", "кто виноват" и "что делать".

Самый сложный вопрос теории сексуальной ориентации - проблема бисексуальности. Понятие это крайне неопределенно. По Фрейду, бисексуальность - всеобщее явление, свойственное всем людям. Это очень удобная позиция, с ней трудно не согласиться. Но

она только отодвигает сложные вопросы. Почему один человек делает гомосексуальный, другой - гетеросексуальный выбор, а третий вообще не выбирает, оставаясь на всю жизнь бисексуалом? Когда, в каком возрасте делается этот выбор, настолько он окончателен и необратим и т. д.?

Можно заземлить проблему на биологические процессы половой дифференциации, которая допускает, в известных пределах, развитие организма как по мужскому, так и по женскому типу (иногда это, вслед за Джоном Мани, это называют бипотенциальностью). В этом случае выбор пола предпочитаемого сексуального объекта также выглядит подвижным, текучим и хотя бы отчасти зависящим от воспитания. Но здесь также должны быть свои критические периоды, по истечении которых ход назад невозможен. Клиника гендерной дисфории показывает, что смена пола имеет достаточно жесткие биологические границы, "сделать" из биологически нормального мальчика девочку не удастся. Сексуальная ориентация, конечно, пластичнее половой идентичности и формируется значительно позже. И все же...

Не работает и чисто поведенческий подход. В основе шкалы Кинзи лежит представление, что разница между гомо= и гетеросексуальностью - только количественная, это полюсы одного континуума. Однако в этом случае сексуальное поведение и чувства подавляющего большинства людей должны быть бисексуальными, а исключительная гетеросексуальность - быть такой же редкой, как исключительная гомосексуальность. Эта философия импонирует радикальным теоретикам гей-движения, которые уверяют, что каждый "натурал", если с ним хорошенько "поработать" (соблазнить, заставить переспать и т.п.), может обнаружить в себе некую "голубизну".

Но те самые аргументы выдвигают сторонники "лечения" гомосексуальности: надо только пробудить в гее подавленное здоровое начало, и он с радостью станет "нормальным".

На самом деле большинство людей не только не считают себя бисексуалами (они могут просто не знать о такой возможности), но и не экспериментируют в этом направлении, а люди, имеющие бисексуальный опыт, в большинстве случаев рано или поздно останавливаются на чем-то одном, так что с возрастом жизненные пути и вкусы геев и "натуралов" не сближаются, а расходятся. Некоторые генетики утверждают даже, что среди мужчин, в отличие от женщин, бисексуальность практически не существует.

Даже если ограничить понятие бисексуальности сферой сексуально-эротических переживаний, за ним все равно обнаружатся совершенно разные сексуальные сценарии и свойства.

В одном случае бисексуальностью называется простая социальная мимикрия, когда гетеросексуальный брак служит прикрытием однополых привязанностей и отношений; если бы такой мужчина имел свободу выбора, он никогда не стал бы спать с женщиной (и наоборот). В глазах враждебного общественного мнения бисексуальность выглядит престижнее, чем исключительная гомосексуальность, поэтому соблазн обмануться тут очень велик.

Знаменитый английский писатель Сомерсет Моэм в старости признался: "Моя самая большая ошибка заключалась в том, что я воображал себя на три четверти нормальным и только на четверть гомосексуалом, тогда как в действительности все было наоборот".

В другом случае это заведомо временное и преходящее сексуальное экспериментирование, чаще всего - в период подростковой гиперсексуальности, когда мальчик возбуждается по любому поводу и еще не знает, что его влечет больше.

В третьем случае это групповой секс, когда тела сплетаются друг с другом в любых сочетаниях, а половые различия практически утрачивают значение.

В четвертом случае налицо некая "специализация" эмоциональных привязанностей и сексуальных позиций, например, молодой человек одинаково охотно спит и с мужчинами и с женщинами, но с женщиной он обязательно должен быть "сверху", а с мужчиной -

"снизу".

Есть и такие люди, которые вообще не уверены, что или кто им больше нравится:

Когда вы обнимаетесь

у меня на глазах,

Я никак не могу решить,

на чем месте хотела бы оказаться.

(Лия Абеляр)

Ситуативная бисексуальность особенно часто встречается в богемной среде. Вуди Аллен как-то сказал своему бисексуальному продюсеру: "Что бы ни говорили о бисексуальности, у тебя на 50 процентов больше шансов найти партнера на субботнюю ночь".

Знаменитый бабник художник Ларри Райверс в молодости имел также несколько связей с мужчинами, включая поэта Джона О'Хару, и нисколько не смущался этим: " В двадцать семь лет гомосексуальный акт был для меня приключением, вроде того, как попробовать новую позицию с женщиной; я был настолько уверен в своей гетеросексуальности, что мог позволить себе быть гомосексуалом".

Киноактер Джеймс Дин, которого один из его любовников назвал "мультисексуалом", на прямой вопрос ответил: "Конечно, я не собираюсь прожить всю жизнь с одной рукой, привязанной к спине".

А писатель Гор Видал сказал, что он "трисексуал": "Когда я был молод, даже неохраняемая дыня не была в моем обществе в безопасности".

Вряд ли за этим стоит какой-то единый сексуальный сценарий. Что же касается людей, для которых бисексуальность - более или менее постоянный стиль жизни в течение нескольких лет, то хотя по большинству социодемографических и психосексуальных свойств они стоят посередине между гетеро= и гомосексуалами, они обычно больше тяготеют к тому или другому полюсу. Многие из них (около 30%) в дальнейшем "мигрируют" в сторону гомосексуальности, а некоторые, наоборот, становятся гетеросексуалами.

Можно ли "вылечить" гомосексуальность? В 1950-60-х годах это пытались делать медики самых разных специальностей. Однако ни хирургические, ни гормональные, ни психотерапевтические, ни комплексные методы "коррекции" себя не оправдали. Попытки долгосрочной психологической "коррекции" сексуальной ориентации также оказались неэффективными. В настоящее время на Западе "лечить" гомосексуальность берутся преимущественно безграмотные религиозные проповедники и шарлатаны. Американская психиатрическая ассоциация еще в 1973 г. исключила гомосексуальность из своего перечня психических болезней. В разделе "неспецифических сексуальных расстройств" остается лишь "постоянное и выраженное беспокойство по поводу своей сексуальной ориентации".

Общая позиция мировой медицины, включая психиатрию, зафиксированная в диагностическом справочнике Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (имеется ее русский перевод), состоит в том, что гомосексуальность не является болезнью и не подлежит "лечению". Американская психологическая ассоциация опубликовала даже официальные директивы, настоятельно рекомендуя своим членам не участвовать в подобных действиях, поскольку они не имеют под собой научной базы и могут нанести существенный вред клиентам.

Это не значит, что геи и лесбиянки, как и представители других сексуальных ориентаций, не нуждаются в психологической или психотерапевтической помощи. Принадлежность к дискриминируемому меньшинству нередко порождает у людей психологические проблемы и трудности, да и само сексуальное самоопределение зачастую неоднозначно. Квалифицированный психолог или психотерапевт может помочь людям разобраться в своих проблемах, не принимать поспешных и рискованных решений,

восстановить подорванное самоуважение и т.д. Но все это должно быть сугубо добровольным и индивидуальным.

К сожалению, до российской медицины новые идеи о гомосексуальности доходят очень медленно. В 1980-х годах советские сексопатологи не только не сомневались в том, что гомосексуальность - болезнь, но и брались, ни много, ни мало, осуществить "перестройку личности" с помощью... аутогенной тренировки. В справочнике по сексопатологии 1990 года гомосексуализм по-прежнему определяется как "патологическое влечение", возникающее в результате нейроэндокринных нарушений, а также внушения "родителями и воспитателями неприязненного отношения к противоположному полу".

Хотя летом 1999 г. российская психиатрия, наконец, официально исключила гомосексуализм из списка диагнозов и приняла классификацию, принятую ВОЗ, многие отечественные психиатры, отчасти по невежеству, а отчасти продолжая традиции советской репрессивной психиатрии, признававшей "патологическими" любые индивидуальные особенности, не вписывавшиеся в официальный канон "советского человека", и сегодня считают однополую любовь опасным "половым извращением", нагнетая в обществе страх и нетерпимость. Эта точка зрения представлена и в многих популярных книгах по сексологии (например, в сочинениях Дили Еникеевой). Помогать обращению геев и лесбиянок в "правильную" веру охотно берутся также священники, самопровозглашенные народные целители, психоаналитики и даже предприимчивые журналисты.

Некоторые интеллигенты думают, что "депатологизация" и декриминализация гомосексуальности - результат политического давления и лоббирования влиятельной международной "гомосексуальной мафии". На самом деле за этим стоят глобальные сдвиги в мировой культуре, прежде всего - общее изменение отношения к индивидуальным особенностям в поведении и психике. В архаическом обществе все, что отличалось от общепринятого, вызывало подозрения, страх и желание это устранить или ограничить.

Поучителен в этом отношении пример левшей. На вопрос "Какой рукой вы пишете?" девять человек из десяти отвечают "правой", 10 процентов - "левой", но около 30 процентов правой иногда пишут и левой. Похоже на гетеро=, гомо= и бисексуальность, не правда ли? Многие народы в прошлом считали леворукость болезненной и опасной (латинское *sinister* - левый, означает также "неловкий", "неумелый"), левшей считали морально развращенными и приписывали им связь с дьяволом. В новое время убивать или изгонять левшей стало не принято. Тем не менее обследования в тюрьмах и психиатрических больницах в конце XIX в. "подтвердили", что левши чаще других людей бывают лунатиками, невротиками, имеют преступные наклонности, что среди них больше умственно отсталых, заик, эпилептиков, а также гомосексуалистов.. Врачи, учителя и родители всячески старались подавить в детях это болезненное начало и научить их пользоваться преимущественно правой рукой. Иногда это получалось, чаще - нет, но всегда причиняло много хлопот и мучений.

Сегодня эти тревоги кажутся смешными. Мы знаем, что леворукость связана с особенностями функционирования полушарий головного мозга, причем заведует ею тот же самый отдел гипоталамуса, где, по Хеймеру, расположен "ген гомосексуальности". Подобно гомосексуальности, она встречается у мужчин вдвое чаще, чем у женщин, а у гомосексуалов - на 39% чаще, чем у обычных людей. Однако, в противоположность старым байкам, она не сопряжена ни с какими психическими и моральными нарушениями. Переучивать левшей не надо, они и так могут быть кем угодно, даже чемпионами мира по боксу и теннису.

Значит ли это, что общество готово или обязано принимать любые индивидуальные свойства, особенно если они генетически обусловлены? Ни в коем случае. Предположим, генетики открыли, что сексуальный маньяк Чикатило - жертва каких-то плохих генов (кстати, это вполне вероятно). Что от этого изменится? Никакое общество не может

позволить сексуальному маньяку беспрепятственно удовлетворять свои желания, поскольку они опасны для окружающих. Когда научные знания это позволят, таких людей будут лечить, исправляя (если надо - принудительно), их "неправильные" гены. Пока такой возможности нет, потенциального Чикатило нужно надежно изолировать. А дальтоники и левшей никто не опасается.

Может быть это верно и относительно гомосексуалов? Социальное положение и статус любого сообщества зависят от гражданских и человеческих качеств составляющих его индивидов. Являются ли "голубые" мужчины и женщины полноценными членами общества? Соблюдают ли они свои гражданские обязанности? Каков их вклад в мировую культуру и цивилизацию? Что способствует и что мешает их социальной интеграции и творческой самореализации? Чтобы ответить на эти вопросы, придется обратиться к истории.

ЛЮДИ В ИСТОРИИ

Сексуальности, культуры и религии

Где бы мы ни встретили человеческие существа, они всегда удивляются другим людям.

Маргарет Мид

Многие люди, не знающие истории и этнографии, убеждены в том, что однополая любовь - продукт социального и нравственного разложения общества, простые и "естественные" люди ее не знают. На самом деле это влечение и поведение встречается во всех человеческих обществах, однако разные культуры и религии оценивают и конструируют их по-разному. При количественном, статистическом обобщении отношения разных обществ к однополой любви, возникает картина, напоминающая шкалу Кинзи:

1. строго запрещают и наказывают;
2. осуждают;
3. относятся нейтрально;
4. допускают при определенных обстоятельствах;
5. допускают всегда;
6. предписывают при определенных обстоятельствах;
7. одобряют и поэтизируют.

Но статистические данные без качественного анализа бессмысленны. Одно и то же общество может в одних ситуациях категорически запрещать однополый секс, а в других одобрять и даже предписывать его. Для историка или антрополога существенны не столько сами по себе запреты и предписания, сколько их социокультурный контекст - чем они мотивированы и как они выполнялись.

Существует несколько наиболее распространенных типов однополых отношений.

1. Институционализированные (то есть официально принятые культурой и оформленные специальными ритуалами) разновозрастные отношения, чаще всего - между взрослыми мужчинами и мальчиками - подростками.

2. Институционализированные отношения между взрослыми людьми, один из которых изменяет при этом свою половую/гендерную идентичность, одежду, род занятий и т.п.; то есть мужчина социально и символически как бы становится женщиной, и наоборот.

3. Институционализированные "профессиональные" отношения, связанные с выполнением определенной социальной или сакральной (религиозной) роли, делающей сексуальную связь с лицами собственного пола обязательными для него (например, священная храмовая проституция).

4. Равноправные и добровольные сексуально-эротические отношения, основанные на индивидуальном влечении людей друг к другу. Разные культуры имеют на этот счет разные представления и нормы, часто неодинаковые для разных социально-возрастных

групп. Например, сексуальные игры и контакты между мальчиками-подростками считаются нормальным проявлением юношеской сексуальности, на них смотрят сквозь пальцы или даже одобрительно, а такое же поведение взрослых вызывает настороженность и осуждение.

5. Социально-неравные, иерархические отношения, когда человек более высокого социального статуса, обладающий властью или деньгами, сексуально эксплуатирует бедного и зависимого. Решающее значение имеет при этом не пол сексуального партнера (кто с кем спит), а сексуальная позиция (кто кого "трахает"); в равных отношениях это дело индивидуального вкуса.

Самая распространенный тип институционализированных мужских гомосексуальных отношений (однополюе отношения между женщинами нигде не институционализировались и существовали только на бытовом уровне, поэтому мы знаем о них гораздо меньше) - это сексуальные контакты между мальчиками-подростками и взрослыми мужчинами. Многие народы считали их необходимой формой обучения и передачи мальчику силы или мудрости взрослого мужчины и оформляли их специальными ритуалами.

Ритуалы инсеминации (осеменения) мальчиков широко распространены у народов Новой Гвинеи и Меланезии. Когда мальчикам папуасского племени самбия исполняется по семь-восемь лет, их отбирают у матерей и помещают в замкнутый мужской мир. Самбия верят, что для того, чтобы созреть и вырасти, мальчик должен регулярно пить мужское семя, как младенец - материнское молоко. Недаром обе жидкости - белые. Сосание члена для мальчика - то же, что сосание груди для младенца. До начала полового созревания мальчики "высасывают" старших подростков и юношей, а затем их самих обслуживают новички. Юноши и молодые мужчины некоторое время ведут бисексуальную жизнь, а после вступления в брак целиком переключаются на женщин. Взрослая гомосексуальность в племени неизвестна. Символическая основа этой практики - стремление "возвысить" мужское начало, "очистив" мальчиков от феминных, женских элементов. Обряды, закрепляющие чувство мужской солидарности, хранятся в тайне от женщин и возводятся к мифическому прародителю племени Намбулю. Первоначальная сексуальная социализация принудительна, партнеры не выбирают друг друга, а назначаются старшими. В дальнейшем у них могут появиться индивидуальные предпочтения, но отношения и сексуальные роли остаются строго иерархическими: старший не может "обслуживать" младшего, а между близкими друзьями это вообще не принято.

Способы "осеменения" мальчиков у разных племен различны. У самбия, эторо, баруйя, чечай и куксов оно осуществляется орально. У калули (восточный берег Новой Гвинеи) и кераки вместо орального осеменения практикуется анальное. На вопрос этнографа, подвергались ли они сами такому обращению, папуасы кераки отвечали: "Ну, конечно! Иначе как бы я мог вырасти?" С европейской колокольни, разница не так уж велика. Но поскольку эти племена традиционно враждуют, они с одинаковым отвращением рассказывают о соседских методах: вы только подумайте, какой противоестественной мерзостью занимаются эти люди!

Интерпретация этих обрядов и обычаев вызывает споры. Одни ученые видят в них способ контроля за рождаемостью путем разрядки юношеской сексуальной энергии, пока мужчина социально не созрел для брака и продолжения рода (некоторые общества поощряют подростков, вместо того, чтобы "портить" девушек или соблазнять чужих жен, иметь сексуальные отношения с животными). Другие считают их средством поддержания мужской групповой солидарности (мужчины, которые спят друг с другом, не нуждаются в женщинах и имеют собственные тайнства). Третьи связывают их с необходимостью высвободить мальчиков из-под материнского влияния, под которым они находились в детстве: осеменение - не простой физический акт, а одухотворение, которое может осуществить только мужчина, это приобщает мальчика к мужскому сообществу.

Четвертые отмечают связь этих обычаев с символической культурой, космогоническими и религиозными представлениями (мифический родоначальник самбия Намбулю - двуполоый андрогин).

Однако эти ритуалы и обычаи не создают какой-то особой, постоянной "сексуальной идентичности" и самосознания. Если у какого-либо мужчины и возникают специфические эротические предпочтения, которые мы назвали бы гомосексуальными, общество не обращает на них никакого внимания, а индивид послушно выполняет все свои "нормальные" обязанности: сначала отсасывает дядю или старшего мальчика или подставляет для "осеменения" собственный зад, потом женится, зачинает детей, а также осеменяет следующих мальчиков или жертвует для этого свою сперму. Что из этого ему больше нравится - никого не волнует, он такой же мужчина, как все остальные.

Принципиально иначе обстоит дело там, где сексуальные отношения с лицами собственного пола трактуются как аспект общего изменения половой роли и идентичности. Путешественники и этнографы часто сталкивались с этим непонятым явлением.

В своем "Описании земли Камчатки" (1755) Степан Крашенинников отмечал наличие среди камчадалов особой категории мужчин-коекчучей, "которые в женском платье ходят, всю женскую работу отправляют, и с мужчинами не имеют никакого обхождения, будто бы гнушались делами их, или зазирались вступать не в свое дело". Коекчучи находятся в чести, а некоторых из них "держат вместо наложниц". Отвечая на вопросы Сената о положении чукчей и каряков, иркутский губернатор Бриль в 1770 г. писал: "а прочие мужеска пола чрез волшебство обращаются в образ женский, и меж собой мужеложествуют и выходят друг за друга замуж". О широком распространении "педерастии" у чукчей, которой они нисколько не стесняются, писали и другие русские географы XVIII - начала XIX в.

Впервые столкнувшись с этим явлением после завоевания Америки, европейцы восприняли его как содомию и ссылались как на довод в оправдание колонизации и физического истребления индейцев. С легкой руки конквистадоров, таких людей стали называть бердачами (слово это предположительно происходит от испанского *bardajo* или *bardoja*, обозначающего мальчика на содержании, проститутку мужского пола; отсюда же и русское - "бардак"). Институт бердачей был широко распространен среди американских индейцев (в Северной Америке он зафиксирован у 113 племен), народов русского Севера, Сибири и Дальнего Востока (чукчи, алеуты и др.), Индонезии и Африки. Испанские и португальские колонизаторы беспощадно расправлялись с ними. В 1513 г. Франсиско Бальбоа бросил сорок бердачей на растерзание собакам, в Перу их массами сжигали, заставив уйти в глубокое подполье.

Биологическая природа бердачизма до сих пор вызывает споры. Ранние антропологи и психоаналитики считали его формой институционализированной гомосексуальности. Но хотя сексуальными партнерами бердачей обычно бывают люди их собственного пола, это правило не является всеобщим, а в описаниях их ролей и функций подчеркиваются не сексуальные, а гендерные характеристики - род занятий, одежда, специфические ритуальные функции.

Другие ученые думают, что бердачи - врожденные интер= или транссексуалы. Не заставляя таких людей обязательно делать трудный для них выбор, местная культура позволяет им менять не только одежду, вид деятельности, имена и украшения, но и пол своих сексуальных партнеров. Папуасы самбия не причисляют детей, родившихся с анатомически неопределенными половыми органами, ни к мужчинам, ни к женщинам. Одних воспитывают как мальчиков, других - как девочек, а третьи не проходят ни мужских, ни женских инициаций. Аналогичные явления известны на Таити, в Индонезии и в некоторых других местах. Однако не у всех бердачей есть признаки гермафродитизма или транссексуальности.

Третьи считают бердачизм формой социального убежища, своего рода экологической нишей для мальчиков, которые по тем или иным причинам чувствуют себя неспособными выполнять трудные и соревновательные мужские роли и поэтому причисляют себя к женскому полу. Но бывают и бердачки-женщины. Кроме того, бердачи считаются не неполноценными, а двуполыми или представителями третьего, смешанного пола, их так и называют: "муже-женщина", "полу мужчина - полу женщина" или "два духа". Они занимают такое же особое, автономное место в обществе, как мужчины и женщины. Нередко им приписывают особую магическую силу, благодаря которой они часто бывают шаманами и поддерживают сексуальную связь с богами. Двуполыми были и многие языческие божества.

Пяти-шестилетний мальчик зуньи, обнаруживший склонность к домашней работе и общению преимущественно с женщинами, понятия не имеет об абстрактных нормативах мужского и женского поведения, он просто проявляет свои естественные склонности. Однако его семья и община обращают на это внимание, и когда в 10-12 лет такой мальчик выбирает себе одежду, он уже осознает символическое значение этого акта. Здесь имеет место двусторонний процесс: если бы не природные склонности ребенка, зуньи не признали бы его "двух-духовным", но если бы ему не позволили развивать эти свойства под прикрытием официально санкционированной социальной роли, они, вероятно, остались бы незамеченными или проявились в искаженных формах (в "цивилизованном" обществе сверстники травили бы такого мальчика, а родители таскали его по психиатрам).

Такая система половой социализации встречается главным образом в тех обществах, где противоположность мужских и женских ролей выражена менее резко и в религиозных верованиях которых представлено положительное андрогинное начало как воплощение изначальной целостности и духовной силы человека. В современном обществе рост терпимости к вариациям сексуального желания и поведения также тесно связан с ослаблением гендерной поляризации и пониманием того, что различия между мужчинами и женщинами зависят не только от их биологического пола и допускают множество индивидуальных вариаций, не являющихся ни социально опасными, ни патологическими.

Институционализированные, официально одобренные культурой, гомосексуальные связи и отношения существуют лишь в немногих обществах.. Равноправные, добровольные, основанные на личной склонности гомоэротические отношения распространены гораздо чаще, особенно среди детей и подростков. Это объясняется как сложностями формирования сексуальной ориентации, так и условиями развития и воспитания. Многие народные культуры и древние религии вообще не придают значения детским сексуальным играм, включающим имитацию полового акта, взаимную мастурбацию т.п. Половая сегрегация детей и подростков обычно мотивируется не столько тем, что общество стремится избежать сексуальных контактов между мальчиками и девочками, сколько принципиально разными задачами их воспитания, тем, что их готовят к разной деятельности. Однако жесткая половая сегрегация неизбежно влечет за собой однополые сексуальные контакты, с которыми народная культура не считает нужным бороться.

Большинство мальчиков-подростков индейцев яноамо (Бразилия) и араукана (Чили и Аргентина) имеют гомосексуальные связи со сверстниками, обычно прекращающиеся после женитьбы. Юноши бороро (Центральная Бразилия), прошедшие инициацию и живущие отдельно от женщин в мужских домах, часто развлекаются друг с другом, взрослые не видят в этом ничего страшного. В ряде районов Амазонии взаимная мастурбация и генитальные ласки - нормальные элементы дружеского общения молодых холостяков и женатых мужчин. Явный гомоэротический оттенок имеет тесная дружба молодых мужчин майя и индейцев южной Мексики и Гватемалы. Кое-где такие отношения допускаются и среди молодых незамужних женщин; у нанди (Кения) и акан (Гана) они иногда продолжают даже после замужества.

По мере усложнения социальной структуры общества, с возникновением классов и государства, социальная регуляция сексуального поведения усложняется. Поскольку общество заинтересовано в продолжении рода и поддержании института брака, наибольшее внимание и покровительство везде и всюду оказывается репродуктивному сексу, тогда как однополые отношения и привязанности считаются маргинальными или подрывными. Большинство мировых религий обосновывают это тем, что однополые связи бесплодны и не способствуют продолжению рода. Чтобы они не вступали в конфликт с репродуктивными задачами и не подрывали институт брака, общество стремится локализовать, ограничить их распространение строго определенными социальными ролями, местами и ситуациями: здесь можно, а в другом месте - ни-ни. Какие это роли?

Во-первых, это священная храмовая мужская проституция, большей частью связанная с женскими культами, которая существовала в древнем Шумере, Вавилоне, Ассирии, южной Индии и, по всей вероятности, в Израиле. Многие женские, материнские божества (Кибела, Астарта, Геката, Афродита, Артемида, Анаис и другие) имели кастрированных и/или умирающих женственных возлюбленных, а их жрецами обычно были евнухи или трансвеститы. Кастрировав себя и надев женское платье, жрец переставал быть мужчиной и приобщался к могуществу богини. Вступая в анальный контакт с ним, мужчина приносил в жертву богине не только деньги, но и свое драгоценное семя.

Во-вторых, это уже знакомые нам ритуалы мужских инициаций и социализации мальчиков.

В-третьих, это эмоциональные привязанности и сексуальные контакты между членами мужского воинского братства, в рамках так называемой героической дружбы.

В-четвертых, это дружба-любовь между женщинами, которой древние авторы не придавали особого значения, но которая существовала и в античной Греции, и в мусульманских гаремах.

В-пятых, это сексуальные отношения между социально-неравными людьми: коммерческая мужская проституция, сексуальное обслуживание рабовладельцев рабами, а также институт евнухов и кастратов, которых изготавливали, в частности, для сексуальных целей.

Разные цивилизации регулировали эти отношения по-разному.

Древнейшие правовые кодексы древней Месопотамии, от законов Урукагины (2375 до н.э.) до законов Хаммурапи (1726 до н.э.), не запрещали гомосексуальных действий. Хеттский свод законов второго тысячелетия до нашей эры упоминает их, но только в связи с incestом: мужчина не должен иметь сексуальных отношений со своей матерью, дочерью или сыном. В древней Ассирии мужчина, принудивший кого-либо к анальному сношению, сам подвергался изнасилованию, а затем кастрировался; жертва же изнасилования не наказывалась. Напротив, при добровольных связях, "активная" роль считалась "нормальной", а "пассивная" - позорной. Ложное обвинение или распространение слухов, будто кто-то неоднократно спал с мужчинами, было равносильно обвинению в проституции и наказывалось поркой, принудительными работами, кастрацией и штрафом. То есть осуждался не сам по себе однополый секс, а поведение мужчины, оказавшегося в "женской" позиции. По древнеавилонской книге гаданий, мужчина, анально овладевший другим мужчиной, опередит своих братьев и товарищей, зато того, кто в тюрьме уступит сексуальным домогательствам других мужчин (обратите внимание - уже в тогдашних тюрьмах была такая проблема!), ожидает беда.

В древнеегипетской мифологии сексуальный контакт с богом считался добрым предзнаменованием для смертного мужчины. В надписи на одной из гробниц покойник обещает "проглотить фаллос" бога Ра. Другой усопший говорит, что фаллос бога Геба "находится между ягодиц" его сына и наследника. Однако в отношениях между равными рецептивная позиция была для мужчины крайне унижительной.

В древнейших священных текстах Индии - ведах однополый секс не упоминается, а в санскрите нет слова, более или менее эквивалентного "гомосексуальности". Самые

влиятельные индийские религии, буддизм и индуизм, будучи очень терпимыми к разнообразным сексуальным техникам, тем не менее проповедовали аскетизм и половое воздержание. Гомосексуальные акты, как и мастурбация, считались оскверняющими человека, но наказывались очень мягко, это было не столько наказание, сколько очищение. По законам Ману (1 - 3 век до н.э.), "дважды рожденный (представитель высшей касты, брахман - И.К.) мужчина, который совершит противоестественный акт с женщиной,... должен выкупаться в одежде". Такое же ритуальное омовение полагалось за сношение с женщиной днем, или в воде, или в запряженной волами телеге. Пол сексуального партнера был менее важен, чем обстоятельства сношения. Хотя древняя индийская эротология, обобщенная в Камасутре, допускала использование в гетеросексуальных отношениях всех телесных отверстий, гомосексуальной эротики в ней практически нет. Бытовая, поведенческая гомосексуальность, особенно распространенная в буддийских монастырях, официально как бы не существовала.

Напротив, тема двуполости, андрогинии занимает важное место в религиозных культах Индии. Двуполой считается божественная корова-бык Адити, мать и отец всех богов. Шива обладает как мужскими, так и женскими свойствами. Вишну и его воплощение Кришна часто изображаются в виде андрогинов. В индийской мифологии широко представлены сюжеты, связанные с переменой пола.

"Третий пол" в Индии представляют так называемые хиджры, религиозное сообщество мужчин, с хирургически удаленными яичками и пенисом, которые носят женское платье и прически, подражают женской походке, голосу, манерам, называют друг друга женскими именами, занимают женские места в общественном транспорте и предпочитают мужчин в качестве сексуальных партнеров. Хиджры считаются особым, третьим полом, сочетающим мужские и женские характеристики. Некоторые из них курят и ведут себя агрессивно, что противоречит индийскому канону женственности. Многие занимаются ритуальной проституцией. Им приписывается особая магическая сила: угроза хиджры поднять юбку и показать свои изуродованные гениталии вызывает панический ужас, это равносильно проклятию. Хиджры охотно принимают в свою среду гомосексуальных и феминизированных мальчиков, помогая им найти приемлемую нишу, но их собственное самосознание неоднозначно.

Преследования и кары за гомосексуальность принесло в Индию только английское владычество. Бытовая педерастия была особенно распространена среди мусульман и сикхов. Однако со временем привычная фигура умолчания превратилась в жесткое табу слов. В современной Индии мужская гомосексуальность остается уголовным преступлением, а в индийской литературе и кино эта тема почти не освещается.

В отличие от аскетического и антисексуального христианства, ислам не запрещает мужчинам чувственных удовольствий, предусматривая их даже в раю. Но заниматься любовью правоверные должны только с женщинами. Коран и священные предания - хадисы сурово осуждают сексуальные контакты между мужчинами, назначая одинаковое наказание (смертная казнь путем побивания камнями для женатых и сто палочных ударов для холостых) для обоих партнеров. Однако это касается только взрослых мужчин, а самый факт преступления должен быть клятвенно засвидетельствован по крайней мере четырьмя очевидцами с безупречной репутацией. Если же виновные раскаются и исправятся, их можно простить (Коран, 4:16). Чтобы не пробуждать похоти, ислам строго табуирует наготу. Люди одного пола не должны спать в одной постели, их половые органы должны быть закрыты, короткие куртки и облегающие штаны, не говоря уже о шортах, кажутся правоверному мусульманину неприличными. Анальные сношения, все равно - с женщиной, мужчиной или мальчиком - строго запрещены

Соблюдались ли эти запреты и предписания? Первые арабские халифы строго придерживались первоначальных запретов, но с переносом столицы халифата в Багдад и общим ростом гедонизма, ситуация изменилась. Хотя законы оставались прежними, некоторые халифы, как Аль Амин (809-813) и Аль Мутаваккид (847-861) открыто

предпочитали женщинам мальчиков. В начале УШ в. появилась знаменитая на весь мир арабская гомоэротическая поэзия, посвященная мальчикам-подросткам, столь же чувственная, сколь и лиричная. Откровенно чувственная любовь к мальчикам представлена и в сказках "1001 ночи" (в переводах эти места вырезаны или "смягчены"). С Аравийского полуострова арабская гомоэротика перекочевала в Андалузию, где самым знаменитым ее воплощением стал сборник Ибн Хазма (умер в 1064 г.) "Ожерелье голубки".

Очень сложной была ситуация в Иране. Зороастризм, древняя религия этого региона, относился к содомии непримиримо враждебно, считая, что этим занимаются только демоны. Тюркские правители мусульманского Ирана XI-XII веков смотрели на предмет либеральнее. Автор знаменитого поучения "Зеркало для принцев" (XI в.) эмир Ибн Искандер рекомендует своему старшему сыну не пренебрегать ни женщинами, ни юношами, предпочитая первых зимой, а вторых - летом. Отношения султана Махмуда Газневида и его юного раба Аяза стали хрестоматийным образом любви в персидской литературе. Тема любви к мальчикам занимает одно из центральных мест в творчестве величайших персидских поэтов Саади и Хафиза, которыми увлекались многие европейские классики, включая Гете и Пушкина.

Аристократическая гомоэротика перекочевала и в другие слои исламских обществ. В Иране, Афганистане и Северной Африке (Тунис, Алжир, Марокко) всегда была широко распространена мужская проституция. Для европейских гомосексуалов второй половины XIX века Северная Африка стала прямо-таки землей обетованной. Арабские мальчики и их родители находили такие отношения почетными и выгодными. Эта свобода нравов создала у многих европейских интеллектуалов ложные представления о "сексуальной терпимости" ислама. На самом деле это были чисто коммерческие отношения. Мальчишеская проституция расцветала в бедных слоях общества, богатые и знатные люди не проституировали своих сыновей. Кроме того, в мусульманском мире строго различаются возрастные и сексуальные роли. Мужчина может спать с мальчиками, но не должен выполнять рецептивную роль. Принуждение к этому или изнасилование издавна считались в исламском мире одним из самых унижительных наказаний; в 1916 г. ему подвергся захваченный турками легендарный английский разведчик полковник Лоуренс ("Лоуренс Аравийский").

В сознании представителей современного исламского фундаментализма гомосексуальность ассоциируется не только с нарушением канонических запретов, но и с влиянием "растленного Запада". В Турции, Египте и Ираке гомосексуальность не преследуется по закону, но в Иране, Пакистане, Афганистане, Саудовской Аравии и в большинстве арабских стран она строго запрещена и может даже караться смертью. Независимо от характера уголовного законодательства, отношение к ней в исламских странах враждебное.

Первые сведения о мужской однополой любви в Китае восходят к эпохе династии Чжоу (1122-256 до н.э.). Однополые связи при императорском дворе были особенно распространены в эпоху династии Хань (206 до н.э.- 220 н.э.). Император Айди (1 в. до н.э.), согласно легенде, так сильно любил своего фаворита Дун Сяня, что когда однажды днем тот уснул, лежа на рукаве императорского платья, император, чтобы не будить любовника, вынул кинжал и отрезал злополучный рукав. Выражение "отрезанный рукав" стало в китайском языке эвфемизмом для обозначения однополой любви. (Другой эвфемизм "поделиться грушей" восходит к анекдоту эпохи Чжоу, когда фаворит тогдашнего императора отдал ему надкушенную грушу). Впрочем, императорская любовь не пошла Дун Сяню на пользу. Бездетный Айди попытался сделать своего фаворита наследником престола и передал ему императорскую печать, но придворные не подчинились и принудили Дун Сяня к самоубийству. В дальнейшем политическая роль фаворитов уменьшается, зато расцветает, особенно в эпоху Цзин (256-420) и в период Пяти Династий (907- 960), тонкая гомоэротическая лирика.

Настоящим рассадником гомоэротики были буддийские монастыри. Хотя китайский буддизм осуждал всякую сексуальность как отвлекающую от праведной жизни, многие монахи воздержанием не отличались, а мальчики были для них доступнее женщин. Расцвет аристократической гомоэротики в Китае относится к времени Минской династии (1366-1644), особенно к XVII в. Это было прямым вызовом конфуцианству, которое превыше всего ставило интересы семьи, продолжение рода, самодисциплину и моральный аскетизм. Чтобы смягчить этот конфликт, литераторы XVII века стараются изображать однополую любовь преимущественно в сентиментально-романтических тонах. Своеобразный гомоэротический аналог "Ромео и Джульетты" - китайская повесть XVII века "И даже камни склонились" о том, как двое студентов, полюбив друг друга, убежали в горы и стали жить отшельниками, отказавшись от своего семейного долга сыновей и женихов. Узнав о местонахождении беглецов, их семьи отправились за ними в сопровождении их невест. Но когда они прибыли на место, молодые люди уже вознеслись на небо, а на месте их гибели выросли два дерева с переплетающимися ветвями. Увидев в этом волю богов, обе невесты покончили с собой, а родственникам осталось лишь оплакивать потерю и собственное неразумие.

В реальной жизни, наряду с нежной любовью, процветали мужская проституция и порнография. Некоторые императоры пытались ограничить их распространение. Первый закон против мужской проституции, принятый уже в XII веке, не увенчался успехом. Император Канси в 1679 г. ввел суровые кары за изнасилование мужчин и мальчиков; добровольная содомия каралась месячным тюремным заключением и 100 тяжелыми ударами. В 1740 Циньское правительство запретило всякие гомосексуальные отношения, сделав их уголовно наказуемыми и загнав тем самым в подполье. В современном Китае гомосексуальные отношения между взрослыми не считаются преступлением, но их часто преследовали по другим статьям. В последнее время отношение к однополую любви, которую здесь иногда называют "болезнью иностранцев", стало более либеральным, в 1993 г. в Пекине открылся первый легальный гей бар. Однако на китайскую глубинку эти послабления не распространяются.

Самой терпимой к однополую любви азиатской страной вплоть до XIX в. была Япония, где она была связана, с одной стороны, с общей эстетизацией мужского тела, а с другой - с самурайским культом мужества и верности. Как и другие народы, японцы считали, что однополую любовь - "нансеку" ("мужской путь", "юношеский путь", "красивый путь" или "тайный путь") - завезли к ним извне (по легенде, ее завез из Китая в начале IX века буддийский монах Кукай). Но, в отличие от многих других народов, японцы никогда не называли это заимствование постыдным или грязным, а считали важным элементом своего культурного наследия и признаком развитой цивилизации.

В средневековой Японии любовь к женщинам и мужчинам считалась одинаково нормальной, одна не исключала другую. "Зима и лето, день и ночь сменяют друг друга. Никто не может отменить весеннее цветение или осенний листопад. Так как же можно критиковать Путь Мужчин или Путь Женщин?" Исключительное предпочтение одного пола считалось редким и странным. Мужчин, любивших только мальчиков, называли не по объекту их влечения, а по объекту избегания - оннагирай (женоненавистники). Хотя 11-19-летние мальчики считались "законными" объектами мужского желания, сексуальная техника "мужского пути" регламентировалась строже, чем гетеросексуальная. Японская эротика часто изображает оральный секс между мужчиной и женщиной, но никогда - между мужчинами. Напротив, целующиеся мужчины изображались часто.

Отношения между мужчинами были строго иерархическими, причем историки различают три разные субкультуры: буддийские монастыри, феодально-самурайскую среду и театральный мир. В отличие от континентального буддизма, японцы говорили о "красивом пути" без осуждения, считая его своего рода переходом от секса с женщинами к идеальному полному воздержанию. Сексуальные связи монахов с послушниками были практически узаконены. В одном монастыре сохранился забавный текст составленного в

1237 г. обета 36-летнего монаха: "Я пробуду в Храме Касаки до достижения сорока одного года... Переспав уже со 95 мужчинами, я обещаю, что их общее число не превысит за это время 100 человек.. Я не буду любить и содержать никаких мальчиков, кроме Рию-Мару" (видимо, ревнивый мальчик потребовал верности от любвеобильного монаха).

В самурайской, рыцарской среде, где все было подчинено воинскому кодексу чести, выше всего ценилась верность. Паж или оруженосец должен был учиться у своего господина доблести и быть достойным его. Измена мальчика господину влекла за собой жестокую казнь. Единственно допустимой сексуальной техникой была анальная пенетрация. Верность в любви до некоторой степени покоилась на соглашении. Феодал мог взять мальчика силой, но в этом случае любовь ему не принадлежала. Иногда старший самурай тоже давал обет верности. 22-летний Такеда Синген в 1542 г. дал письменное обязательство 16-летнему Касуге Генсуге, заверяя ревнивого Касугу, что никогда не спал с третьим мальчиком, Ёсихиро, хотя и хотел добиться этого. Теперь же, пишет Такеда, я этого и в мыслях не имею. "Поскольку я хочу сблизиться с тобой, отныне, если у тебя будут какие-нибудь сомнения на этот счет, я хочу, чтобы ты понял, что я не собираюсь повредить тебе. Если я когда-нибудь нарушу эти обещания, пусть меня постигнет божественная кара..." Желанный союз был заключен и продолжался многие годы. Любовная связь была частью феодальных отношений.

В популярном сборнике Ихара Сайкаку (1642-1693) "Великое зеркало мужской любви" (1687), имеется несколько рассказов на эту тему. В рассказе "Соловей в снегу" самурай Симамура Тонаи, поклявшись в верности двум юношам, дал каждому из них в залог своей любви по отрубленной фаланге своих мизинцев. Став взрослыми, благородные юноши обязательно вступали в брак. Однако известны и любовные союзы между сверстниками, продолжавшиеся всю жизнь. Юные самураи Тамасима Мондо и Тоеда Ханэмон, полюбив друг друга, когда первому было 16, а второму 19 лет, прожили в любви и согласии до старости, ни разу не изменив друг другу ни с женщиной, ни с мужчиной.

Самурайская гомоэротическая дружба - типичный феодальный институт. Удовлетворение сексуальных потребностей в условиях длительного отсутствия женщин и влечение к юношам здесь подчинены отношениям вассальной зависимости. Сексуальная связь не только скрепляла эти отношения, но и персонализировала их, превращая, по японской терминологии, "холодный долг" в "теплый долг". С окончанием эпохи феодализма в Японии этим отношениям пришел конец, но они оставили по себе прочную идеализированную память (достаточно вспомнить жизнь и творчество Юкио Мисимы).

Третья специфическая гомосексуальная субкультура - театральная мир. В японском традиционном театре Но и Кабуки всегда было много гомоэротики, а молодые актеры часто были любовниками знати, включая правителей-сегунов. С течением времени актерская проституция стала вполне законным и даже престижным занятием. Хотя мальчики из театра кабуки не обязаны были хранить верность своим любовникам и должны были отдаваться за деньги всем желающим, их уважали и ценили. Возрастные границы в этой среде были сильно размыты, иногда "мальчиками" считались мужчины за тридцать, но они старались выглядеть вечно юными, спрашивать их о возрасте считалось неприличным. В 17-18 вв. в Японии появились и другие легальные формы мужской проституции - бани, бордели и т.п.

Под влиянием христианства (католические миссионеры вели эту компанию с XVII в.) в XIX в. гомосексуальные отношения стали преследоваться юридически. В современном японском законодательстве однополая любовь легальна и отражена в творчестве многих писателей.

Израильскую цивилизацию считают одной из немногих древних цивилизаций, где сексуальные контакты между мужчинами были запрещены категорически. "Не ложись с мужчиною, как с женщиною, это мерзость" [Левит 18, 22] и "Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они да будут преданы смерти; мерзость сделали они; кровь их на них" [Левит 20, 13].

Поскольку эти нормы позже стали частью морально-религиозного кодекса христианства, рассмотрим их подробнее. Было ли мужеложство само по себе особенно страшным, непростительным грехом или так же строго карались многие другие пороки, к которым позже религия стала относиться терпимее, и если да, то почему? И чем мотивированы эти запреты - заботой о том, чтобы люди совокуплялись только ради деторождения, или поддержанием полоролевых различий и иерархии (в средние века совокупление в позиции "женщина сверху" приравнивалось к содомии), или требованиями религиозной чистоты, необходимостью отмежевания от иноверцев?

Для безусловно верующего человека и для атеиста эти вопросы несущественны. Первый рассуждает по формуле "сказано нельзя - значит нельзя!", а второй - по формуле "какое мне дело до того, что думали люди, спорившие о том, сколько ангелов может разместиться на острие иглы?" Но для историка религии и для человека, который верит в Бога, но не может преодолеть свое "неправильное" влечение, эти вопросы не праздные и имеют практический смысл. Текстологические исследования Библии позволяют на них ответить.

Еврейское слово *toevah*, которое в русском тексте Библии переведено как "мерзость" (иногда его переводят как "извращение") означает прежде всего ритуальную "нечистоту", нарушение неких установленных границ, "смещение" несовместимого. Соответствующий библейский запрет стоит в одном ряду с многими другими аналогичными нормами, запрещающими кровосмешение, скотоложство, использование одежды противоположного пола, прием неподобающей пищи и т.п. Характерно, что в предыдущем стихе Левита [20, 12] сказано: "Если кто ляжет с невесткою своею, то оба они да будут преданы смерти; мерзость сделали они; кровь их на них". Иначе говоря, мужеложство - частный случай нарушения общих правил полоролевой стратификации и родственных отношений.

Неоднозначна и интерпретация знаменитой истории Содома и Гоморры. По известному библейскому сюжету, Бог, узнав о безбожном поведении жителей этих двух городов, послал для выяснения обстоятельств двух ангелов. В Содоме их встретил праведник Лот и пригласил к себе переночевать, но

"Еще не легли они спать, как городские жители, Содомляне, от молодого до старого, весь народ со всех концов города, окружили дом.

И вызвали Лота, и говорили ему: где люди пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их.

Лот вышел к ним ко входу, и запер за собою дверь,

И сказал: братья мои, не делайте зла.

Вот, у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно; только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего". (Бытие, 19: 4-7)

Содомляне не послушались Лота, и тогда ангелы вывели его с семьей из города, а Содом разрушили и сравняли с землей.

Вторая, сходная история рассказана в Книге Судей, В городе Гиве Вениаминовой один старик приютил на ночь мужчину с наложницей. Но только они "развеселили сердца свои", как "жители города, люди развратные, окружили дом, стучались в двери, и говорили старику, хозяину дома: выведи человека, вошедшего в дом твой, мы познаем его". Хозяин просил их "не делать этого безумия". Вместо мужчины к ним вышла его наложница, "они познали ее, и ругались над нею всю ночь до утра", после чего она умерла (Книга судей, 19: 22-25). И тогда израильтяне "пошли к сынам Вениаминовым и поразили их мечем, и людей в городе, и скот, и все, что ни встречалось, и все находившиеся на пути города сожгли огнем" (Книга судей, 20:48).

Главное преступление в обеих притчах - вовсе не однополый секс, а изнасилование и нарушение законов гостеприимства. Лот готов был пожертвовать собственными дочерьми ради странников не потому, что не любил своих дочерей, а потому что над дочерьми он, как отец, обладал абсолютной властью, тогда как странники, которых он приютил,

находились под его защитой, выдать их без ущерба для собственной чести он никак не мог. Содомляне же отвергли предложение не потому, что были "содомитами" и сексуально предпочитали мужчин женщинам, а потому, что хотели унижить чужеземцев, а заодно и самого Лота, который, сам будучи пришлым, осмелился указывать, как им следует себя вести. Тем самым содомляне нарушили сразу несколько фундаментальных законов, не имеющих никакого отношения к сексуальности. Оскорбить посланцев Бога, нарушить закон гостеприимства, да еще пожелать изнасиловать ангелов, какого бы они ни были пола, - больше, чем достаточно, чтобы разрушить город. Ветхозаветный Бог кротостью не отличался. В Гиве горожане усугубили нарушение правил гостеприимства изнасилованием женщины. "Содомии" здесь вообще нет.

Второй мотив осуждения однополой любви - интересы продолжения рода. Поскольку евреи были обязаны плодиться и множиться, любое излияние семени вне репродуктивного контекста было греховным. Онан, послушавшийся повеления Бога жениться на вдове своего брата и изливший семя свое на землю, был покаран смертью. Правда, в данном случае Божий гнев вызван не столько растратой семени, сколько нарушением закона, по которому Онан был обязан взять в жены свою овдовевшую невестку. Однако изливать семя куда попало вообще не полагалось. В отличие от обычаев многих других народов, по еврейскому закону, "верхний", "активный" партнер в гомосексуальном акте виновен больше "пассивного", не потому, что он инициировал греховное действие (это надо было еще доказать), а потому что именно он изливает семя в неподобающий "сосуд".

Кроме того иудаизм осуждает однополый секс, потому что он ассоциировался с проституцией. У многих народов, с которыми враждовал древний Израиль, существовала ритуальная, храмовая проституция, от которой евреи хотели отмежеваться. Это опять-таки сугубо религиозный запрет, отделяющий "чистых" от "нечистых". Наказания за мужеложство были, в общем, такими же, как за злословие отца или матери, прелюбодеяние, кровосмешение, обнажение наготы кровных родственников, сношение с менструирующей женщиной, нарушение пищевых запретов, волхование и многое другое. И мотивировались все эти запреты одной и той же заботой о сохранении чистоты веры: "Не оскверняйте себя ничем этим; ибо всем этим осквернили себя народы, которых Я прогоняю от вас" (Левит 18: 24).

Собственно сексуальное желание и на кого оно направлено, еврейскую религию вообще не интересует. В других контекстах Ветхий завет допускает и довольно нежные отношений между мужчинами. Некоторые исследователи даже усматривают гомоэротические чувства в преданной дружбе между сыном царя Саула юношей Ионафаном и мужественным воином, победителем филистимлян, будущим царем Давидом. Лично я не вижу в этой истории ничего гомоэротического, так описывалась воинская дружба у многих народов.

Лесбиянству еврейский закон уделяет мало внимания. В принципе оно было запрещено, уличенные в нем женщины (*mesolelot*, буквально - "женщины, которые трут") не имели права выходить замуж за раввинов и иногда подвергались порке. Однако говорили об этом мало, не столько потому, что таких фактов не было и что люди стеснялись выносить сор из избы, сколько потому, что мужчины о них не догадывались.

Античная педерастия

Почему любят красивых мальчиков?

- Это вопрос слепого!

Аристотель

Золотым веком мужской однополой любви считается Древняя Греция. Недаром ее часто называют "греческой любовью". Но и там все было неоднозначно,

Все боги греческого Олимпа, за исключением бога войны Ареса и бога загробного мира Аида (Гадеса) любили мальчиков. Зевс, послав орла (по другой версии - превратившись в

орла), похитил, обессмертил и сделал своим наложником сына троянского царя Ганимеда, имя которого стало нарицательным.

Историями и драмами однополой любви пестрят и мифы о героях. Любвеобильный Геракл увлекался и женщинами, и юношами. Один из его эроменов, Иолай, оставался его боевым соратником и возникшим до самой смерти героя. В позднейшей мифологии Геракл и Иолай считались покровителями влюбленных; в Фивах был воздвигнут храм Иолая, где влюбленные юноши приносили друг другу клятвы в верности и просили богов освятить их союз. В северной Греции покровителем и даже изобретателем педерастии считался божественный певец Орфей; потеряв свою любимую жену Эвридику, он перестал смотреть на женщин, но продолжал увлекаться юными мальчиками и сделал этот обычай популярным среди фракийцев.

Самая знаменитая древнегреческая мужская пара - гомеровские Ахилл и Патрокл. Прежде всего они друзья, братья по оружию, связанные взаимными нерушимыми воинскими обязательствами. Они сражаются бок о бок, живут в одном шатре, делят стол и постель. Эти отношения ставились выше всех прочих социальных и родственных связей. Прямых упоминаний о сексуальной близости Ахилла и Патрокла в "Илиаде" нет, слова "эраст" (любящий, старший) и "эромен" (любимый, младший) к ним не применяются. В дальнейшем, начиная с трагедий Эсхила, их отношения изображались также как любовные.

Греческие авторы по-разному объясняли происхождение однополой любви. По легенде, рассказанной Платоном, первоначально на земле, кроме мужчин и женщин, жили двуполые существа-андрогины, но затем боги разрезали всех людей пополам, так что каждый теперь обречен искать свою прежнюю половинку, ибо "любовью называется жажда целостности и стремление к ней". При этом мужчины, представляющие собой половинку прежнего андрогина, охочи до женщин, а женщины андрогинного происхождения падки до мужчин. Женщины, представляющие собой половинку прежней женщины, к мужчинам не очень расположены, их привлекают другие женщины. "Зато мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве, будучи дольками существа мужского пола, они любят мужчин, и им нравится лежать и обниматься с мужчинами. Это самые лучшие из мальчиков и из юношей, ибо они от природы самые мужественные... В зрелые годы только такие мужчины обращаются к государственной деятельности. Возмужав, они любят мальчиков, и у них нет природной склонности к деторождению и браку; к тому и другому их принуждает обычай, а сами они вполне довольствовались бы сожительством друг с другом без жен".

О том, когда и почему возникла древнегреческая педерастия, спорят и современные историки. Одни выводят ее из общих свойств мужских союзов, нуждавшихся в поддержании групповой солидарности и соответствующем воспитании мальчиков. Другие апеллируют к особенностям полового и сексуального символизма (оухотворение путем осеменения). Третьи видят в педерастии средство снижения рождаемости и борьбы с перенаселением; еще Аристотель писал, что критский законодатель "в целях отделения женщин от мужчин, чтобы не рожали много детей, ввел сожитие мужчин с мужчинами". Четвертые считают педерастию особым институтом социализации юношества и средством эмоциональной разрядки конкуренции мужчин-сверстников.

На острове Санторин, перед храмом Аполлона сохранились многочисленные надписи такого типа: "Федипид совокупился, Тимагор и я, Эмфер, совокупился", "С помощью Аполлона Дельфийского, Кримон совокупился здесь с мальчиком, братом Батикла", "Кримон совокупился здесь с Амотионом" и т.п. Одни ученые приписывают этим надписям сакральное, религиозное значение: молодые люди стремились увековечить важное для них событие сексуальной инициации. Другие считают их шутливо-порнографическими: Кримон просто хочет оскорбить Батикла, сообщая всему миру о том, что он "трахнул" его младшего брата.

Древнейшие описания институционализированных гомосексуальных отношений относятся к Криту и Коринфу УП в. до н. э. Там существовал обычай похищения мальчика-подростка взрослым мужчиной, который вводил его в свой мужской союз, обучал воинскому мастерству, после чего мальчик, вместе с подаренным ему оружием возвращался домой. В принципе, этот обычай мало чем отличался от широко распространенного у народов мира брака посредством умыкания. Только место девушки-невесты занимает мальчик-подросток. Когда срок обучения заканчивался, эраст вручал ему три ритуальных подарка: воинское снаряжение, кубок и быка, которого мальчик тут же приносил в жертву Зевсу. Отношения между эрастом и эроменом считались священными и почетными, а инициированный мальчик отныне начинал носить мужскую одежду и полностью освобождался из-под опеки женщин.

Хотя эти обряды похожи на меланезийские ритуалы "осеменения мальчиков", древнегреческая педерастия индивидуально-избирательна и подразумевает не столько "инсеминацию" мальчика, которая нигде прямо не упоминается (верования такого рода существовали только в Спарте), сколько его одухотворение и воспитание.

В древних Фивах существовал особый "священный отряд" из 300 любовников, который считался непобедимым, потому что, как писал Ксенофонт, "нет сильнее фаланги, чем та, которая состоит из любящих друг друга воинов". Обнаружить страх перед лицом возлюбленного, не говоря уже о том, чтобы бросить его в бою, было неизмеримо страшнее смерти. В битве против македонцев при Херонее (338 до н. э.) все эти воины погибли, но ни один не сбежал и не отступил.

В воинственной Спарте каждый мужчина принадлежал к определенному возрастному классу, членство в котором определяло его права и обязанности. Право на женитьбу занятые войной мужчины получали довольно поздно, да и после этого много времени проводили вне семьи. Сексуальные связи с незамужними женщинами были строго запрещены. Единственным средством сексуальной разрядки были отношения с мальчиками. Спартанские мальчики от 7 до 17 лет воспитывались не в семьях, а в собственных возрастных группах. Огромное значение придавалось гимнастическим занятиям, причем юноши и девушки тренировались голыми, натирая тело оливковым маслом. Каждый "достойный" мальчик от 12 до 16 лет должен был иметь своего эраста, причем "и добрую славу и бесчестье мальчиков разделяли с ними их возлюбленные". Этот союз почитался как брачный и продолжался до тех пор, пока у юноши не вырастала борода и волосы на теле.

Если спартанская педерастия связана главным образом с воинскими делами, то в Афинах сильнее звучат гражданские мотивы. Педерастия в Афинах была узаконена в начале VI в. до нашей эры Солоном, который ставил любовь к мальчикам. "в число благородных, почтенных занятий". Культовым воплощением мужской любви стал образ героев-любовников Гармония и Аристокитона. Прельстившись красотой юного Гармония, младший брат правившего в это время тирана Гиппия Гиппарх попытался ухаживать за юношей, а встретив отказ, грубо оскорбил его сестру. Чтобы смыть оскорбление, молодые люди составили заговор для свержения тиранов (514 г. до н.э.). Им удалось убить Гиппарха, но Гиппий ускользнул. Гармодий был убит на месте, а Аристокитон умер под пытками, не выдав ни одного из своих сообщников. Когда несколько лет спустя Гиппий был свергнут, Гармодий и Аристокитон стали символом борьбы за свободу и демократию и были первыми людьми, которым благодарные сограждане в 506 г. до н.э. поставили статую на центральной площади города.

Однополая любовь имела и важные психологические функции. Характерный для афинского общества дух соревновательности, одинаково сильный и в спорте, и в политике, порождал напряженную потребность в эмоциональном тепле и самораскрытии. В общении с кем мог афинянин удовлетворить эту потребность?

С женой? Приниженное социальное положение афинской женщины делало это невозможным. В древнегреческой культуре очень сильны мотивы мизогинии, неприязни к

женщинам и страха перед ними. Афинский брак не был любовным союзом. Жена, которая по возрасту часто годилась супругу в дочери, была хозяйкой домашнего очага и матерью его детей, но практически не покидала женской половины дома и не участвовала ни в каких мужских занятиях. Кроме законной жены, афинянин мог посещать проституток и, в редких случаях, поддерживать постоянные близкие отношения с высокопоставленными и образованными гетерами. Но психологической близости и тут большей частью не возникало. Идея равенства полов глубоко чужда древнегреческой культуре.

Невозможна была и интимная близость между отцами и детьми. Мужчина-афинянин проводил дома очень мало времени. До шести лет дети воспитывались в женской половине дома, под опекой матерей, затем мальчиков отдавали в школу, где их обучали специально подготовленные рабы-педагоги. Жесткая семейная дисциплина порождала психологическую отчужденность и напряженность. Проблема отцов и детей в классических Афинах была весьма острой.

Школа? Древнегреческая теория воспитания, "пайдейя" не знает понятия формального обучения, более или менее безличной передачи знаний и навыков. По словам Ксенофонта, никто не может ничему научиться у человека, которого не любит. Воспитание - это исключительно глубокое личное общение, где старший является одновременно наставником, другом и идеалом младшего и, в свою очередь, испытывает к нему чувства дружбы и любви. Наемный педагог, даже независимо от своего рабского статуса, не мог удовлетворить этой потребности.

В этих условиях гомоэротическая дружба-любовь между мужчиной и мальчиком (юношей) становится уникальным и незаменимым институтом социализации. Дополняя то, чего не могли обеспечить другие социальные институты, она фокусировала в себе весь эмоциональный мир личности и была исключительно значима для обеих сторон. К ним относились с большим уважением. Греческая скульптура часто изображает обнаженное мужское тело. Но греческая культура - культура самообладания, распушенность и эксгибиционизм ей глубоко чужды. Так же сдержанна и греческая гомоэротика.

Как и другие народы, греки имели развитый фаллический культ. Символическое изображение эрегированного члена было не только символом плодородия, но наделялось охранными, отпугивающими функциями. Греки даже ставили у своих домов и храмов специальные столбы, посвященные Гермесу, - гермы, с человеческой головой и эрегированным членом, которым приписывалась функция отпугивания врагов. В обычных изображениях греческие художники и скульпторы предпочитали небольшие, "мальчишеские" размеры, наделяя длинными и толстыми членами только похотливых и уродливых сатиров. Мужчины изображаются без волосяного покрова, даже на лобке, с нормальной мошонкой и сравнительно коротким и тонким членом, головка которого, даже в состоянии эрекции, стыдливо прикрыта длинной и торчащей, как у маленьких мальчиков, крайней плотью.

Если разнополый секс, объектами которого были куртизанки или рабыни, часто изображался порнографически, во всех подробностях, включая фелляцию и анальную пентрацию, то гомоэротические сцены, как правило, ограничиваются ухаживанием. Опираясь на эти изображения, некоторые исследователи полагали, что сексуальные контакты между эрастами и эроменами вообще ограничивались взаимной мастурбацией и трением друг о друга. Это, конечно, наивно. Но поскольку рецептивная позиция считалась для мужчины унижительной, ее не показывали публично. Речь ведь шла о свободнорожденных мальчиках, которые завтра станут полноправными гражданами.

Очень богата греческая гомоэротическая лирика. Хотя большинство греческих поэтов одинаково усердно воспевали женщин и мальчиков, пол любимого существа, вопреки наивному суждению Энгельса, был им далеко не безразличен. Рассказывают, что когда Анакреонта спросили, почему он слагает гимны не богам, а мальчикам, он ответил: "Потому что они - мои боги". В стихах, обращенных к конкретным мальчикам, греческие поэты выражают самые разнообразные оттенки любовных чувств - страсть и жажду

обладания, чувство зависимости от любимого, ревность, жалобы, поучения, ласковые наставления, потребность в слиянии душ.

Душу свою на губах я почувствовал, друга целуя:

Бедная, верно, пришла, чтоб перелиться в него

(Платон. Агатону, пер. О. Румера)

Любовь к юношам, по Платону, эмоционально столь же насыщена и благородна, как любовь к женщинам, но значительно превосходит последнюю в степени духовности. Это не просто телесная страсть и жажда обладания, но и обмен высшими духовными ценностями. Хотя зрелый мужчина социально стоит выше мальчика, любви которого он домогается, он не имеет над ним власти. В отношениях с эроменом он - зависимая сторона, почти раб. Он может, как тень, ходить за полубившимся мальчиком, но не смеет даже объяснить ему в любви, пока тот не достигнет надлежащего возраста. И даже после этого решение принадлежит эромену. Персонажи платоновских диалогов свободно обсуждают между собой плюсы и минусы однополый и разнополой любви, но стыдливо краснеют и немеют при встрече с любимыми.

Чувства любящего и любимого, в описании Платона, так же асимметричны, как и их роли. Эраста влечет к мальчику страсть, которой эромен до поры до времени не знает: "Он любит, но не знает, что именно. Он не понимает своего состояния и не умеет его выразить; наподобие заразившегося от другого глазной болезнью, он не может найти ее причину - от него утаилось, что во влюбленном, словно в зеркале, он видит самого себя; когда тот здесь, у возлюбленного, как и у него самого, утишается боль, когда его нет, возлюбленный тоскует по влюбленному так же, как тот по нему: у юноши это всего лишь подобие отображение любви, называет же он это, да и считает, не любовью, а дружбой. Как и у влюбленного, у него тоже возникает желание - только более слабое - видеть, прикасаться, целовать, лежать вместе, и в скором времени он, естественно, так и поступает. Когда они лежат вместе, безудержный конь влюбленного находит, что сказать возникшему, и просит хоть малого наслаждения в награду за множество мук. Зато конь любимца не находит, что сказать; в волнении и смущении обнимает тот влюбленного, целует, ласкает его, как самого преданного друга, а когда они лягут вместе, он не способен отказать влюбленному в его доле наслаждения, если тот об этом попросит. Но товарищ по упряжке вместе с возникшим снова противятся этому, стыдясь и убеждая".

Поведение мальчиков подчинялось строгому этикету. Самые красивые мальчики пользовались в Афинах почти таким же почетом, как герои спорта. Но они должны были проявлять сдержанность и строгость, чтобы не оказаться "дешевкой". Мальчик, слишком легко или из корысти согласившийся, чтобы его ласкали, терял репутацию, и это могло помешать его будущей политической карьере. Некоторые афиняне вообще считали роль эромена сомнительной.

Так же строго регулировалось поведение мужчин. В Афинах легально существовала мужская проституция и даже публичные дома. Свободнорожденный афинянин не мог заниматься этим ремеслом, но на военнопленных, метеков и иностранцев запреты не распространялись. Хотя любить мальчиков было "нормально", афинянин, уличенный в сексуальной связи с другим мужчиной за деньги или другие материальные блага, лишался своих гражданских прав, не мог занимать выборную должность, выполнять жреческие функции и даже выступать в народном собрании или перед советом старейшин. Любые обвинения и намеки такого рода были крайне оскорбительны, особенно они усугублялись "пассивной" сексуальной позицией.

Древнегреческая педерастия - классический пример разновозрастных отношений. Но хотя в принципе возраст должен был быть старше эромена, возрастная разница между ними могла быть незначительной, а само старшинство - социально-символическим. Словом *paides* так называли мальчиков до 15 лет, но иногда возраст повышался до 18 лет. По свидетельству Платона и Аристотеля, половая зрелость у мальчиков наступала в 13-14 лет, а переходный возраст от детства к взрослости продолжался в среднем от 16 до 20 лет.

Юноши старше 18 лет назывались с Афинах эфебами (отсюда - позднейший термин эфебофилия, сексуальное влечение к юношам).

Хотя закона, формально запрещающего связи с маленькими мальчиками, в Афинах не было, обычай считал их недопустимыми. Верхнюю границу "эроменского" возраста греческие авторы связывали с появлением бороды и волос на теле, относя это к 21 году. Некоторые юноши стыдились появления усов и волос на ногах, опасаясь, что это уменьшит их привлекательность, и пытались их сбривать или выщипывать. Практически же это было делом вкуса.

Короче говоря, в архаической Греции педерастия имела определенные сакральные, инициальные компоненты. Утратив их, она переместилась из общественной жизни в частную, стала более тонкой, индивидуальной и психологически разнообразной, но одновременно - морально проблематичной. Простые, бедные и не особенно просвещенные люди часто относились к ней подозрительно, как к причуде богатых и знатных, угрожающей семейному очагу. Эта тема звучит в комедиях Аристофана, хотя сама по себе однополая любовь для него вполне приемлема.

Платон в конце жизни, явно по политическим мотивам, писал, что вообще "мужчины не должны сходиться с юношами, как с женщинами, для любовных утех", потому что "это противоречит природе". Сомнения педагогического и этического порядка высказывал и Аристотель. Хотя педерастия для него нормальна и естественна, философ обеспокоен возможностью совращения мальчиков. В своей "Политике" он рекомендует воспитывать мальчиков до 7 лет дома, не давать подросткам смотреть непристойные картины и скульптуры, за исключением религиозных, не позволять им посещать слишком вольные театральные представления и т.д.

У поэтов и философов эпохи эллинизма любовь к мальчикам становится сугубо индивидуальным делом. Их отношение к однополой любви зависит главным образом от их отношения к чувственности. Философы, признающие право человека на удовольствие, обычно, с теми или иными оговорками, признают и правомерность любви к мальчикам, тогда как для тех же, кто отрицает чувственные радости, она принципиально неприемлема. По словам философа Плотина (204-270), истинные мыслители одинаково презирают красоту мальчиков и женщин.

А как обстояло дело с любовью между женщинами? Греческое общество не придавало женской жизни самостоятельного значения. В сферу публичной жизни женская сексуальность не входила, а что происходило на женской половине дома, если при этом не нарушалась святость семейного очага, никого не интересовало. Единственная древнегреческая женщина, которая воспевала женскую любовь и чье имя стало нарицательным - Сафо (Сапфо) родилась на острове Лесбос, принадлежала к аристократической семье, почти всю жизнь прожила в городе Митилене, имела троих братьев, была замужем и имела дочь Клею. Предполагают, что Сафо была наставницей группы молодых незамужних аристократических девушек, которые приезжали из разных концов Греции учиться красоте, музыке, поэзии и танцам. Из девяти книг лирики Сафо, сохранилось около 200 фрагментов, многие - всего из нескольких слов.

Поэзия Сафо целиком посвящена женской любви, описанию юной девичьей красоты, нежного тела, радости встреч и горести разлук.

Эрос вновь меня мучит истомчивый -
Горько-сладостный, необоримый змей
(пер. В. Вересаева)

Этот тип любви не вписывался ни в греческий, ни, тем более, в христианский канон. Позже ее стали называть "сапфизмом", а затем лесбиянством.

Древнегреческая педерастия уходила своими корнями в древние традиции мужских союзов и инициаций, а затем была облагорожена философским "педагогическим эросом". В древнем Риме не было ни того, ни другого. Главным институтом социализации детей здесь была семья. Иным было и древнеримское отношение к телу и эмоциям. Римляне не

допускали публичной наготы, статуи мужчин у них, в отличие от греческих, всегда одеты, а знаменитые римские бани, единственное место, где римляне общались нагими, предназначались исключительно для расслабления и удовольствия.

Если в Греции любовь к мальчикам считалась мужественной и пользовалась уважением, то в Риме она ассоциировалась с женственностью и считалась культурно чужеродной. Ее носителей обозначали исключительно греческими словами, причем все они имели отрицательный, оскорбительный смысл, подразумевая изнеженность, женственность, пассивность.

Это не значит, что однополого секса в Риме не было. Наоборот, он был распространен очень широко, но это был совершенно другой секс. Если в Афинах он был привилегией свободных людей, то в Риме его законными объектами были только зависимые, подчиненные лица, - рабы и проститутки, стоявшие вне официального общества. Свободнорожденный мальчик любого возраста был табу, его соращение наказывалось смертью. Зато с рабами можно было делать все, что угодно. Одним нравились юные мальчики, другие предпочитали молодых атлетов. Единственное, чего следовало безусловно избегать, это рецептивной позиции. По словам Сенеки-старшего, отца философа, для свободного мужчины рецептивная роль - позор, для раба - самый безусловный долг по отношению к хозяину, а для вольноотпущенника - добровольная моральная обязанность.

Бисексуальный Кай Юлий Цезарь был, по ироническому выражению Куриона-старшего, "мужем всех жен и женой всех мужей". Но того, что он в двадцатилетнем возрасте позволил себе, видимо, за деньги, переспать с царем Вифинии Никомедом, ему не забывали всю жизнь. Даже собственные легионеры в шутку называли его "царицей Вифинской". Надо было обладать талантами Цезаря, чтобы этот эпизод не воспрепятствовал его политической карьере.

Обвинения в связях с мужчинами или юношами были стандартными приемами политической риторики для дискредитации политических противников. Особенно изощрялся по этой части Цицерон, причем делал это совершенно цинично: когда речь шла о его друзьях, Цицерон их защищал, подчеркивая, что "это не преступление", тогда как, становясь обвинителем, он сразу же вываливал на стол целый ворох сплетен. Хотя сам, по свидетельству Плиния-младшего, писал любовные стихи своему вольноотпущеннику Тируну.

Нормативная и бытовая римская эротика подчеркнута бисексуальна: важен не пол партнера, а то, какое удовольствие он доставляет. Марку Антонию Светоний приписывает слова: "Какое значение имеет, куда или в кого ты это всунешь?" Страстная любовь Гая Валерия Катутла (87-54 до н. э.) к прекрасной "Лесбии", не помешала ему посвятить 4 стихотворения неразделенной любви к юноше Ювенцию. Тибулл, отчасти предвосхищая Овидия, сочинил стихотворное руководство по обольщению мальчиков, но его собственный опыт по этой части оказался не очень удачным: поэт жалуется на неразделенную любовь к юноше Марату, который предпочел ему более богатого поклонника. Проперций (1 в. до н.э.) влюблен в женщину, но в грустную минуту желает своим врагам любить женщин, а друзьям - мальчиков, педерастия - "спокойная река, где не бывает кораблекрушений: что может произойти в таком узком пространстве?" У Квинта Горация Флакка (65-8 до н.э.), который жил и умер холостяком, есть "тысяча страстей для девушек и тысяча страстей для мальчиков", но эти страсти довольно спокойные. Другу, переживающему любовную драму, поэт советует утешиться в объятиях юной рабыни и раба, избегая сильной привязанности к ним. Впрочем, женщины у Горация явно на первом месте. Еще более недвусмысленно предпочитал женщин Овидий, хотя мифологические образы Орфея, Ганимеда, Аполлона и Гиацинта, Нарцисса и других из его "Метаморфоз" стали источником вдохновения для позднейшей гомозеротики. Напротив, болезненный и застенчивый холостяк Вергилий (70-19 до н.э.), любил исключительно юношей. Созданные им образы влюбленных друг в друга юных пастухов

стали в дальнейшем "иконами" однополой любви, а их имена, например, "Коридон" стали нарицательными.

Однако римский гомоэротизм был верхушечным явлением, а сексуальная практика императорского Рима, где для власть имущих не было ничего запретного, - из двенадцати цезарей, биографии которых составил Светоний, связей с мужчинами не имели только двое, причем многие из этих связей были вызывающе-садистскими, - еще больше ухудшил его репутацию, символизируя в глазах населения всеобщее падение нравов и разложение общества. Реакцией на это было усиление аскетической морали, ориентированной на самоконтроль и сексуальное воздержание.

Едва ли нее единственный возвышенный пример однополой любви времен поздней Империи - чувство императора Адриана (76-138) к юному красавцу греку Антиною. Когда тот утонул, купаясь в Ниле, император повелел обожествить его, основал в его честь город Антинополис и поставил его статуи и бюсты во всех больших городах Империи. Вряд ли новый культ пришелся по вкусу его подданным, однако образ Антиноя, запечатленный во множестве скульптур, стал популярным символом юношеской красоты и изящества, которых не может разрушить даже преждевременная смерть. Французская писательница Маргерит Юрсенар посвятила любви Адриана и Антиноя исторический роман, написанный в форме воспоминаний Адриана, а португальский поэт Фернандо Пессоа - поэму "Антиной" (1918).

Неназываемый порок

Или вы не знаете, что неправедные
Царства Божия не наследуют?
Не обманывайтесь: ни блудники,
ни идолослужители, ни прелюбодеи,
ни малакии, ни мужеложники.
Апостол Павел

Христианское отношение к однополой любви было продолжением традиций, с одной стороны, иудаизма, а с другой - поздней античности. В принципе, аскетическое христианство осуждает все виды чувственности, однополая любовь - только частный случай общего запрета. В отличие от Ветхого завета, ранние христианские тексты вообще не упоминают ее, сам Христос никогда не высказывался по этому поводу.

В Евангелии от Матфея есть один стих, который обычно истолковывается как "антисодомитский": "Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: "рака", подлежит синедриону; а кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной" (Матфей 5:22). Загадочное негреческое слово "рака", переведенное в русском каноническом тексте Библии как "пустой человек", по мнению специалистов, - еврейское *rakha* (мягкий), которое могло подразумевать женственность и слабость, а заодно и пассивную гомосексуальность, тогда как греческое *toros*, переводимое как "безумие" или "глупость", означало мужскую гомосексуальную агрессию. В переводе на современный язык, этот текст просто запрещает обзывать людей "пидорами", считая такие слова крайне обидными. Апостол Матфей лишь воспроизводит характерное для эллинистического иудаизма осуждение гомосексуальности, причем "активная" карается строже, чем "пассивная".

Все остальные евангельские высказывания, прямо или косвенно осуждающие однополую любовь, принадлежат одному и тому же человеку - апостолу Павлу, который вообще говорил о сексе больше всех других апостолов, вместе взятых. Вот его суждения.

"Или вы не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники". (Первое послание к коринфянам, 6: 9)

Слово "малакии" обозначало мягких, феминизированных мужчин и ассоциировалось с пассивной гомосексуальностью, но имело и ряд других значений; в древней Руси

"малакией" называлась мастурбация (не отсюда ли происходит слово "малофейка" - сперма?).

Описывая разложение отвернувшегося от Бога языческого мира, Павел пишет: "Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; Подобно и мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму - делать непотребства, Так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия, Злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, Безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы".(Послание к римлянам 1: 26-31)

Великолепная инвектива! Со своей точки зрения, Апостол Павел последователен и логичен. Если любое вождение греховно и низменно, а сексуальная близость допустима только в браке и лишь ради продолжения рода, то однополая страсть и подавно не имеет оправдания. Тем не менее апостол Павел не выделяет ее в особую категорию. По его словам, Царства Божия не наследуют не только малакии и мужеложники, но также "ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники" (Первое послание к коринфянам 6: 10). Между тем к этим порокам и их носителям церковь в дальнейшем относилась снисходительно, тогда как гомосексуальность стала неназываемой. Почему?

Все отцы церкви прославляли воздержание и девственность, а одним из самых сильных и опасных соблазнов для них был секс. Чем сильнее были чувства, которые верующему приходилось преодолевать, тем строже было морально-религиозное осуждение "соблазна". Запретить людям "плодиться и множиться" церковники не могли, но тем яростнее они обрушиваются на внебрачный, нерепродуктивный и особенно - однополый секс. По нормам канонического (церковного) права, кодифицированного в 309 г. собором в Эльвире (нынешняя Гранада), сексуальные отношения между лицами одного и того же пола так же греховны и противозаконны, как прелюбодеяние. Мужчина, имевший сношения с мальчиками, не мог получить причастие даже на смертном одре.

Впрочем, разные авторы назначали за этот грех разные наказания. Согласно пенитенциалию папы Григория III (УШ в.) сексуальный контакт между женщинами карался 160-дневным покаянием, а между мужчинами - одногодичным. Архиепископ Бурхард Вормский (умер в 1025 г.) самые строгие наказания накладывал за содомию и скотоложство, различая при однополую и разнополую содомию, последняя наказывалась гораздо мягче. Другие гомосексуальные, по нашим понятиям, действия наказывались совсем мягко: взаимная мастурбация - 30 дневным покаянием, а сношение "между бедер" - 40-дневным (так же, как вызов кого-то на соревнование по пьянке - кто кого перепьет, или как сношение с женой во время Великого поста). Теодор Кентерберийский "самым большим злом" считал оральный секс, все равно, с мужчиной или с женщиной.

Постепенно церковные нормы подчиняли себе и светское законодательство. В 342 г. императоры Констанций и Констант запретили не то - если понимать текст закона буквально - однополые браки, не то вообще однополый секс; виновные подвергались "особому наказанию" (возможно, кастрации). В 390 г. император Феодосий I, в порядке борьбы с языческими культами, издал закон, по которому пассивная гомосексуальность в борделях наказывалась сожжением заживо. В 438 г. Феодосий II распространил эту кару на всех, уличенных в "пассивной" содомии, а Юстиниан в 538 и 544 гг. велел подвергать смертной казни всех участников подобных действий, независимо от сексуальной позиции.

Женской гомосексуальности церковники уделяли меньше внимания. Хотя апостол Павел считал ее такой же отвратительной, как содомия, а святой Иоанн Хризостом писал, что для женщин искать таких сношений даже более постыдно, "ибо они должны быть

скромнее мужчин", церковные наказания за лесбиянство назначались реже, касались преимущественно монахинь и были сравнительно мягкими. Однополую любовь не только преследовали, но и приписывали ей всевозможные социальные несчастья и стихийные бедствия. По словам императора Юстиниана, именно "из-за таких преступлений возникают голод, землетрясения и мор".

Выполнялись ли эти законы и были ли они эффективны? Однополая любовь всегда имела какие-то социальные ниши. В раннем средневековье ее главными убежищами были воинские братства (пережитки древних мужских союзов) и монастыри.

Германские племена, на территории которых возник западноевропейский феодализм, имели развитые воинские организации, где презиралось все женственное и действовали обряды мужских инициаций, включавшие, возможно, и сексуальные контакты между старшими и младшими. Жестко табуировалась только рецептивная позиция, покрывавшая мужчину несмыслимым позором; зато тот, кому удалось, силой или хитростью, овладеть врагом или соперником, приобретал почет и славу. Изменить эту древнюю психологию было не так-то просто, да и сами условия воинской жизни, включая половую сегрегацию, благоприятствовали сексуальным контактам между мужчинами. Из всех так называемых варварских правд, только принятый около 650 года закон находившегося под сильным римским влиянием вестготского королевства (на территории Испании), запретил однополый секс, предусмотрев в качестве кары кастрацию обоих участников.

В быту же отношение к этому "пороку" и после христианизации долгое время оставалось снисходительным. Первый король салических франков Хлодвиг в день своего крещения покался в этом грехе и получил отпущение. Один из его преемников Гуго Капет, согласно легенде, заметив однажды в углу церкви двоих ласкающих друг друга мужчин, прикрыл их своим плащом, а затем вернулся к алтарю, чтобы дать грешникам время скрыться. Феодальный рыцарский эпос, ставивший воинскую дружбу выше супружеской любви, имеет отчетливые, хотя и не выраженные прямо, гомоэротические тона. Содомия часто практиковалась среди молодых странствующих рыцарей, между рыцарями и пажами и т.д.

Самым массовым прибежищем и рассадником гомосексуальных отношений были, естественно, монастыри, где молодые монахи и послушники вольно и невольно "вводили в соблазн" старших и друг друга. Основатель одного из первых коптских монастырей (313 г.) святой Пахомий постановил, что монахи не должны не только спать на одном матрасе, но даже сидеть вплотную друг к другу в трапезной. Его младший современник святой Василий писал: "Во время трапезы садись подальше от своего молодого брата; ложась отдыхать, не оставляй свою одежду рядом с его одеждой; лучше, если между вами ляжет старший брат. Когда молодой брат разговаривает с тобой или поет напротив тебя в хоре, отвечай ему с опущенной головой, чтобы ненароком не взглянуть пристально ему в лицо, чтобы злой сеятель не заронил в тебя семя желания, которое прорастет разложением и гибелью".

Советы подкреплялись запретами. Второй Турский собор (567) запретил монахам и священникам спать подвое в постели. Позже это правило было распространено и на монахинь. Увы, ничего не помогало! В X в. настоятель аббатства Сен-Жермен де Прэ Аббон горько жалуется на всеобщий разврат. В середине XI в. фанатичный святой Петр Дамиан тщетно призывал папу Льва IX усилить борьбу с содомией. В начале XII в. архиепископ Кентерберийский святой Ансельм, отвечая по подобные же требования, разъяснял, что "этот грех стал таким распространенным, что почти никто даже не краснеет из-за него и поэтому многие погрязают в него, не осознавая его серьезности".

Эмоциональная тональность этих чувств и привязанностей могла быть разной. Иногда это были откровенно сексуальные связи, о которых светские молодые люди говорили с шутками и прибаутками. У других гомоэротизм облекался в форму интимной страстной дружбы, сексуальная подоплека которой, возможно, даже не осознавалась ее участниками. Позже такие отношения стали называть "особенной дружбой".

Дружба, любовь и сексуальная близость - не одно и то же, в средние века дистанция между неосознанным гомозеротизмом и гомосексуальностью была гораздо больше, чем сегодня. Люди могли не осознавать истинной природы собственных чувств и не допускать их телесной материализации. Потребность в эмоциональном тепле и психологической интимности была в монастырях настолько сильна, что нежные письма иногда писали даже незнакомым людям или тем, кого не видели годами. Но отнюдь не все церковники придерживались религиозных канонов. В X-XII вв. духовные лица создали на латинском языке целый жанр светской, откровенно-эротической любовной лирики, обращенной к мальчикам и юношам. Сохранилось и несколько лесбийских текстов.

Во многих средневековых городах легально существовали мужские бордели. Особенно славилась ими Флоренция, в Германии педерастов даже прозвали "флорентийцами". Слабостью к мужскому полу прославились английские короли Вильгельм II Рыжий, Ричард Львиное Сердце, Эдуард II, Яков I, короли Франции Филипп II, Иоанн II, Генрих III, Людовик XIII, германские императоры Фридрих II и Рудольф II, прусский король Фридрих II, Конрадин Сицилийский, римские папы Павел II, Сикст IV, Юлий II, Лев X, который, по слухам, даже умер в объятиях мальчика, Адриан VI, Юлий III и несчетное множество князей, кардиналов, архиепископов и прочих знатных и могущественных людей.

Реальное отношение церкви и светских феодалов к однополый любви зависело прежде всего от политических причин. Гонения на содомитов, как правило, усиливались в периоды политических и духовных кризисов, параллельно росту религиозной и прочей нетерпимости, или когда властям было нужно найти козла отпущения, чтобы разрядить народное недовольство. Так, усиление преследования содомитов во второй половине XII в. было связано с политической атмосферой крестовых походов: приписав собственный порок иноверцам-арабам, церковь тем самым укрепляла "христианскую солидарность" против общего врага. Если в раннем средневековье содомия была просто одним из многих грехов, то в первой половине XIII в. ее приравнивают к ереси и демонизируют, поручая расследование таких обвинений только что созданной "святейшей инквизиции", и наказывалась она уже не штрафом или изгнанием, а сожжением на костре.

Активную роль в этой репрессивной политике играло и государство. Во второй половине XIII в. антисодомитские законы были приняты в большинстве европейских государств. В Англии сожжение содомитов ввел Эдуард I, во Франции - Людовик IX. В Кастилии по законам Альфонса X содомия наказывалась кастрацией и затем повешением за ноги до наступления смерти; в конце XV в. Фердинанд и Изабелла заменили эту казнь сожжением. Такое же законодательство вводится во многих итальянских городах. Таким образом, "грех" стал ересью, а затем и уголовным преступлением.

Чем расплывчатее были формулировки законов, тем легче их было применять. В 1481 г. один венецианский рыбак был обезглавлен за "частую содомию с собственной женой".

Сколько людей стали жертвами этих репрессий? По современным меркам, немного. Во Франции с 1317 по 1789 состоялось 73 "содомитских" процесса и было сожжено 38 человек. Из 30 тысяч дел, расследованных португальской инквизицией, обвинение в "неназываемом пороке" содержалось в 900, однако к некоторым категориям преступников, например, подросткам, проявляли снисхождение, так что сожжено было "всего" 50 человек. В Италии, где подобными делами занимались светские власти, наказания были не столь суровыми. Во Флоренции с 1348 по 1461 состоялось 50 процессов о содомии, и было вынесено 10 смертных приговоров, из них 7 - за гомосексуальные действия, но всех семи случаях содомия сопровождалась отягчающими обстоятельствами, вроде грабежа, изнасилования и т.п. В Испании преследования были более жестокими, но многое зависело от прилежания местных властей. В Севилье между 1578 и 1616 гг. было сожжено 52, в Валенсии (приблизительно за то же время) - 17, в Сарагосе - 34, в Барселоне - всего двое.

Если сравнить эти цифры с тем, что в Англии между 1500 и 1700 гг. было казнено 5000 ведьм, преследование содомитов выглядит сравнительно умеренным. Но на самом деле жертв было много больше. Каждый процесс, который вела инквизиция, сопровождался пытками, которым подвергались не только обвиняемые, но и многочисленные свидетели. Плюс - общественное мнение. Если в наши дни обвинение сексуального характера, даже не будучи доказанным, может сломать человеку жизнь, чего было ждать в средние века?

Драконовские законы были не только средством сохранения идеологической монополии церкви и ее собственной самозащиты, но и отражали влияние консервативных народных масс. Простые и необразованные люди считали содомию, как и все прочие сексуальные изыски, проявлениями общей развращенности и безнравственности правящих верхов. Внимание сосредоточивалось исключительно на внешних признаках. Почти все выпады против засилья "грязных катамитов" при английском королевском дворе в XI- XII вв. концентрировались на "женственной" внешности, манерах и одежде молодых дворян. Особенно бурные страсти вызывали длинные волосы. Ношение длинных волос само по себе не было ни новомодным, ни "женственным". У германских племен раннего средневековья длинные волосы считались символом мужской силы и могущества. Тем не менее в XII в. длинные волосы стали считать признаком изнеженности и продуктом норманнского влияния; некоторые священники не только осуждали их в пламенных проповедях, но и, если представлялась возможность, собственноручно стригли королей и лордов.

В отношении к содомитам ярко проявлялась сословная ненависть. Облекая свою зависть к аристократии в форму борьбы за нравственное очищение и обновление, средневековые горожане были гораздо нетерпимее циничных князей церкви. Рост влияния этого класса везде и всюду сопровождался усилением репрессий. Протестантские церкви были в этом отношении ничуть не либеральнее католической. Взаимные обвинения в содомии - один из самых распространенных "аргументов" в спорах между протестантами и католиками в XVI в.

Положение и репутация однополый любви заметно улучшились в эпоху Возрождения, в связи с общей реабилитацией тела и плоти. В ренессансной системе ценностей однополая любовь - не преступление, а "красивый порок". Марсилио Фичино, Мишель де Монтень и Эразм Роттердамский, вслед за Платоном, утверждали, что некоторые мужчины от природы предрасположены больше любить юношей, чем женщин. Хотя формально содомия оставалась преступлением, многие смотрели на нее сквозь пальцы или с юмором, а некоторые даже бравовали ею. В одной из новелл "Декамерона" Бокаччо муж, застав у своей жены юного любовника, вместо положенной сцены ревности заставил молодого человека развлекаться втроем всю ночь, так что на утро юноша не знал, кто с ним забавлялся больше - жена или муж.

Великого скульптора Бенвенуто Челлини (1500-1571) дважды, в 1527 и 1557 гг., привлекали к суду за связи с мальчиками, причем во второй раз он был вынужден признаться и приговорен к штрафу и четырем годам тюрьмы. Однако он не только избежал тюремного заключения, но и продолжал пользоваться покровительством высоких лиц и выполнять заказы князей церкви. Когда его враг и соперник Баччо Бандинелли в присутствии герцога Медичи обозвал Челлини "содомитищем", тот ответил: "... Дал бы Бог, чтобы я знал столь благородное искусство, потому что мы знаем, что им занимался Юпитер с Ганимедом в раю, а здесь на земле им занимаются величайшие императоры и наибольшие короли мира. Я низкий и смиренный человек, который и не мог бы, и не сумел бы вмешиваться в столь дивное дело". Это заявление было покрыто общим хохотом.

Художник Джованни Бацци (1477 -1549) даже налоговые декларации подписывал своим прозвищем "Содома", под которым и вошел в историю живописи. Английский поэт и драматург Кристофер Марло (1564-1593), по словам приставленного к нему тайного осведомителя, говорил, что "кто не любит табака и мальчиков - дураки". А герой рассказа

флорентийского писателя Маттео Банделло (1485-1561) на упрёки духовника, что он скрыл на исповеди свои гомосексуальные приключения, ответил: "Развлекаться с мальчиками для меня естественнее, чем есть и пить, а вы спрашивали меня, не согрешил ли я против природы!"

Многих гениев итальянского Возрождения подозревали или обвиняли в гомоэротизме и сексуальных связях с мальчиками и молодыми людьми. В большинстве случаев доказать или опровергнуть эти обвинения одинаково трудно: о личной жизни художников сохранилось слишком мало свидетельств, а истолкование творчества - дело довольно субъективное.

О флорентийском скульпторе Сандро Донателло (1386-1466) достоверно известно только то, что он предпочитал брать в ученики красивых мальчиков и по поводу его отношений с ними всегда ходили сплетни и анекдоты, на которые веселый и жизнерадостный художник не обращал внимания. Две его знаменитые скульптуры "Давид" и "Святой Георгий" многим кажутся гомоэротическими. "Давид" Донателло выглядит не библейским героем, а кокетливым андрогинным подростком, странным образом сочетающим мускулистые руки с женственной мягкостью и округлостью бедер; его эротическая соблазнительность еще больше подчеркивается экзотической шляпой и высокими сапогами. Ни до, ни после Донателло никто Давида таким не изображал. Что же касается "Святого Георгия", то в XVI в. на его счет во Флоренции ходила непристойная шуточная поэма, автор которой называет статую "мой красивый Ганимед", расхваливает его телесные прелести и заявляет, что "такой красивый мальчонка" был бы идеальной заменой реального любовника: правда, им можно только любоваться, зато не будет ни измен, ни сцен ревности. Но художник не может отвечать за чужое восприятие.

На Сандро Боттичелли (1444-1510) в 1502 г. был написан анонимный донос, в котором его обвиняли в содомии с одним из его подмастерьев, но художник обвинения категорически отрицал и власти даже не начали по этому делу следствия.

Имя Леонардо да Винчи (1452-1519) фигурировало в списке клиентов 17-летнего проститута Сантарелли, против которого в 1476 во Флоренции было заведено уголовное дело, но сам художник, как и прочие клиенты Сантарелли, ни в чем не обвинялся. Один автор XVI в. писал, что Леонардо любил исключительно мальчиков-подростков не старше 15 лет, но это не доказано.

В отличие от большинства своих современников, Леонардо тщательно оберегал свою личную жизнь от посторонних взоров. Близких женщин у него не было. Многолетним спутником жизни художника был подобранный им в Милане красивый юноша Салаи, который был одновременно его учеником, слугой и подмастерьем. Подобно многим мальчикам этого типа, Салаи был нечист на руку и в конце концов оставил Леонардо, тем не менее мастер любил его и завещал ему крупную сумму денег. После ухода Салаи, художник взял к себе в дом юношу благородного происхождения Франческо Мельци, который был ему чем-то вроде сына, последовал за ним во Францию, оставался с ним до самой смерти Леонардо и унаследовал его огромный архив. О характере отношений художника с Салаи и Мельци ничего достоверно не известно, они вполне могли оставаться патерналистски платоническими, тем более, что и в творчестве Леонардо очень мало чувственного, оно выглядит асексуальным. Фрейд в своей знаменитой психобиографии Леонардо (1910) пришел к выводу о его латентном гомоэротизме, но этот очерк содержит много фактических ошибок.

Микеланджело Буонаротти (1475-1564), в отличие от Леонардо, отличался страстным характером. В молодости он дважды подвергался гомосексуальному шантажу и научился осторожности. Когда отец одного юноши, желая пристроить сына учеником к великому мастеру, предложил художнику использовать его в постели, тот с негодованием отверг это предложение. Была ли эта реакция искренней или демонстративной, мы не знаем. Некоторые исследователи считают, что Микеланджело вообще избегал физического секса, будь то с женщинами, или с мужчинами. Однако Микеланджело-художник определенно

предпочитал мужскую наготу женской, а в его любовных сонетах, посвященных преимущественно мужчинам (при их публикации в 1623 г. внучатый племянник Микеланджело фальсифицировал их, заменив местоимения мужского рода на женские) явно присутствуют гомозротические мотивы.

Источником вдохновения для немолодого, а по тогдашним представлениям старого (в момент их первой встречи ему было 57 лет) художника была многолетняя страстная любовь к 23-летнему римскому дворянину Томмазо де Кавальери, которому Микеланджело дарил рисунки и посвящал любовные стихи; учитывая сословную и возрастную разницу между ними, это чувство, скорее всего, оставалась платоническим и какое-то время сосуществовало с любовью к Виттории Колонна. Большинство современных исследователей склонны считать Микеланджело гомо= или, по крайней мере, бисексуалом.

Репутацию содомита имел Микеланджело Меризи да Караваджо (1571 - 1610), который рисовал нежных женственных мальчиков (эрмитажного "Мальчика, играющего на лютне" и "Торговца фруктами" из галереи Боргезе искусствоведы долго принимали за девочек), с именем которого связано несколько громких скандалов.

С кем спали и кого любили художники Возрождения, в общем-то, не так уж важно. Существенно то, что реабилитируя человека, они реабилитировали также и гомосексуальное желание и создали новые образы мужского тела, любви и чувственности. Выставленная напоказ мужская нагота волновала и тревожила воображение. Рассказывают, что мраморное распятие работы Бенвенуто Челлини настолько шокировало Филиппа II Испанского, что он прикрыл пенис Христа собственным носовым платком. Микеланджело, в нарушение античного канона, "натуралистически" изваял Давида с лобковыми волосами, хотя, как дань греческим традициям, - необрезанным..

Ренессансное отношение к "красивому пороку", отчасти сохранившееся в елизаветинской Англии и во Франции XVII в., было сугубо верхушечным, элитарным, типичным для аристократической и богемно-артистической среды, где нормы официальной морали не действовали. Наличие влиятельных покровителей позволяло французским "либертинам", как осудительно называли сторонников свободной, не признающей религиозных ограничений, гедонистической морали, не только удовлетворять свои неканонические сексуальные склонности, но и создавать тайные сети дружеских связей, основанных на общности эротических вкусов.

Существовали они и при королевских дворах, даже независимо от сексуальной ориентации правящего монарха. "Король-Солнце" Людовик XIV, в отличие от своего отца, любил исключительно женщин, но его младший брат герцог Филипп Орлеанский обожал носить на балах и карнавалах женское платье и не скрывал своих любовных отношений с графом де Гишем и шевалье де Лоррэнном (женоподобие не мешало ему быть успешным полководцем, вызывая у короля жгучую зависть). Периодически по поводу "Мсье", как титуловали брата короля, и его окружения возникали громкие скандалы. В 1678 несколько знатных молодых людей (де Гиш, де Граммон и др.) создали тайный орден, члены которого приняли обет полного воздержания от женщин, кроме как для продолжения рода. Вступлению в орден предшествовал обряд инициации, включавший интимный осмотр тела новичка магистрами. В 1681 г. в орден вступил 18-летний внебрачный сын короля адмирал Франции граф де Вермандуа, который не только все разболтал своим многочисленным друзьям, но и пригласил присоединиться к ордену 16-летнего красавчика и ловеласа принца де Конти. Разгневанный король приказал выпороть графа де Вермандуа в своем присутствии и отправил в ссылку; Конти был отправлен к семье в замок Шантильи, остальные получили выговоры. Но практически это ничего не меняло.

Когда в 1722 г. престарелый маршал де Вильруа по собственному почину добился удаления от двора своего внука маркиза д'Алинкура, который вместе с молодым герцогом де Буфлером пытался прямо в парке "содомизировать", с его полного добровольного

согласия, третьего юного маркиза, при дворе осуждали не внука, а деда. Племянник маршала принц Шарль Лотарингский сказал ему: "Мсье, не следует дисциплинировать своих детей с помощью короля, для этого есть другие способы; лично я не стал бы ничего предпринимать по такому поводу".

Между прочим, эти распутные молодые дворяне были отличными воинами. Военный министр Людовика XIV Лувуа в беседе с королем даже выдвигал в их защиту довод, что содомиты охотно идут в армию, а будь они устроены иначе, они предпочитали бы сидеть дома с женами и любовницами. Явными содомитами, причем некоторые - исключительно "пассивными", были многие знаменитейшие полководцы XVII века: великий Конде, маршал Вандом, который подставлял свой зад буквально всем желающим, не различая чинов и званий, его брат приор Вандомский, маршал д'Юксель, маршал герцог де Вильяр, маршал Тюренн, принц Евгений Савойский

На официальном языке такие отношения именовались "грехом", "пороком" или "извращением", в обыденной же речи их чаще называли, "греческой", "философской", "сократической", "итальянской" или "флорентийской" любовью, "склонностью", "вкусами" или просто "нравами".

Однако шутить на эти темы могли только привилегированные. В Европе XVII-XVIII веков содомия была сословным, классовым преступлением. Анализ судебных архивов показывает, что сжигали как еретиков и сажали в тюрьмы исключительно простых людей: текстильщиков, каменщиков, пастухов, парикмахеров, рабочих, виноделов, торговцев. Эти люди не умели говорить возвышенно, не называли секс "сократической дружбой", да и сама судебная процедура не способствовала лирическим излияниям. Но иногда со страниц пожелтевших хроник встают трогательные истории настоящей любви. В венецианском архиве сохранилось, например, судебное дело арестованных в 1357 г. двоих гондольеров: они жили вместе несколько лет, имели общее дело, а на допросах оба лгали, пытаясь выгородить не себя, а другого, любимого...

В Англии законы, каравашие акт содомии между мужчинами смертной казнью, применялись к аристократам, только если против них были какие-то более серьезные религиозные или политические обвинения. Сodomия была скорее поводом, чем причиной преследований. Например, в 1540 г. лорд Хангерфорд был обезглавлен за то, что несколько лет "содомизировал" своих слуг, но его обвиняли также в государственной измене и ереси. Когда же в 1541 г. в сексуальных связях с учениками и собственным слугой был уличен влиятельный директор знаменитой аристократической Итонской школы Николас Юдалл, его тихо, не лишив церковных званий, освободили от должности, а позже назначили директором другой церковной школы, Винчестерской. Елизаветинские вельможи охотно и небескорыстно покровительствовали смазливому молодым актерам, игравшим женские роли. Слабость к мальчикам отличала философа Фрэнсиса Бэкона (1561-1626) и его старшего брата лорда Энтони (1558-1601).

Непреодолимую склонность к молодым людям питал и сам король Яков I (1566-1625), В письме к своему фавориту герцогу Бэкингеу, миниатюрный портрет которого он носил у себя на сердце, Яков писал: "...Я хочу жить только ради тебя и предпочел бы быть изгнанным в любой конец земли вместе с тобой, чем жить печальной вдовьей жизнью без тебя. И да благословит тебя Бог, мое сладкое дитя и жена, чтобы ты всегда был утешением моему дорогому папе и супругу". Мысль о том, что такое совмещение ролей кровосмесительно, очевидно, не приходила благочестивому "защитнику веры" в голову.

Официальная "неназываемость" содомии не исключала наличия обширной художественной литературы, прямо или косвенно посвященной "мужской любви". Кроме творчества Кристофера Марло, эти мотивы рельефно выступают в пасторальных Ричарда Барнфилда (1574-1627) и Эдмунда Спенсера (1552-1599). Пасторальный жанр открывал большие возможности для описания нежных отношений между мужчинами, которые в обыденной жизни вызвали бы насмешки или подозрения.

Больше всего споров вызывает, разумеется, Шекспир. Биографы до сих пор спорят о характере взаимоотношений драматурга с его знатным покровителем, молодым красавцем графом Саутхэмтоном, которому предположительно посвящены многие шекспировские сонеты. Поскольку достоверных данных о жизни Шекспира нет, биографы стараются извлечь максимум возможного из его произведений. Если принять шекспировские сонеты, написанные от первого лица, за личную исповедь, то поэт явно бисексуален:

На радость и печаль, по воле рока,
Два друга, две любви владеют мной:
Мужчина светлокудрый, светлоокий
И женщина, в чьих взорах мрак ночной
(сонет 144, пер С. Маршака)

По мнению шекспироведов, первые 126 сонетов адресованы молодому, моложе автора, мужчине благородного происхождения, а последние 28 - черноволосой женщине, возлюбленной автора. Эта раздвоенность не переживается как нечто трагическое, непреодолимое, две любви просто существуют в разных плоскостях:

Тебя природа женщиною милой
Задумала, но, страстью пленена,
Она меня с тобою разлучила,
А женщин осчастливила она.
Пусть будет так. Но вот мое условие:
Люби меня, а их дари любовью
(сонет 20, перевод Маршака)

Веселая содомия и бисексуальность широко представлены и в английской культуре эпохи Реставрации и первой половины XVIII в. Лондон конца XVII в. был европейской столицей мужской проституции. При этом рисуются два совершенно разных типа содомитов: бисексуальные, агрессивно-маскулинные либертины, которым все равно, кого трахать, лишь бы побольше, и женственные, пассивные "молли" (один из многочисленных жаргонных терминов, обозначающих проституток), носящие женское платье обитатели мужских борделей, имеющие женские клички, собственный диалект и т.д. "Молли" были первой в новое время городской гомосексуальной субкультурой, а точнее - подпольем.

"Любовь, не смеющая назвать себя"

"Любовь, которая не смеет назвать себя"
в этом столетии - то же самое великое
чувство старшего мужчины к младшему,
какое было между Давидом и
Ионафаном, которое Платон положил в
основу своей философии и которое вы
найдете в сонетах Микеланджело и
Шекспира. Эта глубокая духовная
привязанность столь же чиста, сколь и
совершенна... Она красива, утонченна,
это самая благородная форма
привязанности. В ней нет ничего
неестественного.

Оскар Уайльд

С переходом правосудия из рук церкви в руки государства костры инквизиции постепенно затухают. За весь XVIII век во Франции сожгли только семерых содомитов, причем пятеро из них обвинялись также в изнасиловании или убийстве. Сodomия превратилась из религиозной проблемы в социальную, стала из "порока" преступлением.

Многие философы эпохи Просвещения относились к этим законам критически. Монтескье (1689-1755) считал опасность "преступлений против естества" сильно

преувеличенной: "Не создавайте благоприятных условий для развития этого преступления, преследуйте его строго определенными полицейскими мерами наравне с прочими нарушениями правил нравственности, и вы скоро увидите, что сама природа встанет на защиту своих прав и вернет их себе". Дени Дидро (1713-1784) говорил, что если нет "естественного сосуда" и нужно выбирать между мастурбацией и однополым сексом, то второй способ предпочтительнее, и вообще "ничто существующее не может быть ни противоестественным, ни внеприродным". Итальянский юрист Чезаре Беккариа (1738-1794) в знаменитом трактате "О преступлениях и наказаниях" (1764) писал, что законы против содомии можно вообще отменить, потому что она безвредна и вызывается неправильным воспитанием; кроме того эти преступления трудно доказуемы, а их расследование порождает много злоупотреблений. По мнению Кондорсэ (1743-1794), "содомия, если она не сопряжена с насилием, не может быть предметом уголовных законов. Она не нарушает прав никакого другого человека". Убежденным сторонником полной декриминализации однополых любви был английский философ Иеремия Бентам (1748-1832): "Чтобы уничтожить человека, нужно иметь более серьезные основания, чем простая нелюбовь к его Вкусу, как бы эта нелюбовь ни была сильна". Но опубликовать эти мысли при жизни Бентам, как и Дидро, не решился.

Тем не менее законодательство постепенно смягчается. В Австрии смертная казнь за содомию была отменена в 1787 г., в Пруссии - в 1794. Решающий шаг в этом направлении сделала Французская революция. В соответствии с принципами Декларации прав человека, французский уголовный кодекс 1791 г. вообще не упоминает "преступлений против природы". Кодекс Наполеона (1810) закрепил это нововведение, сделав приватные сексуальные отношения между взрослыми людьми одного пола по добровольному согласию уголовно ненаказуемыми. По этому образцу были построены и уголовные кодексы многих других европейских государств. В России, Пруссии, Австро-Венгрии и Тоскане уголовное преследование гомосексуальности продолжалось.

Самой консервативной оказалась Великобритания. В качестве реакции на свободолобивые идеи Французской революции, английские власти в конце XVIII в. даже ужесточили уголовные репрессии. В первой трети XIX в. по обвинению в содомии в Англии было казнено свыше 50 человек. В отличие от прежних времен, когда высокое общественное положение давало иммунитет против судебных преследований, во второй половине XVIII в. обвинение в "неназываемом пороке" стало опасным для людей любого социального статуса. Основанное в 1691 г. Общество для реформы нравов, которое поддерживали влиятельные церковные деятели и несколько монархов, за 46 лет своего существования сумело "разоблачить", обвинив во всевозможных сексуальных грехах, свыше 100 тысяч мужчин и женщин. Тем же занималось созданное в 1802 г. Общество для подавления порока. Смертная казнь за содомию была в Англии заменена 10-летним тюремным заключением только в 1861 г. (в 1841 г. парламент это предложение отклонил).

Драконовские законы и ханжеское общественное мнение делали жизнь гомосексуальных англичан невыносимой. Самый богатый человек в Англии, талантливый 24-летний писатель Уильям Бекфорд, обвиненный в 1784 г. в сексуальной связи с 16-летним Уильямом Куртенэ, был вынужден на десять лет покинуть Англию, а по возвращении пятьдесят лет жил затворником в своем поместье Фонтхилл. В 1822 г. бежал из Англии застигнутый на месте преступления с молодым солдатом епископ ирландского города Клогер Перси Джослин. Гомосексуальному шантажу приписывали и самоубийство в августе того же года министра иностранных дел лорда Кэстльри.

Те же причины удерживали за границей лорда Байрона (1788-1824). Любовная жизнь Байрона была очень запутанной и сложной. Наряду с увлечением женщинами, с которыми поэт обращался жестоко (по собственному признанию, его единственной настоящей любовью была двоюродная сестра Августа), он еще в школе испытывал нежные чувства к мальчишкам. Страстная любовь 17-летнего Байрона к 15-летнему певчому из церковного хора Джону Эдлстону, которому он посвятил свои первые стихи, была одной из самых

сильных привязанностей поэта. Ранняя смерть юноши была для Байрона тяжелым ударом. Посвященные Эдлстону элегии он зашифровал женским именем Тирзы. В произведениях Байрона есть и другие гомоэротические намеки и образы. Неудачный брак и слухи о его гомосексуальности сделали Байрона парией в высшем свете и заставили покинуть Англию. В Греции он чувствовал себя во всех отношениях свободнее. Его последней любовью был 15-летний грек Лукас, о котором Байрон всячески заботился, хотя не видел с его стороны взаимности. После смерти поэта его друзья и душеприказчики сожгли некоторые его личные документы, тем не менее некоторые реальные гомоэротические приключения Байрона использованы в опубликованной под его именем в якобы автобиографической поэме "Дон Леон" (автор подделки до сих пор неизвестен).

Почему же, несмотря на либерализацию законодательства, буржуазное общество оказалось в этом вопросе столь нетерпимым? В отличие от феодального общества, оно держится не на сословных привилегиях, а на одинаковом для всех праве. Само по себе гомосексуальное желание не зависит от классовой принадлежности, но оправдать его могли только стоявшие выше закона аристократы либо, наоборот, самые низы, у которых закона вообще не было. Для среднего класса рафинированный гедонизм аристократии и неразборчивая всеядность низов были одинаково неприемлемы, тем более, что те и другие были его классовыми врагами.

Воспитанному в духе сословных привилегий аристократу чужда идея равенства: я буду делать, что хочу, а другим этого нельзя. Буржуа спрашивает: "А что, если так будут поступать все?" и, естественно, приходит в ужас: люди перестанут рожать детей, исчезнут брак и семья, рухнет религия и т.д. и т.п. До признания индивидуальных различий, которые, не будучи сословно-классовыми, могут, именно в силу своей индивидуальности, относительно мирно сосуществовать с другими стилями жизни, буржуазному обществу XIX в. было еще очень далеко. Его сексуальная мораль была прокрустовым ложем для всех, но особенно плохо приходилось тем, кто "отличался".

Христианское противопоставление возвышенной любви и низменной чувственности, в сочетании с разобщенностью нежного и чувственного влечения, в которой Фрейд видел общее свойство мужской (и в особенности подростковой) сексуальности, было возведено в абсолют. Утратившая невинность женщина переставала быть не только уважаемой, но зачастую и желанной. Один английский пастор рассказывал, что когда однажды мальчиком он подумал, что невинная чистая девушка станет его женой, он испытал не вожделение, а чувство жалости по поводу ее унижения. С однополыми отношениями было еще хуже. Ради сохранения самоуважения, люди вынуждены были обманывать не только других, но и самих себя, представляя свое влечение духовным и бестелесным. Однополая любовь была обречена оставаться неназываемой, выступать под чужим именем.

XVIII век называют веком дружбы. Но сентиментально-романтическая дружба очень часто, особенно у молодых мужчин, имеет гомоэротическую подоплеку. Дружеские письма немецких романтиков неотличимы от любовных. Клемент Brentano и Людвиг фон Арним, Фридрих Шлегель и Фридрих Шлейермахер даже называли свои отношения "браком". Вплоть до середины XIX в., когда такие чувства стали вызывать подозрения, философы не боялись говорить даже, что дружба между мужчинами имеет не только духовный, но и телесный характер. Эта эпоха была по-своему наивной и целомудренной. В первой половине XIX в. друзья могли жить в одной комнате, даже спать в одной постели, и их никто не в чем не подозревал. Иногда это способствовало сексуальному сближению. Другие этот соблазн героически преодолевали. А третьи ни к чему "этакому" и не стремились, мужское тело их просто не возбуждало. Разбираться во всех этих случаях спустя сто или двести лет - дело столь же безнадежное, сколь и бесполезное.

Вторым способом оправдания однополой любви была ее эллинизация. Не имея идейной опоры в христианской культуре, люди искали и находили ее в античности. Примеры мужского воинского братства были веским аргументом против представлений о "женственности" однополой любви, а достижения античной культуры, считавшей

мужскую любовь нормальной, доказывали ее нравственное величие и творческий потенциал. Особенно важную роль в этом деле сыграл знаменитый немецкий археолог и историк искусства Иоганн Иоахим Винкельман (1717-1768), который сделал греческий канон мужской красоты достоянием своих образованных современников.

Хотя классическая филология и история искусства сделали "греческую любовь" респектабельной, они были вынуждены, вольно или невольно, интеллектуализировать и десексуализировать ее. Образованные европейцы охотно идентифицировались с античными образами, сплошь и рядом не понимая их действительного смысла. Греческие и римские тексты, изучавшиеся в английских школах и университетах, подвергались жесткой цензуре и фальсификации. Слово "любовник" переводилось как "друг", "мужчина" - как "человек", "мальчик" как "молодой человек". "Пир" Платона не изучали вовсе. Цензурные ограничения создавали у юношей ложные, идеализированные представления об античной культуре и одновременно стимулировали интерес к тому, что от них так тщательно скрывали.

Еще труднее было осознать собственные чувства и склонности. Отпрыски аристократических фамилий, где гомосексуальность была семейной традицией, рано научались жить двойной жизнью, понимая, что если ты сумеешь избежать скандала, делать можно, что угодно. Выходцам из среднего класса и духовного сословия, которые принимали внушенные им ценности и нравственные принципы всерьез, было гораздо труднее. Многие из них не могли ни лицемерить, ни принять, ни подавить собственную сексуальность. Отсюда - трагическая разорванность и противоречивость их самосознания и поведения.

Половая сегрегация в школе еще больше усугубляла эти трудности. Знаменитые английские мужские аристократические школы (Итон, Харроу и другие) были интернатами, мальчики не только учились, но и жили вместе. Раздельное обучение, тем более в разновозрастных интернатах, всегда благоприятствует однополым влюбленностям и сексуальным контактам. В этих, по определению одного историка, "сексуальных концлагерях", гомоэротические традиции и нравы передавались из поколения в поколение.

Первый приказ, который получил от одного из своих соучеников в 1817 г. будущий писатель Уильям Теккерей, как только он появился в школе, был: "Приди и трахни меня". Жалобы на "грубость и животность в спальнях" - общее место многих школьных воспоминаний. Писатель Робин Моэм (1916-1981) рассказывает, что едва он устроился в своей комнате в Итоне, как пришел одноклассник, спросил, мастурбирует ли он, ощупал его половые органы, объяснился в любви и мгновенно уговорил отдаться; связь эта продолжалась два года.

Сексуальным контактам между мальчиками способствовало не только отсутствие женского общества, но и многое другое: общие постели (в Харроу мальчики спали подвое до 1805 г.), невозможность уединения (в некоторых школах туалеты не запирались, а то и вовсе не имели дверей), публичные порки, которые осуществляли не только учителя, но и старшие ученики и, конечно же, абсолютная власть старших над младшими. Эта власть была одновременно групповой (в школе всем распоряжался старший, шестой класс и каждый старшеклассник мог приказывать любому младшекласснику) и индивидуальной. Старшеклассник мог сделать младшего своим "фагом" (fag), слугой, который беспрекословно обслуживал хозяина, чистил его обувь, убирал постель и т.п. и за это пользовался его покровительством. Быть фагом авторитетного шестиклассника было почетно, а красивый фаг, в свою очередь, повышал престиж хозяина.

Мужские и тем более - подростковые сообщества всегда отличаются жестокостью и повышенной сексуальностью. Английская школьная система, ориентированная на воспитание будущих лидеров, сознательно культивировала агрессивную маскулинность. Центром всей школьной жизни были соревновательные спортивные игры (регби, футбол и т.д.), участие и успех в них влияли на положение мальчика в школе и на отношение к

нему соучеников значительно больше, чем учебные успехи. В спортивных играх была и своя эротика. Хотя силовые атлетические контакты считались несексуальными, кто мог это гарантировать?

Культ групповой солидарности, товарищества и дружбы, нередко имеющий неосознанную гомоэротическую окрашенность, красной чертой проходит через английскую, да и всякую другую, школьную повесть. Но если первые влюбленности в девочек, которым благоприятствует совместное обучение, в дальнейшем перекрываются более серьезными взрослыми романами и становятся для юноши только вехами его взросления и роста, то гомоэротические влюбленности, именно потому, что они большей частью остаются не востребуемыми и нереализованными, сохраняются в памяти как нечто совершенно особенное и невообразимо прекрасное, по сравнению с чем взрослая любовь к женщинам иногда кажется ничтожной.

Первоначальное викторианское понимание однополой любви было аристократически эстетским. Постепенно ее образ демократизируется. Причины этого были довольно прозаическими. Поскольку сексуальные отношения с людьми собственного круга были затруднены, нужно было спускаться по социальной лестнице вниз ("натуральные" джентльмены тоже начинали сексуальную жизнь с проститутками или с прислугой). В рабочей среде на эти вещи смотрели проще. Из-за жилищной скученности мальчики часто спали в одной постели, им не приходилось стесняться друг друга. Кроме того, им нужны были деньги. Принимая ухаживания богатого покровителя, юноша из рабочей среды не должен был задумываться, не является ли он извращенцем. У него был ясный мотив - деньги. На одном из судебных процессов 1890-х годов семнадцатилетний лондонец Чарльз Сикбрум показал: "Меня спросили, согласен ли я лечь в постель с мужчиной. Я сказал 'нет'. Он сказал 'Ты получишь за это четыре шиллинга', и убедил меня".

Для представителей средних слоев все было сложнее. В обществе королевских гвардейцев, матросов и молодых рабочих они чувствовали себя в большей безопасности, чем в собственной среде: тут все было анонимно, а от неприятностей можно было откупиться. Но кроме секса, викторианцам были необходимы иллюзии. Образы сильных и мужественных молодых самцов особенно волновали их эротическое воображение по контрасту с их собственной, и всего своего класса, изнеженностью. Соблазн брутального пролетарского секса в противоположность импотенции господствующего класса отлично выражен Дэвидом Генри Лоуренсом в "Любовнике леди Чаттерли". В гомоэротическом варианте это выражалось еще сильнее (Лоуренс и сам был не чужд подобных чувств).

Поскольку большинство этих рафинированных интеллектуалов придерживались левых политических взглядов, эротическая романтизация дополнялась социально-политической идеализацией "простого человека". Юноши из рабочей среды казались им воплощением цельности, моральной чистоты, отзывчивости и эмоционального тепла, а их собственные сексуальные отношения с ними выглядели нарушением сословных и классовых границ. Отдаваясь пареньку из низов, которого он содержал и старался окультурить, рафинированный интеллигент не просто удовлетворял свой сексуальный мазохизм, но символически отказывался от классовых привилегий, восстанавливал социальную справедливость и равенство. Влечение к молодому рабочему выражало любовь к рабочему классу и готовность служить ему. Роман с юным пролетарием был чем-то вроде социалистической революции в одной отдельно взятой постели.

Хотя эти иллюзии постоянно разрушались жизнью, - "простые" юноши при ближайшем рассмотрении оказывались примитивными, интеллектуально неразвитыми и к тому же меркантильными, воспринимавшими своих покровителей как дойных коров, - сентиментальным интеллигентам было трудно избавиться от стереотипов, в которых сексуальная утопия так красиво сливалась с социальной, а их собственные, не до конца принятые, сексуальные потребности возводились в ранг "миссии". Среди гомосексуалов первой половины XX в. были чрезвычайно сильны леворадикальные, марксистские и анархические идеи. Именно это помогло в 1930-х годах ГПУ практически бесплатно

завербовать в свои агенты молодых кембриджских интеллектуалов Кима Филби, Гая Берджесса и их друзей.

Новые социальные контексты рождали потребность в новом самосознании и новом определении сущности однополрой любви. Религиозное понятие "порока" давно уже себя исчерпало. Понятие "преступления" также вызывало возражения, при наличии добровольного согласия тут нет жертвы. Новую парадигму для объяснения, а фактически - для социального конструирования однополрой любви дали сексологи, которые не только прорвали завесу молчания и способствовали либерализации законодательства, но и дали гомосексуалам новый стержень для самосознания и социальной идентичности.

Быть больным неприятно, но лучше, чем преступником или "неназываемым". Французский писатель американского происхождения Жюльен Грин (1900 -1998) с детства влюблялся в мальчиков, но понятия не имел, что это значит, пока в студенческие годы такой же закомплексованный приятель не дал ему книгу Эллиса: "Оставшись один, я открыл книгу, и она меня потрясла...В течение нескольких минут, весь мир изменил свой облик в моих глазах, стены моей тюрьмы исчезли, как туман под дуновением ветра. Оказывается, я не один".

Сексологические идеи и понятия быстро стали достоянием массовой прессы и художественной литературы. Литературные персонажи и их авторы приняли предложенные медициной образы и стали разыгрывать предусмотренные сценарием роли. Однако медиализация однополрой любви, как и сексуальности вообще, будучи исторически неизбежной, означала также большие социальные и психологические издержки. Не уничтожая старой стигмы, медицинская концепция гомосексуальности придала ей необычайную стабильность. Когда человеку говорили, что он преступник, он мог протестовать, доказывая чистоту своих намерений. Против врачебного диагноза он был бессилён: доктор знает лучше. Максимум, на что могли рассчитывать больные люди - снисходительное и подчас брезгливое сочувствие: да, конечно, это не их вина, но все-таки...

Неоднозначными были и сдвиги в общественном сознании. Психологизация гомосексуальности сделала видимыми такие ее признаки, которым раньше не придавали значения. Сверхбдительные викторианцы, по невежеству, могли не замечать даже самых очевидных проявлений гомоэротизма. Это распространялось и на искусство. Известный английский художник Генри Скотт Тьюк, "Ренуар мальчишеского тела", рисовал очаровательных нагих мальчиков, но поскольку их гениталии были прикрыты, никаких проблем у художника не возникало. Никто не видел гомоэротических мотивов в творчестве Редьярда Киплинга или любимого поэта королевы Виктории лорда Альфреда Теннисона.

Еще тщательнее маскировались подобные чувства в пуританской Америке. Как и в Европе, единственным морально приемлемым контекстом гомоэротики была мужская дружба, где чувственность оставалась неосознанной или сублимированной. Такую дружбу ярко описывали философ-неоплатоник Ральф Уолдо Эмерсон (1803 - 1882), переживший в годы своей учебы в Гарварде сильную влюбленность в одноклассника, и его друг и единомышленник писатель Генри Дейвид Торо (1817-1862). Многие гомоэротические аллюзии автора знаменитого "Моби Дика" Германа Мелвилла (1819 - 1891) и его младшего современника Генри Джеймса (1843-1916) раскодированы только в последние десятилетия. Достаточно зашифрован и самый знаменитый из американских "голубых" классиков Уолт Уитмен (1819-1892).

Мужчина или женщина, я мог бы сказать вам, как я люблю вас, но я не умею,
Я мог бы сказать, что во мне и что в вас, но я не умею,
Я мог бы сказать, как томлюсь я от горя и какими пульсами бьются мои ночи и дни.
(перевод К. Чуковского)

Чтобы индивидуальные психосексуальные особенности превратились в социальную идентичность, нужна была гласность. И она действительно пришла в конце XIX в. в виде серии отвратительных скандалов и судебных процессов.

Первым был процесс Оскара Уайльда (1852-1900). Гомоэротизм знаменитого драматурга не был в Англии большим секретом, его манеры и дружеские связи вызывали пересуды еще в студенческие годы в Оксфорде. Однако увлечения красивыми мальчиками не помешали Уайльду жениться и произвести на свет двух сыновей. Впервые 32-летнего Уайльда в 1886 г. соблазнил 17 летний студент Роберт Росс, "маленький Робби". Их недолгая связь открыла Уайльду его подлинную сущность, он перестал жить с женой (та не догадывалась об истинной причине охлаждения мужа), зато его стали постоянно видеть в обществе юных проститутов.

"Портрет Дориана Грея" (1890), подобно пьесам Уайльда, стал знаменем эстетизма и раздражал консерваторов язвительными нападками на обыденную мораль, скепсисом и идеей вседозволенности. Это было также первое изображение однополый любви в серьезной английской литературе. Хотя прямо о ней ничего не сказано, подготовленному читателю все было достаточно ясно. После публикации книги крупнейший английский книгопродавец отказался распространять ее, считая "грязной", однако она имела шумный успех среди молодежи и за рубежом.

К несчастью Уайльда, среди его страстных поклонников оказался начинающий поэт, 21-летний красавец лорд Альфред Дуглас (1870-1945). Перечитав "Портрет" не то 9, не то 14 раз, он написал Уайльду письмо, они встретились и вскоре стали любовниками. Юный Бози, как называли его друзья, по-своему любил Уайльда, но это был типичный Нарцисс, который может только брать. Он разоряет и компрометирует Оскара, втягивает его в отношения с мальчиками-проститутами, они соперничают между собой из-за этих мальчиков. Бози забывает в карманах любовные письма Уайльда, и тот вынужден выкупать их у шантажистов. Оскар и Альфред вместе показываются в свете, давая пищу сплетням. Буйный и вздорный характер Бози провоцирует частые ссоры, Уайльд несколько раз пытается порвать отношения, но у него не хватает характера, - как только Бози просит прощения, Уайльд сдается.

В дело вмешивается отец Бози, старый маркиз Куинсбери. Не найдя общего языка с сыном, который его ненавидит, Куинсберри послал Уайльду открытую записку, в которой назвал его "сомдомитом" (именно так). Благоразумные друзья советовали Уайльду пренебречь оскорблением или на время уехать за границу, но под нажимом Бози Уайльд возбуждает дело о клевете. Это была большая глупость. Литературные обвинения и буквальное истолкование любовных писем к Бози Уайльду удалось отвести, но когда адвокаты маркиза предъявили суду список из 13 мальчиков, с указанием дат и мест, где писатель с ними встречался, он стал из обвинителя обвиняемым.

На первом суде Уайльд держался героически, защищал чистоту своих отношений с Дугласом и отрицал их сексуальный характер. Его речь, из которой взят эпиграф к этой главе, произвела на публику впечатление. Доказать "чистоту" отношений с юными проститутами было сложнее. Уайльд и тут был блестящ, но дело было заведомо безнадежным. Куинсбери был оправдан, а против Уайльда возбуждено уголовное дело. Друзья советовали ему бежать во Францию, он отказался, был арестован и посажен в тюрьму (Бози благоразумно укрылся во Франции). В итоге нового процесса Уайльд и один из проститутов были приговорены к двум годам каторжной тюрьмы. Началась дикая травля в печати.

За этим - два года тюремного заключения (Уайльд рассказал о них в "Балладе Редингской тюрьмы"), отягощенные напряженными отношениями с Дугласом, которого Уайльд продолжал любить и в то же время считал виновником своих несчастий. В обращенной к Альфреду исповеди *De Profundis* (1897) он не только сводит их личные счеты, но и защищает свою любовь против жестокого общества и несправедливых законов. Однако силы Уайльда были подорваны. После освобождения в мае 1897 он живет

во Франции, снова сходится с Бози. Опять непосильные расходы, общие мальчишки, безденежье, отвернувшиеся друзья. Самым верным оказался маленький Робби, который после смерти Уайльда как его литературный душеприказчик расплатился с долгами писателя и помогал его детям; после смерти его прах захоронен в могиле Уайльда на кладбище Пер Лашез.

Процесс Уайльда многих напугал, но в его лице геи приобрели фигуру мученика, очень важную для их будущего освободительного движения.

Другая серия скандалов, с явной политической подоплекой, разразилась в Германии. В ноябре 1902 г., покончил самоубийством богатейший промышленник, глава знаменитого концерна Фридрих Крупп, после того как левая пресса разоблачила гомосексуальные оргии на его вилле на острове Капри. Вскоре затем журналист Гарден разоблачил гомосексуальные связи нескольких лиц из ближайшего окружения Вильгельма II, включая личного друга кайзера князя Эйленбурга-и-Хертфельда и графа Куно фон Мольтке, чьи нежные письма к Эйленбургу появились в печати.

Подобно Уайльду, оскорбленные аристократы обратились в суд и категорически отрицали свою гомосексуальность. Да, говорил Эйленбург, "я был в юности восторженным другом и горжусь этим... Одна из тончайших немецких добродетелей - способность к дружбе. У меня были глубокие отношения с мужчинами, которым я писал восторженные письма, и я не жалею об этом. Мы знаем, что наши великие герои, Гете и другие, тоже писали своим друзьям нежные письма". Но перед свидетельством баварского рыбака Эрнста, сексуальными услугами которого он пользовался в своем родовом замке, князь был бессилён.

В Англии между двумя мировыми войнами главными рассадниками и духовными центрами однополый любви оставались Оксфорд и Кембридж. Именно в Кембридже возник кружок так называемых "Кембриджских апостолов", позже получивший название группы Блумсберри (по имени района в Лондоне, где они с 1904 г. регулярно собирались в доме сестер Стивен на Гордон-сквер). Наиболее известными членами этого интеллигентского кружка-салона были популярный романист Литтон Стрэчи, экономист Джон Мейнард Кейнс, историк Голдсуорси Дикинсон, писатель Э[двард] М[орган] Форстер, писательница Вирджиния Вулф. В доме на Гордон-сквер бывали не только гомосексуалы, но последние явно преобладали. Свободная дружеская атмосфера благоприятствовала вольным разговорам и шуткам, в традициях Уайльда. Некоторые члены кружка были связаны любовными отношениями. Хотя никто из них, за исключением Форстера, не выступал публично в защиту однополый любви, они язвительно высмеивали викторианское ханжество и не стеснялись собственной сексуальности, а их высокая интеллектуальная репутация придавала респектабельность и ей. Впрочем, в своих литературных произведениях они большей частью пользовались эзоповым языком.

Характерно творчество Форстера. Хотя однополый любовь была центральной осью всех произведений знаменитого писателя, открыто он говорит о ней только в романе "Морис". Герой этого романа с ранней юности чувствует свою необычность, но очень долго не может ни осознать истинный характер своей привязанности к соученику по университету, ни, тем более, принять ее. Лишь в самом конце повествования Морис находит счастье в объятиях сумевшего пробудить его молодого рабочего. Первый вариант романа был закончен летом 1914 г., но писатель не посмел его напечатать и продолжал работать над рукописью вплоть до 1960 г., опубликована же книга была лишь после его смерти, в 1971 г. За эти годы многие былые страхи и нравственные критерии успели безнадежно устареть. Консервативным критикам книга все равно показалась шокирующей, они привыкли к другому, менее откровенному, Форстеру, литературная же молодежь не увидела в романе ничего существенно нового. "Морис", как и поставленный на его основе кинофильм Джеймса Айвори (1987), выглядит скорее запоздалым памятником викторианской эпохи, чем художественно-психологическим открытием.

Во Франции необходимости в политическом движении в защиту гомосексуалов не было, их не преследовали по закону со времен Наполеона. Общественное мнение здесь также было терпимее, пока речь шла только о частной жизни. Многие английские и американские гомосексуалы, подвергавшиеся травле у себя на родине, находили убежище в Париже. Не особенно волновала французов и мужская проституция. Тем не менее открыто защищать и пропагандировать гомосексуальность было нельзя.

Главную роль в "респектабилизации" однополый любви во Франции сыграла художественная литература. Ни в одной национальной литературе XIX-XX веков эта тема не занимает такого большого места, как во французской.

Гомоэротические сюжетные линии скрытно присутствуют у Бальзака (1799-1850), в описании отношений между беглым каторжником Жаком Колленом (он же - Вотрен) и молодым Люсьеном де Рюбампре. Громким событием околотраурной жизни начала 1870-х годов был роман Поля Верлена (1844-1896) и Артюра Рембо (1854-1891). Любовь с первого взгляда возникла в 1871 г., когда женатому Верлену было 26, а Рембо - 16 лет, продолжалась два года и стала достоянием гласности из-за своей горячности и драматизма (неуравновешенный Верлен даже стрелял в Рембо, за что попал на два года в тюрьму). Ее поэтическим выражением стали несколько гомоэротических стихотворений обоих поэтов и совместно написанный ими порнографический "Сонет о заднем проходе". Гюстав Флобер (1821-1880) в своем ироническом словаре определил педерастию как "болезнь, которая поражает всех мужчин определенного возраста" (сам Флобер, как видно из его писем друзьям из Туниса и Египта, также был ей подвержен). "Цветы зла" Шарля Бодлера (1821-1867) первоначально назывались "Лесбиянки". Тема мужской любви звучит в "Песнях Мальдорора" графа де Лотреамона (псевдоним Исидора Дюкасса, 1846-1870).

В начале XX в. художественным исследованием гомосексуального желания занялись признанные классики. Причем если для Романа Роллана и Роже Мартен дю Гара, посвятивших проникновенные страницы подростковой дружбе-любви, эта тема была важной, но проходной, то для Марселя Пруста, Андре Жида, Анри де Монтерлана и Жана Кокто это главный стержень всей их жизни и творчества.

Марсель Пруст (1871 - 1922) с детства испытывал влечение к мальчикам. Одиноким и болезненным ребенком, проводивший время преимущественно среди женщин, он мечтал, что когда-нибудь будет жить вместе со своим лучшим другом, которого никогда не покинет. В лицее Кондорсэ 16-17- летний Пруст завязывает дружеские отношения с тремя младшими мальчиками - пятнадцатилетними Жаком Бизе (сыном композитора), его кузеном Даниэлем Галеви и 14-летним Робером Дрейфюсом. Беда однако заключалась в том, что они были Марселю нужны, а он им - нет. В дневнике Галеви любовное письмо Марселя, адресованное Бизе, сопровождается пометкой: "Этот бедный Пруст абсолютно сумасшедший - посмотрите это письмо".

Марсель пытался объяснить Галеви характер своей привязанности к Бизе: "... Есть молодые люди... и особенно типы от восьми до семнадцати лет, которые любят других мальчиков, всегда хотят видеть их (как я - Бизе), плачут и страдают вдали от них, которые не хотят ничего другого, кроме как целовать их и сидеть у них на коленях, которые любят их за их тело, ласкают их глазами, называют их "дорогой" и "мой ангел", вполне серьезно, пишут им страстные письма и ни за что не свете не занялись бы педерастией.

Однако зачастую любовь их увлекает и они совместно мастурбируют. Но не смейся над ними.... В конце концов, это же влюбленные. И я не знаю, почему их любовь недостойнее обычной любви".

Не встретив взаимности у Жака, Марсель влюбляется в Даниэля, надоедает ему, посвящает любовные стихи. Гетеросексуальным мальчикам эти чувства были смешны и даже оскорбительны. В дневнике Галеви по поводу посвященного ему стихотворения Пруста записано: "Какое несносное существо!" При всем его уме и таланте, Пруст казался одноклассникам странным, манерным и скучным. "Бедный, несчастный мальчик, мы были грубы с ним..." - писал впоследствии Галеви..

Оскорбленное самолюбие сделало молодого человека чрезвычайно скрытным. Отныне и до конца жизни он категорически отрицал свою гомосексуальность. Пруст постоянно влюблялся в юношей и молодых мужчин. Эти влюбленности большей частью оставались платоническими, а потом отношения перерастали к дружеским. Самой сильной и длительной любовью Пруста был молодой автогонщик Альфред Агостинелли, который вместе со своей любовницей Анной (Пруст считал ее женой Альфреда), несколько лет жил в доме Пруста на правах его шофера, а затем секретаря. Внезапный и загадочный уход Агостинелли от Пруста 1 декабря 1913 г. и затем его гибель в авиационной катастрофе 30 мая 1914 г. вызвали у писателя отчаяние. "Я действительно любил Альфреда, - писал он через полгода после гибели Агостинелли. - Мало сказать - любил, я обожал его. И я не знаю, почему я пишу это в прошедшем времени, я буду любить его всегда". Хотя со временем Альфреда заменили другие молодые секретари, Агостинелли не был забыт. "Печаль убывает не потому, что умирают другие, а потому, что что-то умирает в тебе самом. Нужна большая жизненная сила, чтобы поддерживать неизменным собственное "Я" хотя бы в течение нескольких недель. Его друг не забыл бедного Альфреда. Но он соединился с ним в смерти, а его наследник, сегодняшнее "Я", хотя и любит Альфреда, знает его только по рассказам другого. Это нежность из вторых рук".

Озабоченный собственными проблемами, Пруст испытывал постоянную потребность говорить о гомосексуальности и в то же время был неспособен к прямому самораскрытию. Единственным человеком, в разговоре с которым Пруст однажды снял привычную маску, был Андре Жид. Когда 14 мая 1921 г. Жид принес ему рукопись "Коридона", Пруст без всякого стеснения и угрызений совести, даже с некоторым хвастовством, признался ему в своей педерастии и даже рассказал о своих "экспериментах по вызыванию оргазма", но тут же заметил, что в литературе об этом можно говорить только косвенно: "Вы можете рассказывать все, что угодно, но только при условии, что вы никогда не скажете "Я".

Трагедия Пруста заключалась в том, что нежные любовные чувства, которые он испытывал к молодым мужчинам, были несовместимы с его темными садомазохистскими фантазиями. Сексуальная жизнь постоянного больного Пруста протекала главным образом, если не исключительно, в его воображении. В своей эпопее "В поисках утраченного времени" "великий мастер притворства", как назвал его Андре Жид, разделил свои эротические переживания на две части. Все красивое, нежное и изящное, что было в его гомоэротических воспоминаниях, Пруст отдал "девушкам в цвету", оставив на долю "Содома" все темное и гротескное. Превратив Альфреда Агостинелли в Альбертину (именно совпадение некоторых конкретных ситуаций подсказало литературоведам разгадку образа Альбертины), Пруст описал свои любовные переживания и размышления о них так, как если бы они были адресованы и вдохновлены женщинами.

Но "Альбертина" - не просто маска "Альфреда". Бисексуальная Альбертина приоткрывает женственную сторону самого Рассказчика. Столь же многогранен образ барона де Шарлю. Шарлю умен и эрудирован, но одновременно безжалостен и коварен, Пруст связывает эти черты с тем, что Шарлю не только выглядит неприятно-женственным, но по сути своей "является женщиной". Мало привлекательны и другие гомосексуальные персонажи. Отрицательное изображение гомосексуальности - социальная и психологическая самозащита Пруста. Но писатель не просто сводит с кем-то личные счеты. Он заставляет читателя все время находиться в атмосфере чего-то неясного, неопределенного, недосказанного. Простой и надежный мир, где мужчина - всегда мужчина, женщина - всегда женщина, а у гомосексуала нет ничего общего с гетеросексуалом, утрачивает привычные четкие очертания. И если почти о каждом персонаже возникает вопрос: "так он все-таки - да или нет?", то и читатель невольно задумывается о себе: "А я кто такой?" В этом смысле "В поисках утраченного времени" - более современная книга, чем многие новейшие тексты, где о каждом точно известно, кто есть who.

В отличие от Пруста, Андре Жид (1869-1951) выступил в защиту гомосексуальности с открытым забралом. Рано потеряв отца, маленький Андре жил под опекой любящей, но доминантной матери и с раннего детства чувствовал себя непохожим на других мальчишек. В 9 лет на костюмированном балу в школе, он влюбился в одетого чертенком мальчика немного старше себя и не мог оторвать глаз от его изящного тела, по сравнению с которым он казался себе смешным и безобразным. В то же время эмоционально ему было гораздо легче в обществе девочек, подростком он был особенно дружен со своей кузиной Мадлен Рондо, на которой женился в 1895 г. Однако глубокая любовь, которую Жид испытывал к жене, была исключительно духовной; сексуально его волновали мальчишки-подростки.

Несмотря на легкий и общительный характер, юный Андрэ мучительно переживал раздвоение собственных чувств. Центральная тема юношеских дневников Жида - конфликт между моралью и искренностью: "Имей смелость быть самим собой. Я должен подчеркнуть это также в своей голове" (10 июня 1891). "Страх не быть искренним мучил меня несколько месяцев и не давал писать" (31 декабря 1891). "Меня волнует дилемма: быть моральным или быть искренним" (11 января 1892).

Важную роль в сексуальном раскрепощении Жида сыграл Уайльд. Их первая встреча в Париже в 1891 г. испугала Жида. Когда в январе 1895 г. он случайно встретился с Уайльдом и Альфредом Дугласом в Алжире, его первым побуждением было убежать, но он не сделал этого. Уайльд пригласил его в кафе и там он увидел юного флейтиста Мухаммеда, который с первого взгляда очаровал его. Жид и раньше увлекался арабскими мальчишками, но никогда не осмеливался довести свое увлечение до физической близости. На сей раз с ним рядом был циничный Уайльд. Выходя из кафе, он спросил Жида: "Вы хотите этого музыканта?" Превозмогая себя, срывающимся от стыда и волнения голосом, Жид ответил "да", Уайльд сказал несколько слов проводнику, победно расхохотался, и эту ночь Жид провел с Мухаммедом. Она стала его вторым рождением:

"Теперь я нашел, наконец, то, что для меня нормально. Не было больше ничего принудительного, вымученного, сомнительного; в моей памяти об этом не сохранилось ничего неприятного... После того, как Мухаммед ушел, я еще долго находился в состоянии дрожащего ликования, и хотя уже рядом с ним я пять раз пережил чувственный восторг, это повторялось еще несколько раз и, вернувшись в свой гостиничный номер, я до самого утра испытывал его отголоски".

Теперь он точно знал, что ему нужно, однако это не помешало ему жениться на Мадлен. Сексуальная жизнь Жида ограничивались краткосрочными приключениями с 15-18-летними рабочими подростками и юными арабами. Жена писателя, имевшая, подобно Софье Андреевне Толстой, доступ к его интимному дневнику, относилась к этим похождениям терпимо, благо их "объекты" быстро менялись. Гораздо серьезнее был роман 47-летнего писателя с его 16-летним племянником Марком Аллегрэ. Жид знал Марка с раннего детства и когда тот превратился в обаятельного подростка, страстно влюбился в него, заботился о его развитии, возил с собой в Швейцарию, Англию, Тунис и Конго. О силе этой любви говорят многочисленные дневниковые записи. Жид любит стройным телом и нежной кожей мальчика, "томностью, грацией и чувственностью его взгляда". "Мысль о М. поддерживает меня в постоянном состоянии лиризма... Я не чувствую больше ни своего возраста, ни ужаса времени, ни погоды". "Я уже не могу обходиться без М. Вся моя молодость, это он". Но при всем уважении к знаменитому дядюшке, Марка больше интересовали девушки. Жид не пытался противиться этому и в дальнейшем их взаимоотношения с Марком переросли в прочную дружбу.

Роман с Марком Аллегрэ активизировал потребность Жида открыто рассказать людям об однополрой любви. Эта идея жила в нем давно. Первым шагом к самораскрытию была во многом автобиографическая повесть "Имморалист" (1902), лирический герой которой, Мишель, мучительно освобождается от традиционных протестантских ценностей, открывая подлинную сущность своей сексуальности с помощью непосредственных и

сердечных арабских мальчиков. Вслед за "Имморалистом" появилась книга из четырех "сократических диалогов" под многозначительным названием "Коридон", в которой Жид выступил с открытой историко-философской апологией однополой любви, объявив педерастию главным источником достижений античной цивилизации. Первый вариант "Коридона" Жид выпустил в 1911 г. анонимно, тиражом всего в 12 экземпляров, для ближайших друзей. Первое открытое издание книги вышло в 1924 г. и воспринималось как ответ на карикатурный образ гомосексуала, нарисованный Прустом в "Содоме и Гоморре".

Однако философские трактаты мало кто читает. Поэтому Жид продолжил тему в романе "Фальшивомонетки" (1926). Основная сюжетная линия романа - история любви молодого писателя Эдуарда и его 15-летнего племянника Оливье. Их неудержимо влечет друг к другу, Эдуард хочет помогать духовному развитию юноши, а Оливье нуждается в его жизненном опыте и эмоциональном тепле. Однако робость и страх быть непонятыми мешает обоим открыто выразить свои чувства. Эдуарду кажется, что он не нужен мальчику, а Оливье, принимая сдержанность Эдуарда за холодность, едва не становится добычей светского циника графа де Пассавана, напоминающего прустовского де Шарлю. Но в конце концов дядя и племянник обретают друг друга и даже мать Оливье благословляет их отношения. В своей автобиографии "Если зерно не умирает.." (1926) Жид расставил все точки над и. Гомосексуальные чувства и отношения, которые раньше можно было считать художественным вымыслом, теперь стали фактами его биографии. Это, естественно, вызвало скандал. Отдельные критики обвиняли Жида в развращении детей, в его откровенности увидели проявления эксгибиционизма и нарциссизма. Но со временем люди привыкли. В 1947 г. Андре Жид получил Нобелевскую премию по литературе.

От Андре Жида эстафета художественной гомоэротики протянулась к драматургу, поэту, режиссеру и художнику Жану Кокто (1889 - 1963). Как и Жид, Кокто был маменькиным сыночком (его отец покончил с собой, когда Жану было 8 лет) и всегда любил женское общество.. В лицее Кондорсэ Жан влюбился в старшего по возрасту, сильного и необузданного одноклассника Даржелоса, не мог спокойно видеть его голых ног в коротких шортах и открытого ворота рубашки, но при встрече с ним наедине растерялся и попал в неловкое положение. Через несколько дней после этого Даржелос заболел и умер, оставшись в памяти Кокто символом агрессивной маскулинности. Свои ранние эротические чувства и переживания Кокто описал в анонимно изданной "Белой книге" (1928), к которой позже написал игривое предисловие - дескать, может быть эта книга моя, а может быть и не моя, и в романе "Ужасные дети" (1929). Человек разнообразных талантов и огромного личного обаяния, Кокто много лет стоял в самом центре французского художественного авангарда и стал первым открытым гомосексуалом, избранным членом Французской академии.

Художественная литература сыграла решающую роль и в постепенной реабилитации женской однополой любви. Христианские богословы говорили о ней гораздо реже, да и либертины XVI -XVIII вв. не принимали ее всерьез. Сексуальные отношения между женщинами казались самоуверенным мужчинам только временной заменой или подготовкой к "настоящему" сексу. Если для "голубых" мужчин главной опасностью было засветиться, обнаружить себя, то лесбиянки страдали прежде всего от своей невидимости.

Хотя секс между женщинами будоражил мужское эротическое воображение, единственным известным ему типом лесбиянки была мужеподобная и коварная женщина-вамп, гермафродитка, которая успешно конкурирует с мужчинами и развращает молоденьких девушек. Естественно, что этот образ наделялся самыми отвратительными чертами. Даже в наиболее дружественной к лесбиянкам стихотворной книге Шарля Бодлера "Цветы зла" (1857) сочувствие по поводу неосуществимости их сексуальных желаний переплетается с осуждением их "демонизма":

Вас, дев и дьяволиц, страдалиц и чудовищ,

Люблю вас, нашу явь презревшие умы!
Вы в бесконечности взыскуете сокровищ,
Вы, богомолицы, и вы, исчадья тьмы!
То плачете, а то кричите в исступленье,
О, сестры бедные! Душа за вас скорбит,
За муки хмурые, за боль неутоленья,
За сердце, где любовь, как пепел в урнах, спит.
(пер. С. Петрова)

Наибольшее внимание ученых-сексологов также привлекали мужеподобные, крупные женщины с волосатыми ногами, грубыми манерами и низким голосом. Имея дело преимущественно с транссексуалками, сексологи видели в них просто "недоделанных" мужчин, приписывали всем лесбиянкам мужской склад ума и характера, а также врожденную склонность к преступности и проституции.

Поскольку применить это к себе порядочная женщина, естественно, не могла, единственным доступным способом символизации однополый любви было представление ее как не имеющей эротической подоплеки романтической дружбы. Поскольку женщины считались в принципе несексуальными, они могли целовать, ласкать друг друга, спать вместе, выказывать чувства всеобъемлющей любви и клясться в вечной верности и тем не менее не видеть в этих страстях ничего, кроме душевных излияний. Мужчин это вполне устраивало.

Самый знаменитый пример таких отношений - так называемые "леди из Лланголлена", Элино́р Батлер (1739-1829) и Сары Понсонби (1755-1831). Дочь знатной ирландской семьи Элино́р Батлер, вернувшись из монастыря, где ее воспитывали, отказалась думать о замужестве и целиком погрузилась в книги. В 1768 г. 29-летняя Элино́р познакомилась с 13-летней Сарой и их сразу же связала "особенная дружба". Десять лет спустя, переодевшись в мужское платье, подруги сбежали из дома. Их догнали, вернули и решили поместить Элино́р в монастырь, а Сару принудить к замужеству. Но после того, как Сара пригрозила разоблачить сексуальные домогательства своего опекуна, от них отступились, девушки поселились в Уэльсе и прожили вместе долгую счастливую жизнь. Официально никто не считал их отношения сексуальными. Даже знаменитая ханжа, сплетница и гомофобка, отравившая жизнь многим достойным современникам, в данном случае держала свои подозрения при себе.

Помогало лесбиянкам и сексологическое невежество, в частности - викторианское представление об асексуальности женщин. До нас дошел замечательный в этом смысле судебный процесс. В 1810 г. в Эдинбурге знатная леди Камминг Гордон неожиданно забрала из частной женской школы свою незаконнорожденную внучку Джейн и посоветовала другим родителям сделать то же самое, мотивируя это соображениями нравственного порядка. Чтобы спасти свое доброе имя и получить компенсацию за понесенный ущерб, молодые учительницы подали в суд. Судейские протоколы достаточно красноречивы. Девочка рассказала, что мисс Вудс забиралась в постель к подруге, ложилась на нее и они обменивались явно эротическими репликами. Но судьи не могли поверить столь чудовищному обвинению и приписали жалобы болезненному воображению ученицы. После многолетнего разбирательства, в 1819 г. Палата Лордов решила, что порядочные девушки просто не могли этого делать. Как сказал один из судей, "ни одного такого случая неизвестно ни в Шотландии, ни в Британии... Я считаю, что такое преступление не существует... Совокупление без пенетрации ... равносильно обвинению в изнасиловании посредством болтовни". Этот судебный прецедент еще долго охранял женщин от "грязных подозрений".

Как и в случае с мальчиками, рассадниками однополый любви были монастыри и возникшие в XIX в. школы-интернаты. Жесткая диктатура властных старых директрис и абсолютное замалчивание всех вопросов пола благоприствоявали массовым влюбленностям девочек в учительниц и соучениц. Учителя и теоретики педагогики, как

водится, ничего в этом не понимали. Если учителя-мужчины, заиклившись на мальчишеской чувственности, преуменьшали духовную сторону отношений между мальчиками, то учительницы, наоборот, гипертрофировали духовные свойства и пренебрегали фактами девичьей сексуальности.

Важную роль в освободительном процессе и становлении нового женского самосознания сыграли писательницы-лесбиянки. Маргерита Рэдклифф Холл (1880-1943) с раннего детства обожала мужские занятия, увлекалась молодыми женщинами и предпочитала называть себя Джоном. Унаследовав от деда огромное состояние, она вела самостоятельный образ жизни, подолгу жила во Франции и в Италии и имела несколько серьезных романов с женщинами.

Героиня главного произведения Рэдклифф Холл, романа "Колодезь одиночества" (1928), Стивен Гордон больше похожа на транссексуалку, чем на лесбиянку. Ее родители хотели иметь сына, появление девочки было для них разочарованием. Не желая смириться с этим, они дали ей мужское имя "Стивен", а ее главным наставником стал отец. Семилетняя Стивен одевается, как мальчик, пренебрегает куклами и платьями, страстно влюбляется в юную горничную Коллинз и категорически заявляет: "Я мальчик". С возрастом ее маскулинность усугубляется. В 17 лет "она не имела с другими девочками ничего общего, а они, в свою очередь, находили ее неприятной". С мужчинами ей легче, но их раздражают ее ум и независимость. Соседям она кажется странной и вызывает сплетни: что-то в ней явно не так! В 18 лет в жизни Стивен появляется молодой человек Мартин, с которым у нее устанавливается нежная дружба, но как только он объясняется в любви, Стивен охватывают ужас и отвращение; Мартин уезжает, так и не поняв, в чем дело.

Стивен страстно влюбляется в легкомысленную молодую замужнюю женщину Анджелу Кросби: "Я знаю, что люблю вас, и что ничто больше в мире не имеет значения". Но Анджела просто забавляется с ней, а затем, испугавшись разоблачения, выдает тайну своему мужу, который все сообщает матери Стивен. После скандала, Стивен уезжает в Париж и становится писательницей. С началом войны, она идет на фронт, где ценят ее мужество и решительность, потом влюбляется в юную Мэри, которая отвечает ей взаимностью. Стивен берет девушку к себе, но долго не решается сойтись с ней физически, боясь причинить Мэри страдания. Любовь Мэри разбивает эти сомнения. "Когда Стивен держала девушку в объятиях, она чувствовала, что она для Мэри - все: отец, мать, друг и любовник, все сразу, а Мэри означает все для нее - ребенка, друга, возлюбленную, все в одном лице". Но Мэри трудно жить в изоляции, а в обществе они изгои. Появляется старый друг Стивен Мартин, теперь он все понимает, но сам влюбляется в Мэри, которая отвечает ему взаимностью, но не может оставить Стивен. Тогда Стивен жертвует собой: сделав вид, что у нее роман с другой женщиной, она вынуждает Мэри уйти с Мартином.

"Колодезь одиночества" - не столько автобиография, сколько художественная иллюстрация образа "сексуальной инверсии", почерпнутого Холл из тогдашней сексологии. Ее цель - вызвать сочувствие, показать людям, что "инвертированные" не могут жить иначе и тем не менее являются психологически абсолютно нормальными. Хотя в книге нет никакой эротики, в 1934 г. "Колодезь одиночества" был в Англии запрещен. Когда, по требованию Холл, прокурор прочел вслух самое "непристойное" место книги, им оказалась фраза: "И этой ночью они были неразделимы". Несмотря на запрет, "Колодезь" имел огромный читательский успех, а благородный образ Стивен Гордон стал образцом для подражания тысячам лесбиянок и транссексуалок во всем мире.

Этот освободительный эффект продолжался несколько поколений, но с течением времени все яснее становилась и его неоднозначность. Известная канадская писательница-лесбиянка Джейн Рюл (родилась в 1931 г.) вспоминает, что она впервые прочла "Колодезь" в 15 лет. Я ничего не знала о реальной жизни Рэдклифф Холл и очень мало - о своей собственной, но я была здорово напугана. Подобно Стивен Гордон, я была высокой, у меня были широкие плечи и узкие бедра, плоская грудь и низкий голос. Прочитав

"Колодезь", " я вдруг обнаружила, что я - урод, прирожденный монстр, представитель третьего пола, которому, вероятно, придется называть себя мужским именем (телефонные операторы уже обращались ко мне - "сэр"), носить галстук-бабочку и жить в изгнании в каком-то европейском гетто".

Писательницы-лесбиянки утверждали себя не только своими произведениями, но и стилем жизни. О своих чувствах и переживаниях им приходилось говорить исключительно намеками, изображать себя или своих возлюбленных мужчинами, или делать вид, что в женских влюбленностях нет ничего сексуального, или описывать не женскую, а мужскую однополую любовь, о которой люди все-таки знали больше. Вынужденные умолчания и недомолвки заставляли писательниц вырабатывать особый литературный код, находить слова и знаки, понятные только посвященным, иногда даже избегать местоимений "он" и "она". Декодирование этих скрытых знаков и значений гораздо труднее, чем в более откровенной "мужской" литературе. Иногда их можно понять только в контексте интимной биографии автора, которая сама служит литературным текстом. Самые знаменитые из них - американка Гертруда Стайн (1874-1946) и англичанка Вирджиния Вулф (1882-1941).

Главным центром европейской гомосексуальной культуры первой трети XX века, до прихода к власти Гитлера, была Германия. Гомоэротизм имел глубокие исторические корни в немецкой культуре XVIII-XIX веков. Самым известным (и откровенным) немецким гомоэротическим поэтом эпохи романтизма был граф Август фон Платен (1796-1835). Большую часть жизни фон Платен прожил в Италии и, как видно из его автобиографии, не уклонялся от телесных радостей. Однако его поэзия исключительно целомудренна и посвящена преимущественно теме неразделенной любви автора к молодым мужчинам. Сентиментальную гомоэротiku фон Платена язвительно высмеивал Генрих Гейне, но его высоко ценил Томас Манн.

В начале XX в. эта традиция была продолжена. Хотя в Веймарской республике гомосексуальность оставалась уголовным преступлением, в Берлине, Гамбурге, Кельне и других немецких городах открыто существовало множество гомосексуальных баров, кафе и дансингов, в которых посетители без труда находили партнеров на любой вкус. Английские и американские гомосексуалы слетались в Берлин, как в Мекку. Эта среда и ее нравы подробно описаны в воспоминаниях и повестях Ишервуда, Аккерли, Одена и Спендера и в знаменитом фильме Боба Фосса "Кабаре".

Наряду с бытовой субкультурой, в Германии была и развитая гомосексуальная идеология, точнее - идеологии. Социал-демократические теоретики добивались отмены уголовного преследования однополую любви, упирая на то, что гомосексуалы - жертвы ошибки природы. Аристократы-эстеты, напротив, доказывали ее возвышенно-духовный характер, требуя не снисхождения к ней, а преклонения. Агрессивные же милитаристы, одинаково отвергая как медикализацию, и интеллектуализацию гомоэроса, провозглашали его воплощением мужской силы и мужества. Соответственно различались и образы "истинного гомосексуала". У одних это был женственный андрогин, у других - изящный юноша-эфф, у третьих - сильный и грубый мужчина-воин.

Первая позиция была представлена Хиршфельдом. Основанный им в мае 1897 г. Научно-гуманитарный Комитет составил специальную петицию за отмену дискриминационного 175 параграфа имперского уголовного кодекса, которую подписали, в числе многих других выдающихся деятелей немецкой культуры, Август Бебель, Карл Каутский, Альберт Эйнштейн, Мартин Бубер, Карл Ясперс, Альфред Деблин, Герхард Гауптман, Герман Гессе, Томас и Генрих Манн, Райнер Мария Рильке, Стефан Цвейг.

В отличие от Хиршфельда, Адольф Бранд, издатель первого в мире гомосексуального журнала "Особенный" (Der Eigene), выходившего с 1896 по 1931 г., не просил о снисхождении, а доказывал, что мужская дружба-любовь - самое благородное и высшее человеческое чувство, воплощающее лучшие традиции древних немецких мужских

союзов. В 1920-х годах нападки на Хиршфельда в "Особенном" стали откровенно расистскими и антисемитскими, прямо смыкаясь с фашистскими.

Культ мужской дружбы и "педагогического эроса" получил широкое распространение среди лидеров и идеологов немецкого молодежного движения. Некоторые руководители так называемых "Перелетных птиц" (Wandervogel) не скрывали своего гомозротизма. Обращаясь к родителям своих воспитанников, Вильгельм Янсен писал: "Вы должны привыкнуть к тому, что в ваших рядах есть так называемые гомосексуалы, лишь бы только их поведение по отношению к вашим сыновьям оставалось безупречным". Но туристские походы, культ наготы и совместная жизнь в палатках облегчали не только духовное, но и сексуальное общение вожатых с воспитанниками, периодически вызывая скандальные разоблачения, имевшие, как правило, политическую подоплеку.

Не без влияния фрейдизма, психологией гомосексуальности заинтересовались крупнейшие немецкие прозаики. В повести Роберта Музиля "Смятение воспитанника Терлеса" (1906) рассказывается, как в закрытой мужской школе двое мальчиков раздевают догола и подвергают сексуальным унижениям слабого и женственного Базини. У юного героя повести, оказавшегося невольным свидетелем этой сцены, она сначала вызвала отвращение, но потом он сам почувствовал влечение к Базини и преодолел соблазн лишь усилием воли. Стефан Цвейг в новелле "Смятение чувств" (1927) сочувственно описал, сквозь призму восприятия молодого студента, трагедию талантливого университетского профессора, который не может преодолеть своих гомосексуальных влечений, несовместимых с его моральным Я. Вопрос о соотношении двух видов любви и о природе эмоциональных привязанностей между мужчинами обсуждается в романах Германа Гессе "Демиян" (1919) и "Нарцисс и Гольдмунд" (1930)

Важный вклад в понимание природы однополой любви внес один из величайших писателей XX века Томас Манн (1875-1955). Счастливо женатый мужчина и отец шестерых детей, он считался "сексуально благонадежным" и его интерес к данной теме казался чисто интеллектуальным. Но когда была опубликована его огромная переписка и дневники (большую часть их писатель сжег), оказалось, что эта заинтересованность была также и личной.

Первой любовью 14-летнего Томаса был его любекский одноклассник, голубоглазый блондин Арним Мартенс. "... Его я любил - он был в самом деле моей первой любовью, и более нежной, более блаженно-мучительной любви мне никогда больше не выпадало на долю. Такое не забывается, даже если с тех пор пройдет 70 содержательных лет. Пусть это прозвучит смешно, но память об этой страсти невинности я храню как сокровище. Вполне понятно, что он не знал, что ему делать с моей увлеченностью, в которой я как-то в один "великий" день признался ему... Так эта увлеченность и умерла... Но я поставил ему памятник в "Тонио Крегере"...

В 1899 - 1904 годах Манн пережил своей первый и единственный "взрослый" мужской роман с художником Паулем Эренбергом, на год моложе писателя. Любовь была взаимной. Но отношения с Эренбергом были сложными. Помимо разницы характеров, Манн не мог принять однополую любовь за единственно для себя возможную, он хотел иметь семью, детей, нормальную жизнь. После женитьбы в 1905 г. на Кате Принсгейм, отношения с Эренбергом прекратились. В человеческом отношении брак был счастливым, писатель глубоко уважал и любил свою красавицу-жену. Но это не избавляло его от увлечений иного рода.

В 1911 году, отдыхая с женой в Венеции, писатель был очарован красотой 10-летнего поляка барона Владислава Моеса. Манн ни разу не заговорил с мальчиком, но описал его, прибавив для приличия четыре года, под именем Тадзио в повести "Смерть в Венеции" (1913). Когда десять лет спустя Моес прочитал повесть, он удивился, как точно писатель описал его летний полотняный костюм. Мальчик тоже хорошо запомнил "старого господина", который смотрел на него, куда бы он ни пошел, и его напряженный взгляд,

когда они поднимались в лифте; он даже сказал своей гувернантке, что он нравится этому господину.

Летом 1927 г. 52-летний писатель влюбился в 17-летнего Клауса Хойзера, сына своего друга, дюссельдорфского профессора-искусствоведа. Мальчик ответил взаимностью и долгое время гостил у Маннов в Мюнхене. Хотя между ними не могло быть сексуальной близости в сегодняшнем понимании, писатель был счастлив. Несколько лет спустя он писал: "это была моя последняя и самая счастливая страсть". 20 февраля 1942 г. писатель снова возвращается в дневнике к этим воспоминаниям: "Ну да - я любил и был любим. Черные глаза, пролитые ради меня слезы, любимые губы, которые я целовал,- все это было, и умирая, я смогу сказать себе: я тоже пережил это".

80-летний Гете испытывал страсть к 17-летней Ульрике фон Левецов, а 75-летнего Манна по-прежнему волнует юношеское тело. В курортном парке он любит силу и грацией молодого аргентинского теннисиста: "Подпрыгивающее беспокойство тела во время бездействия на скамейке, поочередное скрещение ног, закидывание ноги на ногу, соединение обутых в белые туфли ступней... Белая рубашка, шорты, свитер на плечах после занятий... Колени. Он потирает ногу, как простой смертный". Но очарование юности лишь подчеркивает бессилие старости. "Я близок к тому, чтобы пожелать смерти, потому что не могу больше выносить страсть к "божественному мальчику" (я не имею в виду конкретно этого мальчика)". Последней безответной страстью 75-летнего писателя был 19-летний баварский кельнер Франц Вестермайер. "Засыпаю, думая о любимом, и просыпаюсь с мыслью о нем. "Мы все еще болеем любовью". Даже в 75. Еще раз, еще раз!" "Как замечательно было бы спать с ним...". Этой мечте Томаса Манна не суждено сбыться, но он превратит кельнера Франца в очаровательного авантюриста Феликса Круля.

Гомоэротические увлечения Томаса Манна были несовместимы с его нравственными воззрениями. В его произведениях однополая любовь всегда приносит страдания и остается не востребованной. Гомоэротизм Тонио Крегера - знак его посторонности, неспособности органически войти в обыденный мир, он реализует себя только в искусстве.

Та же коллизия - в "Смерти в Венеции", которая, по словам автора, "не что иное, как "Тонио Крегер", рассказанный еще раз на более высокой возрастной ступени" Знаменитый писатель Густав Ашенбах всю жизнь строго контролировал свои чувства, но оказавшись после болезни на отдыхе в Венеции, он невольно расслабился, поддавшись очарованию 14-летнего Тадзио. Ашенбах, как и его прообраз, не посмел ни подойти, ни заговорить с мальчиком, но он "знал каждую линию, каждый поворот этого прекрасного, ничем не стесненного тела, всякий раз наново приветствовал он уже знакомую черту красоты, и не было конца его восхищению, радостной взволнованности чувств... Одурманенный и сбитый с толку, он знал только одно, только одного и хотел: неотступно преследовать того, кто зажег его кровь, мечтать о нем, и когда его не было вблизи, по обычаю всех любящих нашептывал нежные слова его тени". Одинокая немая страсть разрушает упорядоченный внутренний мир и стиль жизни писателя. Ашенбах не может работать, старается выглядеть моложе, унижает себя использованием косметики и в конечном итоге заболевает и умирает, глядя на играющего вдали Тадзио.

Вся жизнь Германии 1920 - начала 30-х годов протекала под знаком фашистской угрозы. Как политически вели себя немецкие гомосексуалы и как относились к ним левые партии, претендовавшие на роль альтернативы фашизму?

В отличие от анархистов, признававших полную сексуальную свободу, идейное наследие социалистов в этом вопросе было пестрым. Фурье исповедовал принцип полной терпимости, призывая построить "новый любовный мир", где ничто, включая однополую любовь, не запрещается и не подавляется. Зато марксизм был крайне консервативен. Из принципа подчинения личного общественному вытекало требование беречь "сексуальную энергию" и проповедь сублимации всего, что кажется антиобщественным.

Основоположники марксизма не видели в однополой любви ни революционного потенциала, ни гуманитарной проблемы и охотно использовали соответствующие обвинения против своих политических противников.

Этот взгляд унаследовали и германские социал - демократы. Хотя Бебель подписал хиршфельдовскую петицию и стал в 1898 г. первым политиком, выступившим в Рейхстаге с речью за отмену дискриминационной 175 статьи, отношение социалистов и коммунистов к однополой любви всегда оставалось враждебным. Лицемерно-пропагандистская, ради приобретения респектабельности у средних слоев, защита семьи и "моральной чистоты", переплеталась с искренним "классовым" возмущением гедонизмом и эстетизмом. Некоторые социалистические теоретики (Вильгельм Райх) считали гомосексуальность имманентно правым, националистическим и специфически фашистским извращением. Сходные идеи исповедовала и влиятельная Франкфуртская школа (Эрих Фромм, Теодор Адорно), пытавшаяся соединить марксизм с психоанализом. По теории Адорно, типичная авторитарная личность, составляющая социально-психологическую базу фашизма, - садомазохистский гомосексуал, испытывающий потребность в том, чтобы беспрекословно подчиняться вождю. Эта концепция оказала влияние и на левое искусство (фильмы Лукино Висконти "Сумерки богов" (1969) и Бернардо Бертолуччи "Конформист" (1971, по одноименному роману Альберто Моравиа).

На самом деле немецкие гомосексуалы никогда не были идеологически едины. Некоторым из них действительно импонировал фашистский культ мужественности, дисциплины и силы, они голосовали за нацистов и охотно шли в штурмовые отряды как воплощение "истинного мужского сообщества". Но их общий удельный вес среди штурмовиков был невелик. Тоталитаризм всегда предпочитает настоящих "мачо" тем, кто только притворяется таковыми.

Нацистская партия с самого начала относилась к однополой любви враждебно, отождествляя ее с еврейством, женственностью и "моральным вырождением". В программной декларации нацистов во время избирательной кампании 1928 говорилось: "Те, кто допускает любовь между мужчинами или между женщинами - наши враги, потому что такое поведение ослабляет нацию и лишает ее мужества". Гитлер, разумеется, знал о гомосексуальности предводителя штурмовиков Эрнста Рема, но пока тот был нужен, Гитлер защищал его от нападок антифашистской прессы, говоря "Его частная жизнь меня не интересует". Когда же мавр сделал свое дело, гомосексуальность стала удобным предлогом для его физического устранения, что и было сделано 30 июня 1934 г.

После "ночи длинных ножей" в Германии начались массовые репрессии против гомосексуалов. Уже в декабре 1934 г. Министерство юстиции выпустило директивы, сделавшие наказуемыми не только поступки, но и намерения. В гестапо существовал особый отдел по борьбе с гомосексуальностью. По указу 1935 г. совместное купание голышом людей одного пола было приравнено к попытке гомосексуального контакта. Позже суды считали достаточным основанием для обвинения даже "похотливый взгляд". Заодно с гомосексуальностью, фашисты запретили издавна популярный в Германии нудизм. Преследования были избирательными. Гомосексуальность Бальдура фон Шираха не помешала ему быть руководителем Гитлерюгенда. Видные актеры и художники могли быть арестованы только с личного согласия Гиммлера. Однако в целом, это был настоящий геноцид. Общее число осужденных по параграфу 175 с 1933 по 1944 год составило, по разным подсчетам, от 50 до 63 тысяч человек, из них 4 тысячи несовершеннолетних. В концентрационных лагерях, где гомосексуалы должны были носить на одежде в качестве опознавательного знака розовый треугольник, погибли от 5 до 15 тысяч мужчин. В тюрьмах и лагерях с ними обращались с особой жестокостью, использовали для вредных медицинских экспериментов и т.д.

Выход из подполья

Мы заинтересованы в получении прав
для наших общин как негры, как евреи и

как гомосексуалы. Почему мы являемся неграми, евреями или гомосексуалами, совершенно безразлично, и можем ли мы стать белыми, христианами или гетеросексуалами, также не имеет значения.

Фрэнклин Кэмни

К середине XX века гомосексуалы были одним из самых бесправных социальных меньшинств, подвергавшимся наибольшему и разнообразному угнетению и дискриминации. Чтобы стать полноценными людьми, они должны были добиться отмены уголовного преследования гомосексуальных отношений по добровольному согласию между взрослыми, выровнять минимальный легальный "возраст согласия" для гомо- и гетеросексуальных отношений, упразднить множество специфических запретов (например, служить в армии или преподавать в школе), добиться права юридически оформлять однополые сожителства и т.д. Сделать это можно было только совместными усилиями всех демократических сил. Этому способствовал ряд причин общего порядка: демократизация и плюрализация общественной жизни; рост освободительных движений - развал колониальной системы, борьба за равноправие социальных меньшинств, освободительное движение черного населения США и т.д.; женская революция, борьба за реальное равноправие женщин; внедрение в массовое сознание идеи прав человека, стоящих выше интересов государства; молодежная студенческая революция конца 1960-х годов; сексуальная революция, изменение общего отношения к сексуальности.

В Англии важным шагом в декриминализации гомосексуальности был так называемый Доклад Волфендена (1957), названный по имени председателя специального правительственного комитета сэра Джона Волфендена, который большинством 12 голосов против 1 рекомендовал отменить существовавшее с 1533 года уголовное наказание за добровольные и совершаемые в приватной обстановке гомосексуальные акты между взрослыми мужчинами (старше 21 года) и также, вопреки мнению почти всех опрошенных психиатров и психоаналитиков, признал, что гомосексуальность не может по закону считаться болезнью. После долгих споров и проволочек, летом 1967 года британский парламент выполнил эту рекомендацию. В 1994 г. легальный возраст согласия для гомосексуальных отношений был снижен до 18 лет; в 1998 г его хотели снизить до 16 лет, но воспротивилась Палата Лордов. Примеру Англии последовали Канада и другие англоязычные страны. Из уголовного кодекса Германии упоминание гомосексуальности (знаменитый 175 параграф) исчезло в 1969 г., Испании - в 1978, Болгарии - в 1975 и т.д. В США либерализация законодательства началась в 1961 г., но в некоторых штатах анальные и оральные контакты, однополые или для обоих полов, до сих пор остаются формально противозаконными, хотя полиция давно уже не возбуждает таких дел. По данным Международной Ассоциации лесбиянок и геев (ИЛГА) на 1997 год, однополый секс полностью легален в 108 странах (из 210), в 83 странах, в основном Азии и Африки, преследуется мужская, а в 44 - также и женская гомосексуальность (по 19 странам нет данных). Хотя до полного гражданского равноправия геев и лесбиянок еще далеко - даже в странах Европейского Сообщества, где этот вопрос находится под постоянным контролем Европарламента, дискриминация по принципу сексуальной ориентации остается серьезной проблемой - это большое историческое достижение.

Важную роль в изменении образа однополых любви в общественном сознании сыграли литература и искусство. Многие годы однополую любовь вообще нельзя было изображать. Потом появились карикатурные образы смешных, жалких и вместе с тем агрессивных людей, самим фактом своего существования подрывающих нравственные устои общества. Затем их сменили печальные образы несчастных жертв природной или социальной несправедливости. Гетеросексуальному большинству этого было достаточно,

но геи и лесбиянки нуждались в положительных образцах. Каковы критерии этой "положительности"? Психическое благополучие, успешная карьера, размеренный быт и умеренный секс, соответствующие нормам буржуазно-религиозной морали? А если художнику и его героям в этом мире тесно и скучно? Наиболее социально и художественно значимыми оказывались произведения, авторы которых никому не старались понравиться, предпочитая жить по своим собственным законам и тем самым разрушая стереотипы массового сознания.

Поучителен пример французского писателя Жана Жене (1910 - 1986). Никому не нужный подкидыш, Жан с раннего детства стал преступником, вором и гомосексуалом, не испытывая по этому поводу ни малейших угрызений совести. В отличие от своих предшественников, Жене не оправдывает свою гомосексуальность и не психоанализирует ее, а свободно живет в ней. По словам его биографа Эдмунда Уайта, "как всякий другой гомосексуал до начала геевского освободительного движения, Жене мог выбирать только между тремя метафорами гомосексуальности - болезни, преступления или порока. Почти все остальные писатели-гомосексуалы выбирали своим эталоном болезнь, потому что она взывала к состраданию гетеросексуального читателя. Жене выбрал два других образца - порок и преступление, и это оказалось более вызывающей и гордой позицией. Жене хочет испугать или соблазнить своего гетеросексуального читателя, а не просить у него прощения". Жене - писатель не для всех, да и те, кому он нравится, вряд ли сочтут его подходящим примером для подражания. Но прочитав его, вы уже не сможете отмахнуться от поставленных им вопросов.

За литературой последовало кино. В 1960-х и особенно 1970-х годах возникает полуподпольная "голубая" кинематография, со своими собственными режиссерами ((Энди Уорхол, Пол Морисси) и звездами (Джо Даллесандро), показывающая геевскую жизнь изнутри, нарочито вызывающе и грубо, на грани порнографии. Одновременно, начиная с фильма Уильяма Фридкина "Мальчики в оркестре" (1970), по пьесе Марта Кроули, построенной как серия грустных исповедей, однополая любовь стала постоянной темой коммерческого кино. Стереотипность этих образов - "покажите мне счастливого гомосексуала, и я покажу вам веселый труп!" - вызывала бурные протесты гей-активистов, но эти фильмы помогали людям ощутить человеческие измерения однополый любви. Веское слово сказали и кинематографические классики, для которых гомосексуальность была личной проблемой, - Лукино Висконти (1906-1976), Пьер Паоло Пазолини (1922-1975), Райнер Вернер Фасбиндер (1946-1982) Дерек Джармен (1942-1994) и другие.

Художественные образы гомосексуалов были разными, часто политически и нравственно несовместимыми. Но именно их многообразие создавало эффект объемности. Это не был, как раньше, призыв "Пожалейте нас!" или "Полюбите нас!", а требование "Примите нас такими, каковы мы есть! Мы такие же разные, как вы!".

Одна культура, сама по себе, не может изменить общество. Освободительное движение геев и лесбиянок с самого начала включало в себя несколько разных течений. Во-первых, это было движение за сексуальную свободу, терпимость и признание своего права быть другими. Во-вторых, политическое движение за осознание себя как социального меньшинства, за равноправие и гражданские права. В-третьих, это идейное движение, выдвигающее определенные принципы организации общества и социально-нравственные ценности. В-четвертых, это особая субкультура, стиль жизни, язык, формы общения, искусство и многое другое.

Хотя движение было интернациональным, особенно широкий размах оно приобрело в США, самой богатой, но и самой культурно разнородной стране западного мира, в которой старые традиции борьбы за права культурных и религиозных меньшинств сталкивались с характерной для протестантского фундаментализма нетерпимостью. До Второй мировой войны американские геи и лесбиянки были разобщены и бессильны против полицейских репрессий и консервативного общественного мнения. В армии они увидели, что на самом деле их гораздо больше, чем было принято думать, и данные Кинзи

это подтвердили, а послевоенная миграция в большие города облегчила им нахождение себе подобных.

Поскольку США - нация иммигрантов, любое этническое, религиозное или культурное меньшинство стремилось прежде всего создать собственную экологическую нишу, в виде более или менее компактного территориального сообщества или общины (слово community обозначает и то, и другое) себе подобных. Не были исключением и геи. Как только они становились видимыми и слышимыми, они сразу же создавали на месте прежних гетто своеобразные общины, где все были свои - и доктор, и юрист, и мебельщик, и архитектор, и портной, и парикмахер, и оптик, короче, вся сфера обслуживания. Это облегчало общение и усиливало чувство социальной общности.

Послевоенная Америка стала ареной нескольких мощных демократических движений - борьбы за гражданское равноправие черных, женского движения, движения против войны во Вьетнаме и молодежного, студенческого движения. Это не могло не поставить перед американскими геями и лесбиянками вопрос: а чем мы хуже, почему мы должны мириться с гнетом, против которого восстают другие? С самого начала движение имело два крыла - либеральное, ориентированное преимущественно на интеграцию и ассимиляцию геев и лесбиянок в обществе путем уравнивания в правах с представителями гетеросексуального большинства, и леворадикальное, добивающееся революционного разрушения всей системы половой стратификации и поддерживающих ее институтов.

Первая американская гомофильская организация "Общество Маттачин" была основана в Лос Анджелесе в 1950-51 г. Ее основатель Гарри Хэй пытался сочетать классовую борьбу за освобождение трудящихся с борьбой за сексуальное освобождение. Однако многие члены Общества не разделяли его марксистских идей. В конце 1953 года в Обществе Маттачин возобладали умеренные, либеральные силы. Было заявлено, что Общество "безоговорочно поддерживает все Американские ценности" и добивается только ассимиляции и интеграции гомосексуалов в существующее общество. Эта переориентация сделала Общество более уважаемым в глазах среднего класса, зато лишила его массовой основы. Второй гомофильской организацией был основанный в январе 1953 г. журнал ONE ("Единое") (название происходит от слов Томаса Карлейла "Мистическая братская связь делает всех мужчин единым целым"), на базе которого в 1956 г. был создан первый в США гомофильский научно-педагогический центр - ONE Institute of Homophile Studies, существующий до наших дней.

Хотя формально Общество Маттачин представляло всех гомосексуалов, независимо от пола, фактически в нем преобладали мужчины, женское представительство было скорее номинальным. В 1955 г. четыре пары лесбиянок, во главе с Дель Мартин и Филлис Лайон, основали в Сан Франциско первую американскую лесбийскую организацию - Дочери Билитис (название подсказано "Песнями Билитис" Пьера Луи). Политические взгляды этих женщин были довольно умеренными, они хотели прежде всего помочь лесбиянкам выйти из изоляции, справедливо считая, что мужские организации недостаточно отражают женские проблемы и интересы. "Дочери Билитис" были элитарной организацией женщин среднего класса. Чтобы стать уважаемыми, они требовали от своих членов умеренности и благопристойности в поведении и одежде.

Несмотря на маккартистские гонения, а отчасти даже благодаря им, гомосексуальность стала в 1950-х и начале 1960- годов значительно более видимой и слышимой. Книги о однополой любви, которые первоначально печатались полуподпольно, быстро приобрели популярность, а некоторые из них, такие как "Город и столб" Гора Видала, "Другие голоса, другие комнаты" Трумена Капоте, "Комната Джованни" Джеймса Болдуина, "Голый завтрак" Уильяма Берроуза, стали классическими.

Под влиянием общего подъема демократического движения в США в 1960-х годах геевское движение радикализировалось. Его новый лидер Франклин Кэмени утверждал, что нужно не просить снисхождения, а добиваться гражданских прав в союзе с остальными демократическими силами. Негритянские организации не волнуют, какой

именно ген определяет темноту кожи и как можно ее выбелить. Еврейские организации не заинтересованы в искоренение антисемитизма путем крещения евреев. То же самое должны делать и гомосексуалы. Эта радикальная установка вызвала раскол в гомофильском движении. Старые либеральные лидеры, старавшиеся убедить гетеросексуальное большинство в своей безобидности, отселились, а новые лидеры и организации стали апеллировать к прямым массовым действиям - митингам, бойкотам, демонстрациям протеста, не боясь столкновений с полицией и судебными властями. В 1968 г. Североамериканская конференция гомофильских организаций официально приняла лозунг "Гей - это хорошо", по образцу негритянского лозунга "Черный - это красиво". В больших городах, как Сан Франциско и Нью-Йорк, политическое движение смыкается с популярными среди молодежи течениями хиппи и битников, что придает ему больший размах.

Символическим рубежом перехода от либерального гомофильского движения к освободительному движению геев и лесбиянок стали события 27-30 июня 1969 г. в Нью-Йорке, получившие название Стоунволлского восстания. Внешняя канва их достаточно буднична. Нью-Йоркская полиция нравов, проводя рутинный рейд в гомосексуальном баре Стоунволл Инн на Кристофер стрит, в центре гомосексуального Нью-Йорка, попыталась арестовать его владельцев за незаконную продажу алкоголя. Такие рейды проводились регулярно в течение многих лет и грубость полиции всегда воспринималась как должное. На сей раз момент был выбран неудачно. Наэлектризованная обстановкой в городе, в частности, недавними студенческими волнениями в Колумбийском университете, посетители бара стихийно отказались покинуть помещение, вооружились камнями и бутылками и начали бунт против полиции, вынудив ее отступить. Приехавшие на помощь полицейские машины были подожжены. Началась продолжавшаяся три дня битва, в которой 400 полицейских противостояла двухтысячная толпа, кричавшая "Спасем наших сестер!" и "Власть геям!".

Этот стихийный бунт, подготовленный десятилетиями гнета и унижения, показал геям, что они могут успешно противостоять полиции, но для этого нужна организация. Сразу же после Стоунволла в Нью-Йорке был создан радикальный Геевский Освободительный Фронт (Gay Liberation Front - GLF) а затем еще несколько политических организаций. Американский пример нашел живой отклик в Европе. Вслед за многочисленными национальными организациями, в августе 1978 года на съезде в Ковентри была создана Международная Ассоциация лесбиянок и геев (International Lesbian and Gay Association - ILGA), под лозунгом "Работать для освобождения женщин-лесбиянок и мужчин-геев от правовой, социальной, культурной и экономической дискриминации". В настоящее время ИЛГА имеет больше 200 ассоциированных коллективных членов.

Новое социальное движение создало официальную систему символов. Розовый треугольник напоминает о знаке, который заключенные-гомосексуалы должны были носить в гитлеровских концлагерях (российские представления, что розовый цвет обозначает лесбиянок, а голубой - геев, не лишены остроумия, но исторически неверны). Второй символ - ламбда, одиннадцатая буква греческого алфавита, появился в США в 1970 и был официально принят Международным конгрессом в защиту прав геев в Эдинбурге в 1974 г. Третий символ, многоцветный полосатый флаг-радуга, символизирующий многоцветье движения и одновременно - намек на библейское обещание, что всемирного потопа больше не будет, появился в Сан Франциско в 1978.

Геевское движение никогда не было чисто политическим. В первой половине XX века началось глобальное переосмысление понятий интимности, любви и секса и выведение их за рамки брачно-семейных и репродуктивных отношений. Сексуальная революция 1960-х годов довела этот процесс до логического конца, провозгласив полное раскрепощение эроса и представив сексуальность как автономную и привилегированную сферу ничем неограниченного удовольствия. В силу своей нерепродуктивности, маргинальности и

несвязанности с браком, мужская гомосексуальность как нельзя лучше вписывалась в этот контекст.

До начала эпидемии СПИДа почти вся гомосексуальная субкультура в больших городах строилась главным образом на основе секса, развлечений и наркотиков. Богемная среда притупляла чувство ответственности за других и заботу о собственной безопасности. Битники и хиппи 1950-60-х годов проповедовали культ спонтанности, непосредственности и отсутствия каких бы то ни было запретов и самоограничений. Главными ценностями и символами этой контркультуры стали секс и наркотики. Гедонистический и экспериментальный гомозротизм чувствовал себя в этой среде, как рыба в воде. Не случайно из трех главных культовых фигур "битовского поколения" двое (Уильям Берроуз и Аллен Гинзберг) были геями, а третий, Джек Керуак, бисексуалом. Помимо общего богемного духа, геям импонировал характерный для битников культ молодости и абсолютизация возрастных различий - "эйджизм" (ageism), воплощенный в знаменитом студенческом лозунге: "Не доверяй никому старше тридцати лет".

Стиль жизни гомосексуальной богемы 1950-х -1970-х годов был, мягко говоря, нездоровым. Яркое описание геевского Нью-Йорка, где за сексуальной неразборчивостью и наркоманией скрывалось безнадежное одиночество, дал Ларри Крамер в романе "Томики" (1978). Герой Крамера "потратил целый год (не считая всех предыдущих) с безликой группой сексуальных объектов". В его записной книжке - десятки имен, о носителях которых он ничего не помнит. "Как он мог не помнить? Как он мог заниматься любовью с другим человеческим существом и не помнить? Лицо? Тело? Что-нибудь? Хоть что-то? Бородавку? Запах?". "Из 2.639.857 гомиков большого Нью-Йорка, 2.639.857 думают главным образом своими пенисами". "Я устал использовать свое тело как безликую вещь для соблазнения другой безликой вещи, я хочу любить Лицо! Я хочу выйти и жить в том мире с тем Лицом, которое любит меня, чтобы верность была не обязанностью, а потребностью..."

Разумеется, не все геи вели себя, как персонажи Крамера. Даже в Сан-Франциско от одной трети до половины геев поддерживали более или менее стабильные парные отношения, многие пары жили вместе и т.д. В провинции нравы были и вовсе патриархальными. Но люди судили прежде всего по мегаполисам, делая образ однополый любви одновременно соблазнительным и отталкивающим. Вся геевская пресса обрушилась на Крамера за то, что он вынес сор из избы и представил отрицательный, карикатурный и стереотипный образ гея, который могут использовать враги. Но начавшаяся в 1981 г. эпидемия СПИДа показала, что он был прав.

Эпидемия СПИДа, обернувшаяся катастрофой для наиболее многочисленных геевских сообществ и особенно для их художественно-артистической элиты, резко изменила социальную и психологическую ситуацию. Экстенсивный анальный секс с многочисленными сменяющимися партнерами, при отсутствии каких бы то ни было мер предосторожности, сам по себе эпидемиологически опасен. Опасность заражения усугублялась наркоманией и использованием общих шприцев, а постоянное употребление наркотиков и других лекарственных веществ еще больше ослабляло иммунную систему организма. Кроме того, эти люди общались и занимались сексом в сравнительно замкнутой среде, многократно повторно инфицируя друг друга. Удивляться приходилось не тому, что кто-то заболел, а тому, что кто-то остался в стороне.

СПИД был таким же несчастьем для общества, как другие природные катастрофы, вроде наводнений, лесных пожаров и землетрясений. Однако прочие болезни и стихийные бедствия выглядели "естественными", а их жертвы вызвали сочувствие. СПИД же казался наказанием за грехи, а его жертвы - не столько страдальцами, сколько виновниками общей беды. Этим немедленно воспользовались консервативные круги. Рейгановская администрация не только долгое время скрывала данные об эпидемии, но и не выделяла на борьбу с ней достаточных средств. К тому же, в отличие от других естественных катастроф, ВИЧ эпидемия не имела четкой географической,

пространственной локализации и была рассредоточена во времени - последствия инфицирования проявляются иногда через длительное время. Обществу, - не только геям, а всему обществу! - нужно было научиться не только бороться со СПИДом, защищая тех, кто еще не заразился, но и жить с ним. Это касалось не только ВИЧ-инфицированных, их близких и родственников, но буквально всех людей. Осознание этого потребовало от западных обществ длительного времени, в России этого и сегодня не понимают.

Труднее всего пришлось самим геям. Из первых 500.000 американцев, официально зарегистрированных в качестве ВИЧ инфицированных (реальные цифры, по подсчетам специалистов, колеблются от 870.000 до 1.200.000 человек), к концу 1995 года свыше половины составляли мужчины, имевшие секс с мужчинами, 60% из них уже умерли. Жертвами страшной болезни стали многие всемирно известные люди, такие как Джармен, Нуреев, Фуко, Меркьюри, во многих случаях только СПИД сделал публично известной их сексуальную ориентацию. Нередко инфицированный человек оставался в полном одиночестве. Как сказал английский писатель Дэвид Риз, для его молодого партнера, "я был уже не любовником, отцом, учителем, другом и спутником по путешествиям, а только гигантским вирусом ВИЧ".

Человеческие и моральные потери не могли заставить геев отказаться от своей сексуальной ориентации, но побудили их существенно изменить свою идеологию и стиль жизни. Резко снизилась распространенность анальных контактов без предохранения, а также анилингуса и фистинга; возросло применение презервативов; оральные контакты стали чаще практиковать без заглатывания спермы; заметно уменьшилось среднее число сексуальных партнеров. Геи стали больше заботиться о здоровье, среди них заметно снизилось пьянство и потребление наркотиков. Однако эти положительные сдвиги распространены неравномерно. Вне центров эпидемии люди попрежнему ведут себя безответственно. Особенно тревожно положение дел с беззаботной молодежью; по данным первого в США национального опроса молодых геев и бисексуалов в 1995 г., 7% из них уже заражены ВИЧем.

СПИД породил у геев много психологических и психосексуальных проблем. Выросла сексуальная тревожность, трудности с эрекцией и эякуляцией, у некоторых страх заражения вызвал снижение сексуального интереса, даже отвращение к сексу. Люди стали выше ценить эмоциональные привязанности, самоконтроль, психологическую интимность, мораль и верность. Столь же раскованный, сколь и рискованный, "радикальный " секс утратил обаяние и стал подвергаться критике. Резко повысилась ценность стабильных партнерских отношений и моногамии, а также духовных факторов жизни, включая религию, особенно там, где церковь терпимо относится к гомосексуальности.

Изменились и геевские общины. Если раньше их деятельность строилась в основном вокруг секса, развлечений и борьбы за гражданские права, то сейчас в их работе центральное место занимает помощь ВИЧ-инфицированным и пропаганда безопасного секса. Сегодня во всех цивилизованных странах государственные учреждения по профилактике СПИДа работают в тесном контакте с геевскими общинами, как на национальном, так и на местном уровне. Это во многом меняет и характер геевского движения, делая его более конструктивным.

Вместе с тем неадекватность борьбы со СПИДом, особенно в США вызвала новую волну левого радикализма и возвращение к тактике конфронтации. Зараженным смертельной болезнью людям некогда ждать и нечего терять. В 1988 г. в Нью-Йорке была создана организация АСТ-UP (AIDS Coalition to Unleash Power), требовавшая ускорения проверки и внедрения новых медикаментов, анонимного тестирования на ВИЧ и участия самих ВИЧ-инфицированных в выработке соответствующей социальной политики. В 1990 г. воинствующие лидеры АСТ -UP создали новую, откровенно анархическую организацию прямого действия - Queer Nation, которая действовала путем уличных манифестаций,

блокирования транспорта, нападений на реакционных политиков и разоблачения ("вытаскивания" - Outing) их собственной скрытой гомосексуальности.

Многие действия этой группы - своего рода политический хэппенинг, шокирующий посторонних своей гротескностью, когда трудно понять, что делается всерьез, а что в шутку. Например, статья "Трепещи, гетеросексуальная свинья!" призывает уничтожить институт семьи, содомизировать всех мальчиков, а в будущем выращивать детей только в пробирках. Благонамеренные обыватели и консервативные политики принимают это за серьезную угрозу, а над ними просто смеются, пародируя их собственные иррациональные страхи. Впрочем, были и вполне реальные нападения на непопулярных чиновников. Экстремистская тактика не могла дать практических результатов, и в 1992 г. "Квир-нация" распалась. Тем не менее она наложила заметный отпечаток на идеологию лесбигеевского движения.

В отличие от недавнего прошлого, геи и лесбиянки представляют собой значительную социальную силу. Во всех демократических странах они имеют свои политические и культурные организации, энергично добиваются признания и защиты своих гражданских прав. Открытые геи и лесбиянки есть среди депутатов многих парламентов, некоторые занимают министерские посты. В ежегодных гей-прайдах (gay pride) - парадах геевской гордости участвуют десятки и сотни тысяч людей. Постороннего человека вид полуголых и вызывающе одетых мужчин и женщин - всеобщее внимание привлекают экзотические панки, садомазохисты (в Амстердаме здоровенных мужиков, изображавших приступы свирепости, возили по городу в клетках), переодетые в женское платье "королевы" и мужеподобные лесбиянки с выбритыми наголо головами - может шокировать. На самом деле это всего лишь карнавал, в котором грубоватое веселье и юмор сочетаются с политической пропагандой и сбором пожертвований на нужды своей общины. За исключением нарушения некоторых правил приличия, ничего скандального или буйного на этих демонстрациях не происходит. Сплошь и рядом их официально приветствуют высокие должностные лица, собственная сексуальная ориентация коих вполне традиционна.

Крупные геевские общины имеют собственные общинные центры. В Лос Анджелесе такой центр, размещенный в красивом четырехэтажном здании, ежемесячно принимает свыше 13.000 посетителей, оказывая им разнообразную профессиональную помощь. Предмет особой гордости общины - Молодежный Центр, где находят помощь и пристанище "голубые" подростки из бедных семей, которым больше некому помочь.

Тем не менее преувеличивать силу и сплоченность лесбигеевского движения не следует. В 1995 общий годовой бюджет трех главных геевских организаций США был меньше, чем бюджет одной только ультраправой Христианской коалиции. Количество геев и лесбиянок, реально участвующих в деятельности соответствующих организаций, неизмеримо меньше, чем участников гей-прайдов или маршей протеста. К тому же геевские организации разобщены и не особенно склонны к сотрудничеству друг с другом. Несмотря на бесконечные разговоры о единой "гей-идентичности", геи и лесбиянки чрезвычайно различны по всем социально значимым параметрам.

Прежде всего, это половые различия. Геев и лесбиянок объединяет главным образом наличие общего врага. Все остальное и прежде всего - эротика у них разное. Воинствующие лесбиянки постоянно обвиняют геев в недооценке женской специфики, увлечении коммерческим сексом и порнографией, некоторые даже ратуют за полное отделение лесбиянских организаций от геевских.

Второй водораздел - возрастно-поколенный. Молодые люди, выросшие в свободных условиях, имеют совершенно другой социальный и сексуальный опыт, чем представители старших поколений, история их мало интересует. Хотя ветераны движения пытаются уменьшить разрыв поколений, молодые люди часто воспринимают их рассказы так же, как советские студенты воспринимали встречи с ветеранами КПСС, - почтительно-

равнодушно, а то и иронически. С ослаблением гнета слабеет и революционный энтузиазм.

Немало трудностей вызывает определение границ сексуальной идентичности. Пока речь шла только о союзе геев и лесбиянок, круг участников коалиции был более или менее ограничен. В последние годы, по соображениям политического порядка, ее дополнили бисексуалами и трансгендерниками. Но чем шире коалиция, тем она разнороднее. Некоторые радикальные геи и лесбиянки хотели бы максимально дистанцироваться от "натурального" большинства. Для бисексуалов это принципиально неприемлемо, они считают грани между сексуальными предпочтениями подвижными. Многие политически активные лесбиянки видят в бисексуальности угрозу "размывания" собственной идентичности. Консервативные геевские организации, со своей стороны, хотели бы отмежеваться от трансгендерников, облик и поведение которых кажутся им чересчур экзотическими. Что общего, спрашивают они, между человеком, мечтающим о перемене своего пола, и тем, кто настолько привязан к нему, что не может любить никого, кроме себе подобных?

Еще более деликатна проблема педофилии. Чтобы приобрести респектабельность, геи отмежевываются от обвинений в том, что они преследуют и совращают мальчиков. Теоретически сделать это несложно - мужчины, любящие мужчин, действительно сексуально равнодушны к незрелым мальчикам, а количество педофилов среди геев такое же, как и среди гетеросексуалов. Но социально-возрастные и юридические границы "мальчишеского" возраста подвижны, особенно проблематичен статус 13-16 летних подростков. Педофильские организации доказывают, что мальчики этого возраста сами вправе решать, что им нравится, поэтому сексуальные связи с ними на добровольных началах не должны преследоваться. Широкая публика с этим категорически не согласна, а легальный возраст согласия, начиная с которого взрослые могут безнаказанно вступать в сексуальные отношения с подростками, колеблется в разных странах от 12 до 18 лет.

Еще больше дифференцируют геев и лесбиянок этнические и социально-классовые различия. Сексуальная идентичность - только одна из многих ипостасей социального самоопределения личности. Проблемы черных, цветных или испано-язычных геев и лесбиянок сплошь и рядом не совпадают с тем, что волнует их белых и более состоятельных собратьев из среднего класса. Отсюда - слоры о том, какая именно социальная идентичность (сексуальная, этническая или классовая) важнее. Американские геи охотно ходят на гей-прайды и покупают геевскую прессу, но на президентских выборах они голосуют не по сексуальному, а по классовому признаку, как подсказывают их финансовые интересы.

Классовый аспект гомосексуальности сатирически схвачен в знаменитой пьесе Тони Кушнера "Ангелы в Америке". Когда домашний доктор говорит одному из персонажей пьесы, влиятельному ультраправому политику (его прообраз был ближайшим помощником сенатора Маккарти), что ему следовало бы признать свою гомосексуальность и тот факт, что он ВИЧ-инфицирован, тот отвечает, что слова "гомосексуалы" и "лесбиянки" - просто глупые этикетки. Важно не то, "кого я трахаю или кто трахает меня, а кто снимет трубку, когда я звоню, кто обязан оказывать мне услуги... Гомосексуалы - не мужчины, которые спят с другими мужчинами. Гомосексуалы - это мужчины, которые за пятнадцать лет не смогли протащить через городской совет паршивый антидискриминационный закон. Это мужчины, которые никого не знают и которых не знает никто, у которых нет никакого влияния. Разве это похоже на меня, Генри? "

Геевские общины и организации в США чрезвычайно политизированы и поляризованы. В них много бывших коммунистов, анархистов и иных леваков, мечтающих радикально перестроить весь мир и вынашивающих всевозможные утопические проекты, вплоть до создания автономного геевского государства в штате Вайоминг. Реальным влиянием они не обладают, зато у них много энтузиазма. В то же время, по мере того как

гомосексуальность получает социальное признание и уже не мешает деловому преуспеванию, в геевской среде усиливается консервативное крыло, выступающее против "левой ортодоксии" и предлагающее заменить идеологическую риторику конструктивной политикой, "которая признает возможности реального мира и границы политики".

Если упростить вопрос, левые добиваются обособления геев и лесбиянок как носителей особых духовных ценностей, которые не могут быть реализованы в рамках буржуазной цивилизации и рыночной экономики, тогда как правые стоят за социальную и культурную интеграцию, чтобы все могли получить свою законную часть общественного пирога. Фактически геи и лесбиянки не могут ни отделиться от гетеросексуального (по преимуществу) общества, ни полностью раствориться в нем. Рост терпимости снимает одни социальные проблемы, но порождает другие. Лесбигеевские теоретики, среди которых немало первоклассных мыслителей, прекрасно понимают это.

Как пишет литературовед и культуролог Лео Берсани, ситуация, в которой оказалась однополая любовь, внутренне противоречива. Да, геи стали видимыми и слышимыми. Но "те самые люди, которые возражают против того, чтобы замыкаться в рамках гей-идентичности, создали нечто вроде собственного гетто, основанного на предполагаемом превосходстве гомо-культуры над тем, что пренебрежительно называют принудительной гетеросексуальностью". Между тем большинство людей не нуждаются в таком "освобождении" и не считают свою гетеросексуальность принудительной.

Для доказательства "превосходства" геев над гетеросексуальным большинством часто используется идея особого "геевского духа" и "геевской души". На мой взгляд, это имеет под собой не больше оснований, чем претензия евреев на роль "избранного Богом" народа или образ русского "народа-Богоносца". Все религии - единственно верные, и каждый бог больше всех любит свой собственный народ (иначе зачем он нужен?) Как в любой человеческой популяции, среди геев и лесбиянок есть разные люди, которые имеют разные стили жизни и придерживаются разных идеологий. В этом их человеческая сила и одновременно - политическая слабость. "Голубые" мужчины и женщины всегда будут чем-то отличаться от других, но их движение никогда не станет монолитной социальной силой. Тот же самый плюрализм, который позволил им требовать и добиваться автономии и места под солнцем, подрывает идею их исключительности. Чем терпимее общество, тем аморфнее цементирующие геевскую общину социальные связи. Как ни важна для индивида его сексуальная ориентация, политически она остается маргинальной и не может стать основополагающей осью социальной структуры и отношений власти.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Был ли гомосексуализм на святой Руси?

В России, как, кстати, и во Франции,
гомосексуализм был всегда
нетипичен. Мы не англичане или
какие-нибудь шведы с голландцами,
где выставляют свои пороки напоказ...
Навязывать нам то, что
всегда было чуждо духу россиян, тем
более отвратительно. Не нужно
патологию единиц приписывать
массам...

Михаил Буянов, психиатр

Нигде, ни на Востоке, ни на Западе, не
смотрели так легко, как в России, на
этот гнусный, противоестественный
грех.

С.М.Соловьев, историк

Понятие "содомии" в Древней Руси было таким же расплывчатым, как на Западе, обозначая не только гомосексуальные отношения, но и любые отклонения от "нормальных" сексуальных ролей и позиций, например, совокупление в позиции "женщина сверху". Самым серьезным грехом считалось "мужеложство", когда сношение с неподобающим партнером усугублялось "неправильной" сексуальной позицией (анальное сношение). Однако на Руси к этому пороку относились терпимее, чем на Западе; церковное покаяние за него колебалось от одного до семи лет, в тех же пределах, что и гетеросексуальные прегрешения. При этом во внимание принимали и возраст грешника, и его брачный статус, и то, как часто он это делал, и был ли он инициатором действия или его объектом. К подросткам и холостым мужчинам относились снисходительнее, чем к женатым. Если анального сношения не было, это было уже не мужеложство, а "рукоблудие", которое наказывалось мягче. Лесбиянство обычно считалось разновидностью мастурбации. Новгородский епископ Нифонт (XII в.) даже считал сексуальный контакт двух девушек-подростков меньшим грехом, чем "блуд" с мужчиной, особенно если девственная плева оставалась неповрежденной.

Православную церковь очень заботило распространение гомосексуальности в монастырях, но к бытовым ее проявлениям относились довольно равнодушно. В Домострое содомия упоминается вскользь, между прочим. В "Стоглаве" (1551) ей посвящена специальная глава "О содомском грехе", предписывающая добиваться от виновных покаяния и исправления, "а которые не исправляются, ни каются, и вы бы их от всякие святыни отлучали, и в церковь входу не давали". Однако, как не без иронии подметил один историк, пьянство осуждается там гораздо более темпераментно.

Как и в западноевропейской агиографии, в житиях некоторых святых Киевской Руси имеются отзвуки неосознанных гомоэротических чувств. Почти все иностранные путешественники и дипломаты, побывавшие на Руси в XV - XVII вв. (Герберштейн, Олеарий, Маржерет, Коллинс и др.), отмечали широкое распространение содомии во всех слоях общества и удивительно терпимое, по тогдашним европейским меркам, отношение к нему. Английский поэт Джордж Тэрбервилл, посетивший Москву в составе дипломатической миссии в 1568 г., был поражен открытым гомоэротизмом русских крестьян сильнее, чем казнями Ивана Грозного. В стихотворном послании своему другу Эдварду Данси он писал:

Хоть есть у мужика достойная супруга,
Он ей предпочитает мужеложца-друга.
Он тащит юношей, не дев, к себе в постель.
Вот в грех какой его ввергает хмель.

По-видимому, несмотря на свои неоднократные женитьбы, баловался с переодетыми в женское платье юношами и сам Иван Грозный; такие подозрения высказывались современниками по поводу его отношений с юным женоподобным Федором Басмановым, который улаждал царя пляской в женском платье. Как писал хорватский католический священник Юрий Крижанич, проживший в России с 1659 по 1677 год, "здесь, в России, таким отвратительным преступлением просто шутят, и ничего не бывает чаще, чем публично, в шутивных разговорах один хвастает грехом, иной упрекает другого, третий приглашает к греху; недостает только, чтобы при всем народе совершали это преступление".

Как и на Западе, содомия чаще всего ассоциировалась с женственностью, нарушением полоролевых стереотипов в одежде и поведении, а также следованием заграничной моде. Митрополит Даниил, популярный московский проповедник эпохи Василия Ш, сурово осуждал женоподобных молодых людей, которые "... женам позавидев, мужское свое лице на женское претворяеши": бреют бороду, натираются мазями и лосьонами, румянят щеки, обрызгивают тело духами, выщипывают волосы на теле и т.п. Столетием позже

знаменитый протопоп Аввакум навлек на себя страшный гнев воеводы Василия Шереметева, отказавшись благословить его сына, "Матфея бритобрадца".

За "спокойным" отношением российского общества к однополым отношениям стояла не сознательная терпимость, а равнодушие и натуралистически-варварское принятие "фактов жизни". Ни в одном русском законодательстве, от Ярослава Мудрого до Петра Великого, мужеложство не упоминалось. Наказание за "противоестественный блуд" - сожжение на костре - впервые появилось в 1706 г. в воинском уставе Петра I, составленном по шведскому образцу. Но уже в 1716 г. Петр это наказание смягчил, заменив сожжение телесным наказанием и вечной ссылкой (в случае применения насилия), причем и это касалось только военных, не распространяясь на гражданское население.

Знаменитый Казанова рассказывает о встрече с любимчиком статс-секретаря Теплова, белокурый красавец поручиком Луниным, который "плевал на предрассудки" и старался обольщать всех подряд. "Посему он сел за стол рядом со мной и так кокетничал за обедом, что я, право слово, принял его за девицу, одетую парнем". Оскорбленный таким подозрением поручик "тотчас показал, чем превосходит он слабый пол,... завладел мною и, решив, что понравился, приступил к решительным действиям, дабы составить свое и мое счастье". Казанова, искушенный и по этой части, ничего не имел против, но дело расстроила присутствовавшая при сем ревнивая француженка, обзававшая обоих мужчин мужеложниками

Во второй половине XVIII в., с ростом цивилизации и расширением контактов с Европой, в светском обществе мужеложства начали стесняться. В народных же массах она локализуется преимущественно в религиозных сектах скопцов и хлыстов. В дворянской и чиновничьей среде гомосексуальные связи иногда приобретали скандальный характер, не столько сами по себе, сколько потому что были тесно связаны с nepотизмом и коррупцией: могущественные люди расплачивались со своими молодыми протеже высокими назначениями, никак не соответствовавшими их способностям. В быту к этому относились презрительно иронически.

При Александре I гомосексуальными наклонностями славились министр просвещения и духовных дел князь А.Н. Голицын и министр иностранных дел, а затем канцлер Н.П. Румянцев. Влиятельный министр просвещения при Николае I граф Сергей Уваров (1786 - 1856) устроил своему любовнику князю Михаилу Дондукову-Корсакову почетное назначение вице-президентом Императорской Академии наук и ректором Санкт-Петербургского университета, что породило несколько ехидных эпиграмм, включая пушкинскую:

В академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что /- - -/ есть.

Когда речь шла не о врагах, а о друзьях, Пушкин относился к этой склонности весело-иронически, не видя в ней ничего страшного, о чем свидетельствует его письмо и стихотворное послание Филиппу Вигелю, слабость которого к юношам была общеизвестна. Сочувствует кишиневской скуке Вигеля, поэт полусутоя рекомендует ему "милых трех красавцев", из которых "думаю, годен на употребление в пользу собственно самый меньшой: NB он спит в одной комнате с братом Михаилом и трясутся немилосердно - из этого можете вывести важные заключения, представляю их вашей опытности и благоразумию"...

Кончается обращенное к Вигелю стихотворение словами:

Тебе служить я буду рад -
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель - пощади мой зад!

Как и в Европе, гомосексуальные контакты и игры шире всего были распространены в закрытых учебных заведениях - Пажеском корпусе, кадетских корпусах, юнкерских училищах, школе Правоведения и т.д. Поскольку дело было массовым, воспитанники воспринимали его спокойно и весело, посвящая ему множество похабных шуточных стихотворений. Эта тема занимает одно из центральных мест в юнкерских стихотворениях Лермонтова ("Тизенгаузену", "Ода к нужнику"). Гомосексуальным приключениям целиком посвящена написанная от первого лица большая анонимная (приписываемая А.Ф. Шенину) поэма "Похождения пажа". Лирического героя этой поэмы сразу же по поступлении в пажеский корпус соблазнил старший товарищ, после этого он сам вошел во вкус, стал "давать" всем подряд, включая начальников, одеваться в женское платье и сделал благодаря этому блестящую карьеру, которую продолжил и по выходе из корпуса. В поэме также подробно описаны эротические переживания, связанные с поркой. Все это сильно напоминает нравы и обычаи английских аристократических школ XIX в.

Попытки школьной или корпусной администрации пресекать "непотребство" успеха не имели. После очередного скандала с Шениным, который в 1846 г. был за педерастию отстранен от службы и выслан из Петербурга, в столице рассказывали, что "военный министр призвал Ростовцева и передал ему приказание Государя, чтобы строго преследовать педерастию в высших учебных заведениях, причем кн. Чернышев прибавил: "Яков Иванович, ведь это и на здоровье мальчиков вредно действует". - "Позвольте в том усомниться, ваша светлость, - отвечал Ростовцев, - откровенно вам доложу, что когда я был в Пажах, то у нас этим многие занимались; я был в паре с Траскиным (потом известный своим безобразием толстый генерал), а на наше здоровье не подействовало!" Князь Чернышев расхохотался".

Н.Г.Помяловский в "Очерках бурсы" описывает напоминающие современную дедовщину отношения второкурсных и первокурсников. Мальчик, обслуживающий великовозрастного Тавлю, называется "Катькой", причем подчеркивается, что он хорошенький. Однажды был разыгран даже обряд женитьбы Тавли на "Катьке". Такие игры не могли не иметь сексуальной окраски

Князь П.А. Кропоткин (1842-1921) вспоминал, что в Пажеском корпусе старшие воспитанники камер-пажи "собирали ночью новичков в одну комнату и гоняли их в ночных сорочках по кругу, как лошадей в цирке. Одни камер-пажи стояли в круге, другие - вне его и гуттаперчевыми хлыстами беспощадно стегали мальчиков. "Цирк" обыкновенно заканчивался отвратительной оргией на восточный манер. Нравственные понятия, господствовавшие в то время, и разговоры, которые велись в корпусах по поводу "цирка", таковы, таковы, что чем меньше о них говорить, тем лучше". Не лучше были и нравы в церковно-приходском училище, где учился известный русский педагог И.Я. Яковлев (1848-1930). По свидетельству А.И. Куприна, в закрытых мужских учебных заведениях и позже существовали "уродливые формы ухаживания (точь в точь как в женских институтах "обожание") за хорошенькими мальчиками, за "мазочками".

В юношеской среде это обычно воспринималась как игра или замена недоступных женщин; часто так и было в действительности. Для взрослых влечение к лицам собственного пола становилось проблемой, а то и трагедией. Неосознанный, латентный гомоэротизм играл заметную роль в жизни многих русских интеллектуалов. Как пишет известный американский историк Джеймс Биллингтон, "кажется, что удивительные и оригинальные творческие жизни Бакунина и Гоголя были в какой-то степени компенсацией их сексуального бессилия. В эгоцентрическом мире русского романтизма было вообще мало места для женщин. Одинокое размышление облегчалось главным образом исключительно мужским товариществом в ложе или кружке. От Сквороды до Бакунина видны сильные намеки на гомосексуальность, хотя, по-видимому, сублимированного, платонического сорта. Эта страсть выходит ближе к поверхности в склонности Иванова рисовать нагих мальчиков и находит свое философское выражение в

модном убеждении, что духовное совершенство требует андрогинии или возвращения к первоначальному единству мужских и женских черт." Однако в каждом конкретном случае это выглядит по-разному.

Многих исследователей привлекает психосексуальная биография Н. В. Гоголя (1809-1852). В письмах к друзьям Гоголь признавался, что никогда не знал женской любви и даже гордился этим, считая чувственность низменной и унижительной. На вопросы доктора Тарасенкова во время последней болезни Гоголя, писатель сказал, что не имел связей с женщинами (в юности однажды посетил с друзьями бордель, но не получил удовольствия), и никогда не мастурбировал (об эротическом воображении врач не спросил).

Гоголь был исключительно закрытым человеком, его отношения с родителями были довольно далекими, отношения с товарищами по интернату в Нежине также оставляли желать лучшего. Сохранились очень нежные письма Гоголя друзьям юности - Герасиму Высотскому и Петру Поленову. Позже Гоголь пережил род влюбленности в Николая Языкова. В Италии писателя связала тесная дружба с художником Александром Ивановым, в жизни которого также не было женщин и который охотнее всего писал нагих мальчиков (первая большая картина Александра Иванова - "Аполлон, Гиацинт и Кипарис").

По мнению Ольги Форш, главным эмоциональным событием жизни Гоголя была дружба с 23-летним Иосифом Вьельгорским. Когда в 1838 г. Вьельгорский умирал от туберкулеза, Гоголь буквально не отходил от его постели, а затем поддерживал тесные отношения с его матерью и сестрами, беспричинно оборвавшиеся около 1850 года. Но нежные чувства между мужчинами в то время считались нормальными и, как и теперь, не обязательно имели гомоэротическую подоплеку.

Женские образы у Гоголя весьма условны, зато в "Тарасе Бульбе" поэтизируется мужское братство, дружба и красота мужского тела. Психологи находят в произведениях Гоголя не только проявления гомоэротизма, но и многое другое. Семен Карлинский выводит уход Гоголя в религию, мистицизм и морализм из его неспособности принять свой гомоэротизм. Послушавшись фанатика-священника Матвея Константиновского, который якобы предписал Гоголю для избавления от "внутренней скверны" воздержание от сна и пищи, писатель буквально уморил себя голодом. Однако эта версия не доказана и допускает прямо противоположное рассуждение, - что именно глубокая религиозность Гоголя не позволяла ему принять свою сексуальность, породив депрессию и желание смерти.

Латентный гомоэротизм смущал и многих других великих россиян. 20-летний Чернышевский писал в дневнике: "... Я знаю, что я легко увлекаюсь и к мужчинам, а ведь к девушкам или вообще к женщинам мне не случалось никогда увлекаться (я говорю это в хорошем смысле, потому что если от физического настроения чувствую себя беспокойно, это не от лица, а от пола, и этого я стыжусь)...". Но такая раздвоенность нежности и чувственности типична для многих юношей и никак не связана с их будущей сексуальной ориентацией.

Лев Толстой в юности он вел чрезвычайно интенсивную сексуальную жизнь, в чем постоянно каялся. В "Анне Карениной" и "Воскресении" гомосексуальные отношения упоминаются с отвращением и брезгливостью, Толстой видит в них признак нравственного разложения общества. В то же время в своем дневнике (запись от 29 ноября 1851 г.) 23-летний Толстой рефлексирует по поводу своих гомоэротических переживаний:

"Я никогда не был влюблен в женщин. Одно сильное чувство, похожее на любовь, я испытал только, когда мне было 13 или 14 лет; но мне [не] хочется верить, чтобы это была любовь; потому что предмет была толстая горничная (правда, очень хорошенькое личико), притом же от 13 до 15 лет - время самое безалаберное для мальчика (отрочество): не знаешь, на что кинуться, и сладострастие в эту пору действует с необыкновенною силою.

В мужчин я очень часто влюблялся... Для меня главный признак любви есть страх оскорбить или просто не понравиться любимому предмету, просто страх. Я влюблялся в м[ужчин], прежде чем имел понятие о возможности педрастии /sic/; но и узнавши, никогда мысль о возможности соития не входила мне в голову".

Перечисляя свои детские и юношеские влюбленности в мужчин, Толстой упоминает, в частности, "необъяснимую симпатию" к Готье: "Меня кидало в жар, когда он входил в комнату... Любовь моя к И[славину] испортила для меня целые 8 м[есяцев] жизни в Петерб[урге]. - Хотя и бессознательно, я ни о чем др[угом] не заботился, как о том, чтобы понравиться ему..."

Часто, не находя тех моральных условий, которых рассудок требовал в любимом предмете, или после какой-нибудь с ним неприятности, я чувствовал к ним неприязнь; но неприязнь эта была основана на любви. К братьям я никогда не чувствовал такого рода любви. Я ревновал очень часто к женщинам".

"Красота всегда имела много влияния в выборе; впрочем пример Д[ьякова]; но я никогда не забуду ночи, когда мы с ним ехали из П[ирогова?] и мне хотелось, увернувшись под полостью, его целовать и плакать. Было в этом чувстве и сладостр[астие], но зачем оно сюда попало, решить невозможно; потому что, как я говорил, никогда воображение не рисовало мне любрические картины, напротив, я имею к ним страстное отвращение".

Во второй редакции "Детства" Толстой рассказывает о своей влюбленности в Ивиных (братья Мусины-Пушкины) - он часто мечтал о них, каждом в отдельности, и плакал. Писатель подчеркивает, что это была не дружба, а именно любовь, о которой он никому не рассказывал. Очень близка к любви и страстная дружба Николеньки Иртеньева к Дмитрию Неклюдову. С возрастом такие влюбленности стали возникать реже.

Так было, например, с маркизом де Кюстином. Не в силах опровергнуть его язвительную книгу о николаевской России, царская охранка сознательно муссировала сплетни о порочности писателя (он действительно был гомосексуалом).

До 1832 г. гомозрота была для русских людей проблемой религиозно-нравственной и педагогической, но не юридической. В 1832 г. положение изменилось. Новый уголовный кодекс, составленный по немецкому (Вюртембергскому) образцу, включал в себя параграф 995, по которому мужеложство (анальный контакт между мужчинами) наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой в Сибирь на 4-5 лет; изнасилование или соращение малолетних (параграф 996) каралось каторжными работами на срок от 10 до 20 лет. Это законодательство, с небольшими изменениями, внесенными в 1845 г., действовало до принятия в 1903 г. нового Уложения о наказаниях, которое было значительно мягче: согласно статье 516, мужеложство (опять же только анальные контакты) каралось тюремным заключением на срок не ниже 3 месяцев, а при отягчающих обстоятельствах (с применением насилия или если жертвами были несовершеннолетние) - на срок от 3 до 8 лет. Впрочем, в силу этот новый кодекс так и не вошел. Известный юрист Владимир Набоков (отец писателя) в 1902 г. предлагал вообще декриминализировать гомосексуальность, но это предложение было отклонено.

Как и их западноевропейские коллеги, труды которых были им хорошо известны и почти все переведены на русский язык, русские медики (Вениамин Тарновский, Ипполит Тарновский, Владимир Бехтерев и другие) считали гомосексуализм "извращением полового чувства" и обсуждали возможности его излечения. В обществе к нему относились презрительно-брезгливо и в то же время избирательно. Если речь шла о враге, гомосексуальность использовали для его компрометации. В остальных случаях на нее закрывали глаза или ограничивались сплетнями.

Представители интеллигентской элиты догадывались, например, о бисексуальности ультра-консервативного славянофильского писателя и публициста Константина Леонтьева (1831 -1891), воспевавшего в своих литературных произведениях красоту мужского тела. Герой повести Леонтьева "Исповедь мужа" (1867) не только поощряет увлечение своей молодой жены, к которой он относится, как к дочери, 20-летним красавцем-греком, но

становится посредником между ними. Кажется, что он любит этого юношу даже больше, чем жену. Когда молодая пара погибает, он кончает с собой. В 1882 г. Леонтьев признал это свое сочинение безнравственным, чувственным и языческим, но написанным "искренним чувством глубоко развращенного сердца".

Влиятельный реакционный деятель конца XIX - начала XX в. издатель газеты "Гражданин" князь Владимир Мещерский (1839-1914), которого философ Владимир Соловьев называл "Содома князь и гражданин Гоморры", не только не скрывал своих наклонностей, но и открыто раздавал свои фаворитам высокие посты. Когда в 1887 г. его застали на месте преступления с мальчиком-барабанщиком одной из гвардейских частей, против него ополчился всемогущий Обер-прокурор Священного Синода К.Н. Победоносцев, но Александр III велел скандал замять. История повторилась в 1889 г. После смерти Александра III враги Мещерского принесли Николаю II переписку князя с его очередным любовником Бурдуковым; царь письма прочитал, но оставил без внимания.

Открыто гомосексуальный образ жизни вели и некоторые члены императорской фамилии. В частности, убитый Каляевым в 1905 г. дядя Николая II, Великий князь Сергей Александрович открыто покровительствовал красивым адъютантам и даже основал в столице закрытый клуб такого рода. Когда его назначили Московским генерал-губернатором, в городе острили, что до сих пор Москва стояла на семи холмах, а теперь должна стоять на одном бугре (русское "бугор" созвучно французскому bougre - содомит). Зафиксировавший этот анекдот в своих мемуарах министр иностранных дел граф Владимир Ламздорф сам принадлежал к той же компании, царь иногда в шутку называл его "мадам".

Не подвергались гонениям за сексуальную ориентацию и представители интеллигенции. Гомосексуальность Петра Ильича Чайковского (1840-1893), которую разделял его младший брат Модест, была "семейной". Училище правоведения, в котором учился композитор, славилось подобными традициями, его воспитанники даже имели шуточный гимн о том, что секс с товарищами гораздо приятнее, чем с женщинами. Даже скандальный случай, когда один старшекласник летом поймал в Павловском парке младшего соученика, затащил его с помощью товарища в грот и изнасиловал, не нашел в Училище адекватной реакции. На добровольные сексуальные связи воспитанников тем более смотрели сквозь пальцы. Близкий друг Чайковского поэт А.Н. Апухтин (1841-1893) всю жизнь отличался этой склонностью и нисколько ее не стеснялся. В 1862 году они вместе с Чайковским оказались замешаны в гомосексуальный скандал в ресторане "Шотан" и были, по выражению Модеста Чайковского, "обесславлены на весь город под названием бугров". После этого композитор стал осторожнее. Желая подавить свою "несчастную склонность" и связанные с нею слухи, Чайковский женился, но его брак, как и предвидели друзья композитора, закончился катастрофой, после чего он уже не пытался иметь физическую близость с женщиной. "Я знаю теперь по опыту, что значит мне переламывать себя и идти против своей натуры, какая бы она ни была". "Только теперь, особенно после истории с женитьбой, я наконец начинаю понимать, что нет ничего нет бесплоднее, как хотеть быть не тем, чем я есть по своей природе".

В отличие от Апухтина, Чайковский стеснялся своей гомосексуальности и вообще о его интимной жизни известно мало (об этом позаботились родственники и цензура). Однако мнение, что он всю жизнь мучился этой проблемой, которая а в конечном итоге довела его до самоубийства, не выдерживает критической проверки. Романтический миф о самоубийстве композитора по приговору суда чести его бывших соучеников за то, что он якобы соблазнил какого-то очень знатного мальчика, чуть ни не члена императорской семьи, дядя которого пожаловался царю, несостоятельна во всех своих элементах. Во-первых, исследователи не нашли подходящего мальчика. Во-вторых, если бы даже такой скандал возник, его бы непременно замяли, Чайковский был слишком знаменит и любим при дворе. В-третьих, кто-кто, а уж бывшие правоведаы никак не могли быть судьями в подобном вопросе. В-четвертых, против этой версии восстают детально известные

обстоятельства последних дней жизни Чайковского. В-пятых, сама она возникла сравнительно поздно и не в среде близких композитору людей. Как ни соблазнительно считать его очередной жертвой самодержавия и "мнений света", Чайковский все-таки умер от холеры.

Как и в западноевропейских столицах, в Петербурге XIX в. существовал нелегальный, но всем известный рынок мужской проституции.

Живую картину столичных "нравов" рисует книга К.К. Ротикова "Другой Петербург" (СПб, 1998). Книга не претендует на научную строгость, многие предположения анонимного автора могут вызвать у читателей возмущение. Но информация такого рода не может основываться ни на чем другом, кроме сплетен или полицейских доносов, которые одинаково ненадежны. Относиться к ней надо с юмором, которым в полной мере обладает автор забавной книги. Можно не верить ему во многих частностях, но самый факт существования "другого Петербурга", со своими собственными традициями, драмами и комедиями, сомнению не подлежит.

Бытописатель старого Петербурга журналист В.П. Бурнашев писал, что еще в 1830-40-х годах на Невском царил "педерастический разврат". "Все это были прехорошенькие собою форейторы..., кантонистики, певчие различных хоров, ремесленные ученики опрятных мастерств, преимущественно парикмахерского, обойного, портного, а также лавочные мальчишки без мест, молоденькие писарьки военного и морского министерств, наконец даже вицмундирные канцелярские чиновники разных департаментов". Промышляли этим и молодые извозчики. Иногда на почве конкуренции между "девками" и "мальчишками" даже происходили потасовки.

Через 40 лет, в 1889 году автор анонимного полицейского доноса Министру внутренних дел описывал сходную картину, считая этот порок всеобщим. "По воскресеньям зимою тетки гуляют в Пассаже на верхней галерее, куда утром приходят кадеты и воспитанники, а около 6 часов вечера солдаты и мальчишки подмастерья. Любимым местом теток служат в особенности катки, куда они приходят высматривать формы катающихся молодых людей, приглашаемых ими затем в кондитерские или к себе на дом. Во время праздников и на Масленице тетки днем гуляют на балаганах, а вечером в манеже, где бывает масса солдат, специально приходящих, чтобы заработать что-нибудь от теток". В длинном списке "теток", "дам" и "педерастов за деньги", с подробным описанием вкусов некоторых из них, фигурируют как представители высшей аристократии и богачи, так и безвестные солдаты и гимназисты. Некоторые гостиницы и рестораны специализировались на такой клиентуре.

Голубые тени Серебряного века

- Еще одно усилие, и у вас вырастут крылья, я их уже вижу.

- Может быть, только это очень тяжело, когда они растут, - молвил

Ваня, усмехаясь.

Михаил Кузмин

В начале XX века однополая любовь в кругах художественной элиты стала еще более видимой. "От оставшихся еще в городе друзей... я узнал, что произошли в наших и близких к нам кругах поистине, можно сказать, в связи с какой-то общей эмансипацией довольно удивительные перемены, - вспоминал Александр Бенуа. - Да и сами мои друзья показались мне изменившимися. Появился у них новый, какой-то более развязный цинизм, что-то даже вызывающее, хвастливое в нем. <...> Особенно меня поражало, что из моих друзей, которые принадлежали к сторонникам "однополой любви", теперь совершенно этого не скрывали и даже о том говорили с оттенком какой-то пропаганды прозелитизма. <...> И не только Сережа <Дягилев> стал "почти официальным" гомосексуалистом, но к тому же только теперь открыто пристали и Валечка <Нувель> и

Костя <Сомов>, причем выходило так, что таким перевоспитанием Кости занялся именно Валечка. Появились в их приближении новые молодые люди, и среди них окруживший себя какой-то таинственностью и каким-то ореолом разврата чудачливый поэт Михаил Кузмин..."

"Чудачливый" Кузмин (1875 - 1936), о котором с неприязненной иронией упоминает Бенуа, - один из крупнейших поэтов XX века. Воспитанному в строго религиозном старообрядческом духе мальчику было нелегко понять и принять свою необычную сексуальность. Но у него не было выбора. Он рос одиноким мальчиком, часто болел, любил играть в куклы и близкие ему сверстники "все были подруги, не товарищи". Первые его осознанные эротические переживания связаны с сексуальными играми, в которые его вовлек старший брат, который влюблялся в других мальчиков и ревновал их к Мише. В гимназии Кузмин учился плохо, зато к товарищам "чувствовал род обожанья и, наконец, форменно влюбился в гимназиста 7 класса Валентина Зайцева". За первой связью последовали другие (его ближайшим школьным другом, разделявшим его наклонности, был будущий советский наркоминдел Г.В.Чичерин). Кузмин стал подводить глаза и брови, одноклассники над ним смеялись. Однажды он пытался покончить с собой, выпив лавровишневых капель, но испугался, позвал мать, его откачали, после чего он признался во всем матери, и та приняла его исповедь. В 1893 г. более или менее случайные связи с одноклассниками сменила серьезная связь с офицером, старше Кузмина на 4 года, о которой многие знали. Этот офицер, некий князь Жорж, даже возил Кузмина в Египет. Его неожиданная смерть подвигла Кузмина в сторону мистики и религии, что не мешало новым увлечениям молодыми мужчинами и мальчиками-подростками. Будучи в Риме, Кузмин взял на содержание лифт-боя Луиджино, потом летом на даче отчаянно влюбился в мальчика Алешу Бехли; когда их переписку обнаружил отец мальчика, дело едва не дошло до суда.

Все юноши, в которых влюблялся Кузмин, были бисексуальными и рано или поздно начинали романы с женщинами, заставляя поэта мучиться и ревновать. В цикле "Остановка", посвященном Князеву, есть потрясающие стихи о любви втроем ("Я знаю, ты любишь другую"):

Мой милый, молю, на мгновенье
Представь, будто я - она.

Самая большой и длительной любовью Кузмина (с 1913 года) был поэт Иосиф Юркунас (1895-1938), которому Кузмин придумал псевдоним Юркун (под псевдонимом "Влад Юркун" сейчас выступает молодой российский писатель).

В начале их романа Кузмин и Юркун часто позировали в кругу знакомых как Верлен и Рембо. Кузмин искренне восхищался творчеством Юркуна и буквально вылепил его литературный образ, но при этом невольно подгонял его под себя, затрудняя самореализацию молодого человека как писателя. С годами (а они прожили вместе до самой смерти поэта) их взаимоотношения стали больше напоминать отношения отца и сына: "Конечно, я люблю его теперь гораздо, несравненно больше и по-другому...", "Нежный, умный, талантливый мой сынок...".

Кузмин был своим человеком в доме Вячеслава Иванова, который, несмотря на глубокую любовь к жене, писательнице Лидии Зиновьевой-Аннибал, был не чужд и гомоэротических увлечений. В его сборнике "Cor ardens" (1911) напечатан исполненный мистической страсти цикл "Эрос", навеянный безответной любовью к молодому поэту Сергею Городецкому:

За тобой хожу и ворожу я,
От тебя таясь и убегая;
Неотвратно на тебя гляжу я, -
Опускаю взоры, настигая...

В петербургский кружок "Друзей Гафиза", кроме Кузмина, входили Вячеслав Иванов с женой, Бакст, Константин Сомов, Сергей Городецкий, Вальтер Нувель (Валечка), юный

племянник Кузмина Сергей Ауслендер. Все члены кружка имели античные или арабские имена. В стихотворении "Друзьям Гафиза" Кузмин хорошо выразил связывавшее их чувство сопричастности:

Нас семеро, нас пятеро, нас четверо, нас трое,
Пока ты не один, Гафиз еще живет.
И если есть любовь, в одной улыбке двое.
Другой уж у дверей, другой уже идет.

Для некоторых членов кружка однополая любовь была всего лишь модным интеллектуальным увлечением, игрой, на которые падка художественная богема. С другими (например, с Сомовым и Нувелем) Кузмина связывали не только дружеские, но и любовные отношения. О своих новых романах и юных любовниках они говорили совершенно открыто, иногда ревнуя друг к другу. В одной из дневниковых записей Кузмин рассказывает, как однажды, после кутежа в загородном ресторане, он с Сомовым и двумя молодыми людьми, включая тогдашнего любовника Кузмина Павлика, "поехали все вчетвером на извозчике под капотом и все целовались, будто в палатке Гафиза. Сомов даже сам целовал Павлика, говорил, что им нужно ближе познакомиться и он будет давать ему косметические советы".

С именем Кузмина связано появление в России высокой гомоэротической поэзии. Для Кузмина любовь к мужчине совершенно естественна. Иногда пол адресата виден лишь в обращении или интонации:

Когда тебя я в первый раз встретил,
не помнит бедная память:
утром ли то было, днем ли,
вечером, или поздней ночью.
Только помню бледноватые щеки,
серые глаза под темными бровями
и синий ворот у смуглой шеи,
и кажется мне, что я видел это в раннем детстве,
хотя и старше тебя я многим.

В других стихотворениях любовь становится предметом рефлексии.

Бывают мгновенья,
когда не требуешь последних ласк,
а радостно сидеть,
обнявшись крепко,
крепко прижавшись друг к другу.
И тогда все равно,
что будет,
что исполнится,
что не удастся.

Сердце
(не дрянное, прямое, родное мужское сердце)
близко бьется,
так успокоительно,
так надежно,
как тиканье часов в темноте,
и говорит:
"все хорошо,
все спокойно,
все стоит на своем месте".

А в игривом стихотворении "Али" по-восточному откровенно воспеваются запретные прелести юношеского тела:

Разлился соловей вдали,

Порхают золотые птички!
Ложись спиною вверх, Али,
Отбросив женские привычки!

С точки зрения включения гомоэротики в высокую культуру большое значение имела автобиографическая повесть Кузмина "Крылья" (1906). Ее герою, 18-летнему наивному мальчику из крестьянской среды Ване Смурову трудно понять природу своего интеллектуального и эмоционального влечения к образованному полу-англичанину Штруп. Обнаруженная им сексуальная связь Штрупа с лакеем Федором вызвала у Вани болезненный шок, отвращение переплетается с ревностью. Штруп объяснил юноше, что тело дано человеку не только для размножения, что оно прекрасно само по себе, что "есть связки, мускулы в человеческом теле, которых невозможно без трепета видеть", что однополую любовь понимали и ценили древние греки. В конце повести Ваня принимает свою судьбу и едет со Штрупом за границу.

"Крылья" вызвали бурную полемику. В большинстве газет они были расценены как проповедь гомосексуальности. Один фельетон был озаглавлен "В алькове г. Кузмина", другой - "Отмежевывайтесь от пошляков". Социал-демократические критики нашли повесть "отвратительной" и отражающей деградацию высшего общества. Андрея Белого смутила ее тема, а некоторые сцены повести он счел "тошнотворными". Гиппиус признала тему правомерной, но изложенной слишком тенденциозно и с "патологическим заголением". Напротив, застенчивый и не любивший разговоров о сексе Александр Блок записал в дневнике: "...Читал кузминские "Крылья" - чудесные". В печатной рецензии Блок писал, что хотя в повести есть "места, в которых автор отдал дань грубому варварству и за которые с восторгом ухватились блюстители журнальной нравственности", это "варварство" "совершенно тонет в прозрачной и хрустальной влаге искусства". "Имя Кузмина, окруженное теперь какой-то грубой, варварски-плоской молвой, для нас - очаровательное имя".

В повести Кузмина и его рассказах "Картонный домик" и "Любовь этого лета" молодые люди находили правдивое описание не только собственных чувств, но и быта. Для них многое было узнаваемым. В начале XX в. в больших русских городах уже существовали две более или менее оформленные гомосексуальные субкультуры: художественно-интеллектуальная, средоточием которой были известные поэты и художники, и сексуально-коммерческая, организованная вокруг определенных бань и других мест мужской проституции. В какой-то степени эти субкультуры пересекались. Рафинированные интеллигенты не могли обойтись без коммерческих мальчиков и вводили их в интимный круг своих друзей, по необходимости полагая, что юность и красота компенсируют недостаток культуры. Но эти молодые люди были скорее сексуальными объектами, чем партнерами для интеллектуального общения, как только влюбленность мэтра проходила, они отсеивались.

Кузмин был не единственным центром притяжения гомосексуальной богемы. Не скрывал своих гомоэротических наклонностей выходец из хлыстов выдающийся крестьянский поэт Николай Клюев (1887-1937), которого постоянно окружали молодые люди. Особенно близок он был с Сергеем Есениным, два года (1915-1916) поэты даже жили вместе. Друг Есенина Владимир Чернавский писал, что Клюев "совсем подчинил нашего Сергуньку", "поясок ему завязывает, волосы гладит, следит глазами". Есенин жаловался Чернавскому, что Клюев ревновал его к женщине, с которой у него был его первый городской роман: "Как только я за шапку, он - на пол, посреди номера сидит и воет во весь голос по-бабьи: не ходи, не смей к ней ходить!" Есенин этих чувств Клюева, видимо, не разделял, но до конца жизни сохранял к нему любовь и уважение.

О сексуальности самого Есенина существует много мифов и недоказанных предположений. Есенин хвастался количеством "своих" женщин, но его отношение к большинству из них было довольно циничным. Некоторые близко знавшие его люди

утверждали, что он вообще не мог никого глубоко любить, хотя добивался, чтобы любили его. Эта потребность быть любимым распространялась и на мужчин, многие из которых влюблялись в обладавшего редким, поистине женственным, шармом, поэта. Есенин явно предпочитал мужское общество женскому, охотно спал с друзьями в одной кровати, обменивался с ними нежными письмами и стихами.

Особенно "подозрительной" выглядит его дружба с Анатолием Мариенгофом. "Милый мой, самый близкий, родной и хороший", - писал он ему из Остенде. Откровенно любовным кажется стихотворение "Прощание с Мариенгофом":

Есть в дружбе счастье оголтелое
И судорога буйных чувств -
Огонь растапливает тело,
Как стеариновую свечу.
Возлюбленный мой! Дай мне руки -
Я по иному не привык, -
Хочу омыть их в час разлуки
Я желтой пеной головы....
Прощай, прощай. В пожарах лунных
Не зреть мне радостного дня,
Но все ж средь трепетных и юных
Ты был всех лучше для меня.

Но мужская дружба может быть нежной и без эротических обертонов. Когда много лет спустя после смерти обоих друзей вдове Мариенгофа рассказали сплетню, будто Есенин ревновал к ней Анатолия и женился на Айседоре Дункан в отместку за его "измену", она просто рассмеялась. Разумеется, жены - не лучшие знатоки гомоэротических увлечений своих мужей. Но слишком определенные точки над *i* не столько проясняют, сколько запутывают тонкие материи человеческих взаимоотношений. Наиболее обстоятельный биограф Есенина Гордон Маквей считает Есенина "латентным бисексуалом". Такую формулу можно применить практически к любому мужчине.

Умышленно эпатировал публику, вызывая всеобщие пересуды, основатель журнала "Мир искусства" и создатель нового русского балета Сергей Дягилев (1872-1929). Разносторонне талантливый и предприимчивый человек, Дягилев рисовался своим дэндиизмом, а "при случае и дерзил напоказ, не считаясь а la Oscar Wilde с "предрассудками" добронравия и не скрывая необычности своих вкусов на зло ханжам добродетели...".

Первой известной любовью Дягилева был его двоюродный брат Дмитрий Философов (1872-1940). Обладатель "хорошенького, "ангельского" личика", Философов уже в петербургской гимназии Мая привлекал к себе недоброжелательное внимание одноклассников слишком нежной, как им казалось, дружбой со своим соседом по парте, будущим художником Константином Сомовым.

"Оба мальчика то и дело обнимались, прижимались друг к другу и чуть что не целовались. Такое поведение вызывало негодование многих товарищей, да и меня раздражали манеры обоих мальчиков, державшихся отдельно от других и бывших, видимо, совершенно поглощенными чем-то, весьма похожим на взаимную влюбленность". "Непрерывные между обоими перешептывания, смешки продолжались даже и тогда, когда Костя достиг восемнадцати, а Дима шестнадцати лет... Эти "институтские" нежности не имели в себе ничего милого и трогательного" и вызывали у многих мальчиков "брезгливое негодование".

После ухода Сомова из гимназии, его место в жизни Димы занял энергичный, румяный, белозубый Дягилев, с которым они вместе учились, жили, работали, ездили за границу и поссорились в 1905 году, когда Дягилев публично обвинил Философова в посягательстве на своего юного любовника.

Создав собственную балетную труппу, Дягилев получил новые возможности выбирать красивых и талантливых любовников, которым он не только помогал делать карьеру, но в буквальном смысле слова формировал их личности. Эротические пристрастия Дягилева были запрограммированы жестко, он увлекался только очень молодыми людьми. Его знаменитые любовники-танцовщики - Вацлав Нижинский, Леонид Мясин, Антон Долин, Сергей Лифарь пришли к нему 18-летними, а его последнее увлечение - композитор и дирижер Игорь Маркевич - 16-летним.

Властный, нетерпимый и в то же время застенчивый (он стеснялся своего тела и никогда не раздевался на пляже), Дягилев не тратил времени на ухаживание. Пригласив подававшего надежды юношу к себе в гостиницу, он сразу же очаровывал его властными манерами, богатством обстановки и перспективой блестящей карьеры. Его обаяние и нажим были настолько сильны, что молодые люди просто не могли сопротивляться. Мясин, который не хотел уезжать из Москвы, пришел к Дягилеву во второй раз с твердым решением отклонить предложение о переходе в дягилевскую труппу, но на вопрос Дягилева, к собственному удивлению вместо "нет" ответил "да".

Никто из этих юношей не испытывал к Дягилеву эротического влечения. Мясин и Маркевич, по-видимому, были гетеросексуалами, Нижинский до знакомства с Дягилевым был любовником князя Львова, а Дягилева больше боялся, чем любил. Если называть вещи своими именами, Дягилев злоупотреблял своим служебным положением, а молодые люди отдавались ему ради карьеры. Работать и жить с ним было невероятно трудно. Он требовал безоговорочного подчинения во всем, бывал груб на людях, отличался патологической ревностью (Лифарь называл его "Отеллушка"), ревнуя своих любимцев и к женщинам и к мужчинам, включая собственных друзей.

Однако он давал свои любовникам не только положение и роли, которых они безусловно заслуживали, но за которые в любой труппе идет жесткая конкуренция и ради их получения которых молодые актеры готовы на любые жертвы. Приблизив молодого человека, Дягилев возил его с собой в Италию, таскал по концертам и музеям, формировал его художественный вкус и раскрывал его скрытые, неизвестные ему самому, таланты. Поскольку сам Дягилев не был ни танцовщиком, ни хореографом, между ним и его воспитанниками не могло быть профессионального соперничества, а получали они от него очень много, причем на всю жизнь.

И хотя после нескольких лет совместной жизни и работы их отношения обычно охладевали или заканчивались разрывом (как было с Нижинским и Мясиным), молодые люди вспоминали Дягилева благоговейно (исключением был Нижинский, с юности страдавший серьезным психическим заболеванием, уход от Дягилева, казавшийся ему освобождением, на самом деле усугубил его психические трудности). Любовь к красивым и талантливым юношам окрыляла Дягилева, а он, в свою очередь, одухотворял их и помогал творчески раскрыться.

Сплетни, случайные мальчишки, ревности, измены - все это кажется мелким и ничтожным. Но за бытовыми отношениями часто скрывались глубокие внутренние драмы. Темная, трагическая сторона однополой любви особенно ясно выступает в отношениях Философова с Зинаидой Гиппиус (1869-1945).

Красивая женщина и разносторонне одаренная поэтесса, Гиппиус всегда чувствовала себя бисексуальной, многие современники считали ее гермафродиткой. "В моих мыслях, моих желаниях, в моем духе - я больше мужчина, в моем теле - я больше женщина. Но они так слиты, что я ничего не знаю". Телесная сексуальность ей практически недоступна. Брак Гиппиус с Мережковским был чисто духовным, причем она играла в нем ведущую, мужскую роль. Все свои стихи она писала в мужском роде, единственное стихотворение, написанное от лица женщины, посвящено Философову.

Влюбившись в Философова, она всячески старалась оторвать, "спасти" его от Дягилева; в конце концов ей это удалось, но к Гиппиус он все равно не пришел. Летом 1905 г., когда Дима гостил у них в Крыму, она сама пришла к нему в комнату и попыталась форсировать

физическое сближение, но это только ускорило разрыв. Перед отъездом он подsunул ей под дверь письмо:

"Зина, пойми, прав я или не прав, сознателен или несознателен, и т.д. и т.д., следующий факт, именно факт остается, с которым я не могу справиться: мне физически отвратительны воспоминания о наших сближениях.

И тут вовсе не аскетизм, или грех, или вечный позор пола. Тут вне всего этого, нечто абсолютно иррациональное, нечто специфическое.

В моих прежних половых отношениях был свой великий позор, но абсолютно иной, ничего общего с нынешним не имеющий. Была острая ненависть, злоба, ощущение позора, за привязанность к плоти, только к плоти.

Здесь же как раз обратное. При страшном устремлении к тебе всем духом, всем существом своим, у меня выросла какая-то ненависть к твоей плоти, коренящаяся в чем-то физиологическом..."

Хотя дружеские отношения между ними продолжались еще несколько лет, Философов даже жил у Мережковских, между ними всегда висела напряженность.

Заметное место в культуре Серебряного века занимает лесбийская любовь. Разумеется, этот феномен был известен в России и раньше. Историки небезосновательно подозревают в этой склонности знаменитую подругу Екатерины II княгиню Екатерину Романовну Дашкову (1743 -1809). Рано выданная замуж и оставшаяся вдовой с двумя детьми, прекрасно образованная мужеподобная княгиня являлась в публичных собраниях в мужском платье, говоря в шутку, что природа по ошибке вложила в нее сердце мужчины. В отличие от своей коронованной подруги, Дашкова не имела фаворитов. Единственной ее привязанностью была выписанная из Англии молодая компаньонка Марта Вильмот, которую скупая княгиня осыпала щедрыми дарами и пыталась сделать своей наследницей. Сохранился даже шуточный вызов на дуэль, который Дашкова послала своей сопернице, английской кузине Марты Марии Вильмот. Возвращение мисс Вильмот в Англию в 1808 г. повергло Дашкову в отчаяние: "Прости, моя душа, мой друг, Машенька, тебя целует твоя Дашкова... Будь здорова, любимая, а я тебя паче жизни своей люблю и до смерти любить буду".

Общее отношение русского общества к лесбиянкам, как и к гомосексуалам, было отрицательно-брезгливым и ассоциировалось главным образом с проститутками. Характерен отзыв Чехова: "Погода в Москве хорошая, холеры нет, лесбосской любви тоже нет... Бррр!!! Воспоминания о тех особах, о которых Вы пишете мне, вызывают во мне тошноту, как будто я съел гнилую сардинку. В Москве их нет - и чудесно".

Лесбиянки в Москве, конечно, были, но к уважаемым женщинам этот одиозный термин обычно не применяли, а сексуальные аспекты женской "романтической дружбы" предпочитали не замечать. Никому не приходило в голову подозревать что-то дурное в экзальтированной девичьей дружбе или "обожании", какое питали друг к другу и к любимым воспитательницам благонравные воспитанницы институтов благородных девиц. Их описания в произведениях Лидии Чарской вызывали у читательниц только слезы умиления.

Достаточно спокойно воспринимала общественность и стабильные женские пары, обходившиеся без мужского общества. Одна из первых русских феминисток, основательница литературного журнала "Северный вестник" Анна Евреинова (1844-1919) много лет прожила совместно со своей подругой жизни Марией Федоровой, а Наталия Манасеина, жена известного ученого, даже оставила мужа ради совместной жизни с поэтессой-символисткай Поликсеной Соловьевой (1867-1924). Их отношения просто не воспринимались как сексуальные.

Первым художественным описанием лесбийской любви в русской прозе стала книга Лидии Зиновьевой-Аннибал "Тридцать три уroda" (1907). Сюжет ее в высшей степени мелодраматичен. Актриса Вера расстраивает свадьбу молодой женщины, в которую она влюблена, покинутый жених кончает самоубийством, а две женщины начинают

совместную жизнь. В уставленной зеркалами комнате они восторженно созерцают собственную красоту и предаются упоительным ласкам, на которые неспособны примитивные любовники-мужчины. Видя себя глазами влюбленной Веры, юная красавица уже не может воспринимать себя иначе. Однажды она позирует нагой сразу 33 художникам, но нарисованные ими портреты не удовлетворяют ее: вместо созданной вериным воображением богини, художники-мужчины нарисовали каждый собственную любовницу, "33 уroda". Однако блаженство продолжается недолго. Болезненно ревнивая Вера понимает, что молодая женщина нуждается в общении и не может обойтись без мужского общества и мучается тем, что рано или поздно она потеряет ее. Когда девушка соглашается на поездку с одним художником, Вера в отчаянии кончает с собой. Как и в аналогичных западных романах, лесбийская любовь кажется наваждением и заканчивается катастрофой.

Большинство любовных связей между женщинами оставались фактами их личной жизни, и только. Роман Марины Цветаевой (1892-1941) и Софьи Парнок (1885-1933) оставил заметный след и в русской поэзии.

Цветаева, по собственному признанию, уже в детстве "не в Онегина влюбилась, а в Онегина и Татьяну (и, может быть, в Татьяну немного больше), в них обоих вместе, в любовь. И ни одной своей вещи я потом не писала, не влюбившись одновременно в двух (в нее - немножко больше), не в двух, а в их любовь". Ограничивать себя чем-то одним она не хотела и не могла: "Любить только женщин (женщине) или только мужчин (мужчине), заведомо исключая обычное обратное - какая жуть! А только женщин (мужчине) или только мужчин (женщине), заведомо исключая необычное родное (редкое? - И.К.) - какая скука!"

Парнок же любила исключительно женщин. Многих женщин.

Любовь Цветаевой и Парнок возникла буквально с первого взгляда и была страстной с обеих сторон. Марина уже была замужем и имела двухлетнюю дочь, отношения с Парнок были для нее необычными.

Сердце сразу сказала: "Милая!"

Все тебе - наугад - простила я,

Ничего не зная, - даже имени!

О любви меня, о любви меня!

Сразу после встречи с Парнок Цветаева ощущает "ироническую прелесть, /Что Вы - не он", и пытается разобраться в происшедшем, пользуясь традиционной терминологией господства и подчинения.. Но ничего не получается:

Кто был охотник? Кто - добыча?

Все дьявольски наоборот!...

В том поединке своеволий

Кто в чьей руке был только мяч?

Чье сердце: Ваше ли, мое ли,

Летело вскачь?

И все-таки - что ж это было?

Чего так хочется и жаль?

Так и не знаю: победила ль?

Побеждена ль?

Рано осиротившей Марине виделось в Парнок нечто материнское:

В оны дни ты мне была, как мать,

Я в ночи тебя могла позвать,

Свет горячечный, свет бессонный.

Свет очей моих в ночи оны.

Незакатные оны дни,

Материнские и дочерние,

Незакатные, невечерние.

В другом стихотворении она вспоминает
Как я по Вашим узким пальчикам
Водила сонною щекой,
Как Вы меня дразнили мальчиком,
Как я Вам нравилась такой.

В отношении Парнок к Марине страсть действительно переплеталась с материнской нежностью:

"Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою" -
Ах, одностийся стрелой Сафо пронзила меня!
Ночью задумалась я над курчавой головкою,
Нежностью матери страсть в бешеном сердце сменя, -
"Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою".

Некоторое время подружки даже жили вместе. Появляясь на людях, они сидели обнявшись и курили по очереди одну и ту же сигарету, хотя продолжали обращаться друг к другу на Вы. Расставаться с мужем Марина не собиралась, он и ближайшие родственники знали о романе, но тактично отходили на задний план. Бурный женский роман продолжался недолго и закончился так же драматично, как и начался. Для Цветаевой это была большая драма. После их разрыва она ничего не желала слышать о Парнок и даже к известию о ее смерти отнеслась равнодушно.

Героиней второго женского романа Цветаевой была молодая актриса Софья Голлидэй. История этого романа рассказана в "Повести о Сонечке". Как и с Парнок, это была любовь с первого взгляда, причем она не мешала параллельным увлечениям мужчинами (Юрием Завадским и др.), обсуждение которых даже сближало подруг. Их взаимная любовь была не столько страстной, сколь нежной. На сей раз ведущую роль играла Цветаева. То, что обе женщины были бисексуальны, облегчало взаимопонимание, но одновременно ставило предел их близости. Хотя они бесконечно важны друг для друга, ограничить этим свою жизнь они не могут, как в силу социальных условий, так и чисто эмоционально. В отличие от отношений с Парнок, связь которой с другой женщиной Цветаева восприняла как непростительную измену, уход Сонечки ей был понятен: "Сонечка от меня ушла - в свою женскую судьбу. Ее неприход ко мне был только ее послушанием своему женскому назначению: любить мужчину - в конце концов все равно какого - и любить его одного до смерти.

Ни в одну из заповедей - я, моя к ней любовь, ее ко мне любовь, наша с ней любовь - не входила. О нас с ней в церкви не пели и в Евангелии не писали".

Много лет спустя она скажет о ней сыну: "Так звали женщину, которую я больше всех женщин на свете любила. А может быть - больше всех. Я думаю - больше всего".

Для Цветаевой временность лесбийской любви - не просто дань религиозным убеждениям и общественным условностям. Для нее главное назначение женщины - дети, которых однополая любовь не предусматривает. Именно эту проблему Цветаева обсуждает в своем адресованном Натали Барни "Письме к Амазонке".

По мнению Цветаевой, в рассуждениях Барни есть одна лакуна, пробел, черная пустота - Ребенок. "Нельзя жить любовью. Единственное, что живет после пюбви - это Ребенок" Это единственное, что увековечивает отношения. Отсюда - женская потребность иметь ребенка. Но ее испытывает только одна из двух. "Эта отчаянная жажда появляется у одной, младшей, той, которая более она. Старшей не нужен ребенок, для ее материнства есть подруга. "Ты моя подруга, ты - мой Бог, ты - мое все".

Но младшая не хочет быть любимым ребенком, а иметь ребенка, чтобы любить.

И она, начавшая с не-хотенья ребенка от него, кончит хотением ребенка от нее. А раз этого не дано, однажды она уйдет, любящая и преследуемая истой и бессильной ревностью подруги, - а еще однажды она очутится, сокрушенная, в объятиях первого встречного". В результате мужчина из преследователя превращается в спасителя, а любимая подруга - во врага.

Старшая же обречена на одиночество. Она слишком горда, чтобы любить собаку, она не хочет ни животных, ни сирот, ни приятельниц. "Она обитает на острове. Она создает остров. Самое она - остров. Остров, с необъятной колонией душ" Она похожа на остров или на плакучую одинокую иву. "Никогда не красясь, не румянясь, не молодясь, никогда не выказываясь и не поддельваясь, она оставляет все это стареющим "нормальным"... Когда я вижу отчаявшуюся иву, я - понимаю Сафо".

В рассуждениях Цветаевой явно чувствуется рефлексия об ее собственных отношениях с Парнок. Современные лесбиянки нашли бы немало возражений на доводы Цветаевой. Но для Цветаевой любовь к женщине - только часть, немного больше половины ее сложной натуры. Да и время, когда все это происходило и осмысливалось, было совсем не похоже на сегодняшнее.

Под сенью уголовного кодекса

Происхождение Г. связано с социально-бытовыми условиями, у подавляющего большинства лиц, предающихся Г., эти извращения прекращаются, как только субъект попадает в благоприятную социальную обстановку... В советском обществе, с его здоровой нравственностью, Г. как половое извращение считается позорным и преступным. Советское уголовное законодательство предусматривает наказуемость Г., за исключением тех случаев, где Г. является одним из проявлений выраженного психич. расстройства.

Большая Советская Энциклопедия, 2 изд

Октябрьская революция прервала естественный процесс развития гомосексуальной культуры в России. Большевики ненавидели всякую сексуальность, которая не поддавалась государственному контролю и не имела репродуктивного значения. Кроме того, как и европейские левые, они ассоциировали однополую любовь с разложением господствующих классов и были убеждены, что с победой пролетарской революции все сексуальные извращения исчезнут.

Инициатива отмены антигомосексуального законодательства после Февральской революции принадлежала не большевикам, а кадетам и анархистам. Тем не менее, после Октября, с отменой старого Уложения о наказаниях соответствующие его статьи также утратили силу. В уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг. гомосексуализм не упоминается, хотя там, где он был сильнее всего распространен, в исламских республиках Азербайджане, Туркмении и Узбекистане, а также в христианской Грузии соответствующие законы сохранились.

Советские медики и юристы очень гордились прогрессивностью своего законодательства. На Копенгагенском конгрессе Всемирной лиги сексуальных реформ (1928) оно даже ставилось в пример другим странам. В 1930 г. Марк Серейский писал в "Большой Советской энциклопедии": "Советское законодательство не знает так называемых преступлений, направленных против нравственности. Наше законодательство, исходя из принципа защиты общества, предусматривает наказание лишь в тех случаях, когда объектом интереса гомосексуалистов становятся малолетние и несовершеннолетние..".

Однако формальная декриминализация содомии не означала прекращения уголовных преследований гомосексуалов под флагом борьбы с совращением несовершеннолетних и с "непристойным поведением". Официальная позиция советской медицины и юриспруденции в 1920-е годы сводилась к тому, что гомосексуализм - не преступление, а трудноизлечимая или даже вовсе неизлечимая болезнь: "Понимая неправильность развития гомосексуалиста, общество не возлагает и не может возлагать вину за нее на носителя этих особенностей... Подчеркивая значение истоков, откуда такая аномалия растет, наше общество рядом профилактических и оздоровительных мер создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов были возможно безболезненнее и чтобы отчужденность, свойственная им, рассосалась в новом коллективе".

Тем не менее уже в 1920-х гг. возможности открытого философского и художественного обсуждения этой темы, открывшиеся в начале XX века, постепенно были сведены на-нет. Дальше стало еще хуже. 17 декабря 1933 г. было опубликовано Постановление ВЦИК, которое 7 марта 1934 г. стало законом, согласно которому "мужеложство" снова стало уголовным преступлением, эта норма вошла в уголовные кодексы всех советских республик. По статье 121 Уголовного кодекса РСФСР, мужеложство каралось лишением свободы на срок до 5 лет, а в случае применения физического насилия или его угроз, или в отношении несовершеннолетнего, или с использованием зависимого положения потерпевшего, - на срок до 8 лет. В январе 1936 г. нарком юстиции Николай Крыленко заявил, что гомосексуализм - продукт разложения эксплуататорских классов, которые не знают, что делать; в социалистическом обществе, основанном на здоровых принципах, таким людям, по словам Крыленко, вообще не должно быть места. Гомосексуализм был, таким образом, прямо "увязан" с контрреволюцией. Позже советские юристы и медики говорили о гомосексуализме преимущественно как о проявлении "морального разложения буржуазии", дословно повторяя аргументы германских фашистов.

Статья 121 затрагивала судьбы многих тысяч людей. В 1930-1980-х годах по ней ежегодно осуждались и отправлялись в тюрьмы и лагеря около 1000 мужчин. В конце 1980-х их число стало уменьшаться. По данным Министерства юстиции РФ, в 1989 г. по статье 121 в России были приговорены 538, в 1990 - 497, в 1991 - 462, в первом полугодии 1992 г. - 227 человек.

Система гугага сама способствовала распространению гомосексуальности. Криминальная сексуальная символика, язык и ритуалы везде и всюду тесно связаны с иерархическими отношениям господства и подчинения, они более или менее универсальны почти во всех закрытых мужских сообществах. В криминальной среде реальное или условное (достаточно произнести, даже не зная их смысла, определенные слова или выполнить некий ритуал) изнасилование - прежде всего средство установления или поддержания властных отношений. Жертва, как бы она ни сопротивлялась, утрачивает свое мужское достоинство и престиж, а насильник, напротив, их повышает. При "смене власти" прежние вожаки, в свою очередь, насилуются и тем самым необратимо опускаются вниз иерархии. Дело не в сексуальной ориентации и даже не в отсутствии женщин, а в основанных на грубой силе социальных отношениях господства и подчинения и освящающей их знаковой системе, которая навязывается всем вновь пришедшим и передается из поколения в поколение.

Самые вероятные кандидаты на изнасилование - молодые заключенные. При медико-социологическом исследовании 246 заключенных, имевших известные лагерной администрации гомосексуальные контакты, каждый второй сказал, что был изнасилован уже в камере предварительного заключения, 39 процентов - по дороге в колонию и 11 процентов - в самом лагере. Большинство этих мужчин ранее не имели гомосексуального опыта, но после изнасилования, сделавшего их "опущенными", у них уже не было пути назад.

Ужасающее положение "опущенных" и разгул сексуального насилия в тюрьмах и лагерях подробно описаны в многочисленных диссидентских воспоминаниях (Андрея Амальрика, Эдуарда Кузнецова, Вадима Делоне, Леонида Ламма и других) и рассказах тех, кто сам сидел по 121 статье или стал жертвой сексуального насилия в лагере (Геннадий Трифонов, Павел Масальский, Валерий Климов и другие). Вот свидетельство очевидца:

"В пидоры попадают не только те, кто на воле имел склонность к гомосексуализму (в самом лагере предосудительна только пассивная роль), но и по самым разным поводам. Иногда достаточно иметь миловидную внешность и слабый характер. Скажем, привели отряд в баню. Помылись (какое там мытье: кран один на сто человек, шаек не хватает, душ не работает), вышли в предбанник. Распоряжающийся вор обводит всех оценивающим взглядом. Решает: "Ты, ты и ты - остаетесь на уборку", - и нехорошо усмехается. Пареньки, на которых пал выбор, уходят назад в банное помещение. В предбанник с гоготом вваливается гурьба знатных воров. Они раздеваются и, сизоголубые от сплошной наколки, поигрывая мускулами, проходят туда, где только что исчезли наши ребята. Отряд уводят. Поздним вечером ребята возвращаются заплаканные и кучкой забиваются в угол. К ним никто не подходит. Участь их определена".

Сходная, хотя и менее жесткая система, бытовала и в женских лагерях, где грубые, мужеподобные и носящие мужские имена "коблы" помыкали зависящими от них "ковырялками". Если мужчинам-уголовникам удавалось прорваться в женский лагерь, высшей доблестью считалось изнасиловать "кобла", который после этого был обязан покончить самоубийством.

Администрация тюрьмы или лагеря, даже при желании, практически бессильна изменить эти отношения, предпочитая использовать их в собственных целях. Угроза "опидарасить" часто использовалась следователями и охраной лагерей, чтобы получить от жертвы нужные показания или завербовать ее.

Из криминальной субкультуры, которая пронизала собой все стороны жизни советского общества, соответствующие нравы распространились и в армии. "Неуставные отношения", дедовщина, тираническая власть старослужащих над новобранцами часто включают явные или скрытые элементы сексуального насилия.

По словам журналиста Ю. Митюнова, опросившего более 1000 военнослужащих, техника изнасилования повсюду одна и та же: как правило, после отбоя двое-трое старослужащих отводят намеченную жертву в сушилку, каптерку или другое уединенное место (раньше популярны были ленинские комнаты) и, подкрепляя свою просьбу кулаками, предлагают "обслужить дедушку". В обмен на уступчивость "солобону" предлагается "хорошая жизнь" - освобождение от нарядов и покровительство. Выполняются обещания крайне редко, и легковверный, о сексуальной роли которого становится скоро известно всей роте, весь срок службы несет двойные тяготы и навсегда остается "сынком", прислуживая даже ребятам своего призыва.

Статья 121 дамочным мечом нависала и над теми, кто не сидел в тюрьмах. Милиция и КГБ вели списки всех действительных и подозреваемых гомосексуалов, используя эту информацию в целях шантажа. Эти списки, разумеется, существуют и поныне.

Поскольку однополая любовь в любой форме была вне закона, до конца 1991 г. "голубым" и лесбиянкам было негде открыто встречаться с себе подобными. В больших городах существовали известные места, так называемые "плешки", где собирался соответствующий контингент, однако страх разоблачения и шантажа лишает такие контакты человеческого тепла и интимности. Экстенсивный безличный секс резко увеличивал риск заражения венерическими заболеваниями. Опасаясь разоблачения, люди избегали обращаться к врачам или делали это слишком поздно. Еще труднее было выявить источник их заражения. Ни о какой правовой защите гомосексуалов не могло быть и речи. Организованные группы хулиганов, иногда при негласной поддержке милиции, провоцируют, шантажируют, грабят, избивают и даже убивают "голубых",

лицемерно изображая себя защитниками общественной нравственности и называя действия "ремонтom". Поскольку геи боялись сообщать о таких случаях в милицию, большая часть преступлений оставалась безнаказанной, а потом работники милиции их же обвиняли в том, что они являются рассадниками преступности. Убийства с целью ограбления сплошь и рядом изображались следствием якобы свойственной гомосексуалам особой патологической ревности и т.д.

Статью 121 нередко использовали также для расправы с инакомыслящими, набавления лагерных сроков и т.д. Часто из этих дел явственно торчали ослиные уши КГБ. Так было, например, в начале 1980-х годов с известным ленинградским археологом Львом Клейном, процесс которого с начала и до конца дирижировался местным КГБ, с грубым нарушением всех процессуальных норм.

Применение закона было избирательным. Известные деятели культуры, если они не вступали с конфликт с властями, пользовались своего рода иммунитетом, на их "наклонности" смотрели сквозь пальцы, но стоило не угодить влиятельному начальству, как закон тут же пускался в дело. Так сломали жизнь великого армянского кинорежиссера Сергея Параджанова. Во второй половине 1980-х годов подвергли позорному суду, уволили с работы и лишили почетных званий главного режиссера Ленинградского Театра Юного Зрителя Народного артиста РСФСР Зиновия Корогодского и т.д.

Судебные репрессии усугублялись мрачным заговором молчания, который распространялся даже на такие академические сюжеты, как фаллические культы или античная педерастия. В сборнике русских переводов Марциала было выпущено 88 стихотворений, при переводах арабской поэзии любовные стихи, обращенные к мальчикам, переадресовывались девушкам и т.п.

"Неназываемость" еще больше усиливала психологическую трагедию советских "голубых", которые не могли даже понять, кто они такие. Не помогала им и медицина. Когда в 1970-х г.г. стали выходить первые книги по сексопатологии, гомосексуализм трактовался в них как опасное "половое извращение". Даже наиболее либеральные и просвещенные советские сексопатологи и психиатры, поддерживавшие декриминализацию гомосексуализма, за редкими исключениями, по сей день считают его болезнью и воспроизводят в своих трудах многочисленные нелепости и отрицательные стереотипы, существующие в массовом сознании. Такая же картина существует в педагогике.

Эпидемия СПИДа еще больше ухудшила положение. В 1986 г. заместитель Министра здравоохранения и Главный санитарный врач СССР академик медицины Николай Бургасов публично заявил: "У нас в стране отсутствуют условия для массового распространения заболевания: гомосексуализм как тяжкое половое извращение преследуется законом (статья УК РСФСР 121), проводится постоянная работа по разъяснению вреда наркотиков". Когда СПИД уже появился в СССР, руководители государственной эпидемиологической программы в своих публичных выступлениях опять-таки винили во всем гомосексуалов, представляя их носителями не только вируса приобретенного иммунодефицита, но и всякого прочего зла. Эта линия продолжается и поныне.

Свобода - для чего?

А надо вам заметить, что гомосексуализм в нашей стране изжит хоть и окончательно, но не целиком. Вернее, целиком, но не полностью. А вернее даже так: целиком и полностью, но не окончательно. У публики ведь что сейчас на уме? Один только гомосексуализм.

Венедикт Ерофеев

Начиная с 1987 г., вопрос о том, что такое гомосексуализм и как относиться к "голубым", - считать ли их больными, преступниками или жертвами судьбы, - стал широко обсуждаться на страницах массовой, особенно молодежной, печати, по радио и на телевидении. Из журналистских очерков и опубликованных писем гомосексуалов, лесбиянок и их родителей рядовые советские люди впервые стали узнавать об искалеченных судьбах, милицейском произволе, судебных репрессиях, сексуальном насилии в тюрьмах, лагерях, в армии и о трагическом, неизбывном одиночестве людей, обреченных жить в постоянном страхе и не могущих встретить себе подобных. Каждая такая публикация вызывала целый поток противоречивых откликов.

Проблема декриминализации гомосексуализма в юридических кругах обсуждалась давно. О нелогичности статьи 121 Уголовного кодекса РСФСР говорилось уже в учебнике уголовного права М. Шаргородского и П. Осипова (1973). Ведущий специалист в области половых преступлений профессор А.Н. Игнатов поднимал этот вопрос перед руководством Министерства Внутренних дел СССР в 1979 г. Сам я безуспешно пытался опубликовать статью на эту тему в журнале "Советское государство и право" в 1982 г. В пользу отмены статьи 121 приводился целый ряд доводов: несоответствие советского законодательства нормам и принципам международного права; его противоречие общим представлениям современной науки; соображения гуманитарного порядка, то, что люди не свободны в выборе сексуальной ориентации; отсутствие внутренней логики в самой правовой системе, карающей только мужской гомосексуализм; социальный ущерб в результате отчуждения гомосексуалов от общества и заталкивания их в грязное подполье; санитарно-гигиенические соображения, в частности, трудности борьбы с венерическими заболеваниями; неизбежность злоупотреблений со стороны правоохранительных органов.

Однако процесс декриминализации гомосексуальности затянулся до мая 1993 г. Сделано это было главным образом под давлением международного общественного мнения, чтобы обеспечить вступление России в Совет Европы, причем сделано втихую, без широкого оповещения и разъяснения в средствах массовой информации.

Окончательно это закреплено в новом Уголовном кодексе РФ, вступившем в силу с 1 января 1997 г. Хотя вообще отказаться от упоминания мужеложства, как предлагали некоторые специалисты, законодатели не решились, теперь наказываются только насильственные действия или совершенные в отношении несовершеннолетних. Статья 132 "Насильственные действия сексуального характера" предусматривает, что "мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или угрозы его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного положения потерпевшего (потерпевшей), наказываются лишением свободы на срок от трех до шести лет." Фигурировавшее в разных вариантах законопроекта "удовлетворение половой потребности в извращенных формах" исчезло. Статья 133 "Понуждение к действиям сексуального характера" карает "понуждение лица к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или совершению иных действий сексуального характера путем шантажа, угрозы уничтожения, повреждения или изъятия имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего".

Упоминание лесбиянства, которого не было ни в одном русском уголовном законодательстве, формально есть шаг назад, но фактически это своеобразная, хотя довольно комичная, дань принципу равенства полов. Наконец, статьей 134 установлен единый легальный возраст согласия - 14 лет, независимо от пола участников. Это можно считать большим шагом вперед.

Определенные положительные сдвиги в отношении к сексуальным меньшинствам произошли и в общественной психологии. Советское общество отличалось крайней нетерпимостью к любому инакомыслию и необычному поведению, даже совершенно невинному, гомосексуалы же были самой стигматизированной социальной группой. При

Всероссийском опросе ВЦИОМ в ноябре 1989 г. на вопрос "Как следовало бы поступать с гомосексуалистами?" 33 процента опрошенных ответили - "ликвидировать", 30 процентов - "изолировать", 10 процентов - "предоставить самим себе" и только 6 процентов - "помогать". За прошедшие девять лет уровень гомофобии в России заметно понизился, хотя все еще остается одним из самых высоких в мире.

Геи и лесбиянки стали видимыми и слышимыми. Однополая любовь стала модной темой средств массовой информации, связанные с нею проблемы открыто обсуждаются на ТВ и в массовых газетах. В кинотеатрах и по телевидению идут классические фильмы Джармена, Висконти и других. Гомосексуальные аллюзии уже мало кого шокируют. Широкий читатель впервые открыл для себя поэзию Михаила Кузмина и его роман "Крылья". На русский язык переведены многие произведения Жана Жене, Джеймса Болдуина, Трумэна Капоте, Юкио Мисимы, Уильяма Берроуза, стихи Кавафиса, воспоминания Жана Марэ и др. Появилось новое российское гомозротическое искусство, литература, поэзия, драматургия и балет. Интерес к этой проблематике проявляют не только собственно геевские издания, но и органы молодежного художественного авангарда, такие как "Митин журнал" и "Птюч". Много меняется в повседневном быту. В Москве и Петербурге открыто функционируют голубые дискотеки и бары.

В первые годы гласности "за" геев и лесбиянок говорили исключительно "эксперты", в тональности отчужденного сочувствия. В конце 1989 г. в Москве была создана первая "Ассоциация сексуальных меньшинств (Союз лесбиянок и гомосексуалистов)". Программа АСМ подчеркивала, что это "прежде всего правозащитная организация, ее основная цель - полное равноправие людей различной сексуальной ориентации". В СПИД-инфо было напечатано обращение к Президенту СССР и Верховным Советам СССР и союзных республик, подписанное В. Ортановым, К. Евгеньевым и А. Зубовым с просьбой отменить дискриминационные статьи уголовного кодекса и объявить амнистию тем, кто был осужден по этим статьям. Одновременно они заявили "о своем безусловном осуждении любых попыток растления малолетних и насилия, в какой бы форме и по отношению к лицам какого бы пола и кем бы эти попытки ни предпринимались... Мы никого не стремимся обратить в свою веру, но мы таковы, какими нас сделала природа. Помогите нам перестать бояться. Мы - часть вашей жизни и вашей духовности. Это не наш и не ваш выбор".

Однако в пост-советском обществе все социальные движения сразу же начинают дробиться на группы и фракции, которые не хотят работать совместно. Геи и лесбиянки не были исключением. Сразу же после выхода второго пробного номера газеты Тема в АСМ произошел раскол и возникший на ее месте Московский Союз лесбиянок и гомосексуалистов (МСЛГ) возглавили более радикально настроенные Евгения Дебрянская и Роман Калинин. Заручившись политической и финансовой поддержкой американских гей-организаций, они решили действовать путем уличных митингов и демонстраций под хлесткими политическими лозунгами, рассчитанными не столько на соотечественников, сколько на западных корреспондентов. Радикальным американским гей-активистам эта тактика импонировала. Но Москва - не Сан Франциско. Требования Либертарианской партии, в которую входил МСЛГ, о легализации гомосексуальности, проституции и наркотиков, каждое в отдельности, были достаточно серьезны, но взятые все вместе и без аргументов, - а в прессу попадали только голые лозунги, - они лишь подкрепляли стереотип, что гомосексуализм, проституция и наркомания - явления одного порядка и что никакого снисхождения "этим людям" оказывать нельзя. Легкомысленные и безответственные заявления начинающих игроков в политику спровоцировали ряд громких политических скандалов, которые коммунистическая и националистическая пресса использовала для моральной дискредитации сексуальных меньшинств.

Отсутствие политического опыта, финансовые трудности и постоянные внутренние распри привели к тому, что большинство геевских организаций и печатных изданий оказались более или менее краткосрочными и маловлиятельными. Хотя региональные

правозащитные и культурные организации геев и лесбиянок созданы в Москве, Петербурге, Барнауле, Ростове, Нижнем Тагиле, Калуге, Мурманске, Омске, Томске, Ярославле и некоторых других городах, большинство из них существуют только на бумаге.

Не увенчалось успехом и создание в 1995 г. общенациональной ассоциации лесбиянок, геев и бисексуалов "Треугольник". Московские власти незаконно отказали ей в официальной регистрации, ссылаясь на то, что она якобы "противоречит общественным нормам нравственности". Лидеры "Треугольника" подали в суд, но пока дело ожидало рассмотрения, у них кончились деньги и в очередной раз сменилось руководство, так что всякая работа прекратилось. В трудном положении находится и геевская пресса. В 1998 г. более или менее регулярно выходили только московский информационный бюллетень "Зеркало" (тираж 200 экземпляров) и луганский информационно-просветительский журнал "Наш мир" (500 экземпляров).

Наиболее важным и эффективным средством общения и получения информации о себе и себе подобных стал для геев и лесбиянок Интернет. Из нескольких "голубых" сайтов, существующих в российском Интернете, следует особо выделить руководимый Эдом Мишиным Gay.ru, который имеет не только службу знакомств и дискуссионный клуб, но и оперативно сообщает об основных событиях геевской культурной жизни, новых книгах и журналах, зарубежных новостях и т.д.. Сайт рассчитан не только на геев и лесбиянок, но также и на би= и транссексуалов. За короткий срок Gay.ru стал одним из самых популярных сайтов в российском Интернете. Но сколько россиян имеют регулярный доступ в Интернет?

Между тем положение геев и лесбиянок в России еще далеко от норм цивилизованного общества. Никаких законов, ограждающих их от дискриминации и диффамации в стране нет и не предвидится, а примеров того и другого сколько угодно. Большой частью нападки на "голубых" - плоть от плоти общих антидемократических, антисемитских, шовинистических и откровенно фашистских настроений. Разжигание гомофобии часто служит просто средством дискредитации политических противников. Лидер шовинистического союза "Возрождение" Валерий Скурлатов в августе 1993 г. заявил, что 70 процентов членов правительства Ельцина - гомосексуалисты, представляющие опасность для государства из-за своей ненависти к здоровым гражданам.

Обвинения такого рода охотно муссирует также желтая, а порой и "демократическая" пресса. Например, в "Комсомольской правде" 24 января 1998 г. опубликован большой материал "Это войдет в аналы Старой площади: Чудом избежав банального изнасилования, наш корреспондент все же подготовил этот материал - о нравах, царящих на высших этажах российской власти". В начало его вынесен текст: "Уйди, противный! Мы тут Россией руководим...." Любая информация о людях "нетрадиционной" ориентации в большинстве газет подается в издевательском, ерническом тоне. Открыто гомофобские сайты, призывающие к физическому уничтожению гомосексуалов, существуют и в российском интернете.

В очернении гомосексуалов активно участвуют некоторые врачи, особенно психиатры старой формации, которые по-прежнему считают гомосексуальность опасным половым извращением и психическим заболеванием. Это проявляется и в анти-спидовской пропаганде. Хотя глава российской анти-спидовской службы В.В. Покровский несколько раз публично поддерживал декриминализацию гомосексуальности, в своей программной статье о мерах по профилактике СПИДа он говорит о "моральной деградации населения", проявляющейся, в частности, в "гомосексуализации культуры". Однополая любовь для него - такое же зло, как сексуальная распущенность, наркомания и проституция. Как можно с такими установками работать с "группой риска" - непонятно.

Анти-геевские настроения могут быть и не связаны с фашизмом или традициями советской "репрессивной психиатрии". Сенсационность и, я бы сказал, вызывающий эксгибиционизм, с которым российская пресса пишет об этих сюжетах, побуждает

включаться в эту компанию даже некоторых либеральных интеллигентов. На встрече деятелей российской интеллигенции с президентской администрацией 19 августа 1996 г. выдающийся писатель Фазиль Искандер, поддержанный пианистом Николаем Петровым, предложил даже ввести нравственную цензуру "в связи с нашествием на телеэкраны агрессивной прослойки секс-меньшинств", - "всяких пенкиных и моисеевых". По словам газетного отчета, "вялое сопротивление "духу цензуры" оказал только Мстислав Ростропович, сказав: "Лишь благодаря знакомству с творчеством Элтона Джона я понял, что такое "рок".

Представление, что все люди делятся на "гомофилов" и "гомофобов", вообще не соответствует истине. Большинству россиян сюжеты, связанные с сексуальной ориентацией, глубоко безразличны и когда их преподносят как едва ли не главный вопрос эпохи, это вызывает у них раздражение.

Например, основатель интернетской "Лиги сексуального большинства" Кирилл Готовцев ничего не имеет против однополый любви, но ему "кажется обидным и несправедливым то количество событий, которое некоторая часть населения устраивает вокруг своей сексуальной ориентации. Я уверен, что оно того не стоит. Мне почему-то кажется, что мы имеем дело с некоторой специальной формой расизма, когда несколько людей, обнаружив у себя то, чем они непохожи на большинство, начинают по этому признаку кучковаться и требовать от остальных чего-то там, на том основании, что они особенные. Хотя из общества они выделили себя сами".

Думаю, что если бы Кирилл лучше знал историю и сумел поставить себя на место людей, которые много лет были "неназываемыми" и теперь пытаются наверстать упущенное, он отнесся бы к ним, как и к прочим меньшинствам, снисходительнее. Принадлежность к большинству - привилегия, которая накладывает и определенные моральные обязательства. Тем не менее эта проблема реальна.

Некритическое копирование американского опыта "сексуального освобождения" так же непригодно для России, как и некоторые экономические модели. Российские "голубые" интеллектуалы и художники не выходят со своими сексуальными исповедями на публику не только потому, что боятся последствий, но и потому, что предпочитают не выставлять свою личную жизнь напоказ. Коммерциализация "голубого", как и всякого прочего, секса, их шокирует, а претензии самопровозглашенных лидеров раздражают: "Я не хочу принадлежать ни к какой субкультуре. Я знаю, что это модно на Западе, но из того, что я предпочитаю спать преимущественно с мужчинами-геями, не вытекает, что я хочу общаться в первую очередь с ними же".

Как считает редактор журнала "РИСК" Дмитрий Кузьмин, "гей-движение и gay community - явления для России нехарактерные и неактуальные, но это не специфика российских геев, а специфика российского общества вообще, в котором советская эпоха выработала стойкое недоверие к любой общественной активности, к любым объединительным порывам и т.п. И даже тем, чей круг общения почти исключительно гомосексуален, мысль о какой-то институционализации этого положения вещей представляется вполне нелепой. Принципиально нынешний расклад всех устраивает: минимум необходимой геевской инфраструктуры (бары, дискотеки, журналы и т.п.), а все остальное общение - чисто приватным образом. Другое дело - что в настоящий момент эта самая инфраструктура плохо развита: два-три клуба на всю Москву и пяток - на всю Россию, - это невозможно мало (просто потому, что у геев тоже бывают разные вкусы и интересы, в конце концов, разный возраст, - потому и клубы да бары им нужны разные), а кроме того, хотелось бы, как минимум, свои библиотеки и книжные магазины, свой медицинский центр и психотерапевтическую службу... Но идея gay community, насколько я понимаю, носит гораздо более тотальный характер, вплоть до голубого баскетбольного клуба и общества геев-филателистов. Это забавно, но не очень понятно для русского человека (может быть, вообще для европейца: по-видимому, американской культуре

свойственна большая публичность личной жизни, отождествление понятий "не скрывать, не стесняться" - с одной стороны и "всем показывать" - с другой).

Вероятно, со временем российские геи и лесбиянки будут иметь не только собственные коммерческие издания, бары и дискотеки, но и свои "общинные" консультативные и правозащитные центры. Однако едва ли это выльется в создание таких организованных общин, как в США. А пока что...

Дым Отечества нам сладок и приятен. Но некоторым он больно ест глаза.

В ПОИСКАХ СЕБЯ

"Я не такой, как другие"

Кто знает, почему человеку
свойственно любить так, а не иначе?
Гомосексуальность была дана мне так
же, как цвет моих глаз или количество
моих ног. Уже ребенком я чувствовал,
что меня привлекают мальчики... Я
вынужден был приспособиться к этому,
жить с этим, прекрасно понимая, что
подобный образ жизни не принимается
обществом.

Жан Жене

Гомосексуальность не выбирается, а вот
гомосексуальные роли - вероятно, да.

География и хореография нашего
первого геевского опыта, если мы его
продолжаем (а ты продолжаешь его
только, если ты уже являешься гомиком)
влияет на весь наш последующий опыт.

Нед Рорем

На вопрос "Когда и как вы узнали о своей гомосексуальности?" геи и лесбиянки иногда отвечают контр-вопросом: "А когда и как вы узнали о своей гетеросексуальности?", на который ни один "натурал" ответить не может. Но при всей моральной корректности такой вежливой отповеди - не задавай другому интимных вопросов, которых ты не задавал самому себе, - между становлением гетеро= и гомосексуальной идентичности есть принципиальная разница.

Поскольку воспитание детей всегда "гетероцентрично", нацелено на формирование гетеросексуальности, - "всякий нормальный мужчина испытывает влечение к женщинам, и наоборот", - "натуральным" мальчикам и девочкам не приходится "открывать" свою сексуальную идентичность, они не задумываются о ней, а принимают, усваивают ее в готовом виде, как нечто само собой разумеющееся. Собственная сексуальная идентичность становится для ребенка проблемой, только если у него что-то неладно, например, если его телосложение или поведение не соответствуют общепринятым представлениям и полоролевым ожиданиям, заставляя окружающих людей, а затем и его самого задуматься: "настоящий" ли он мальчик или девочка? Так как детские и подростковые представления о "мужественности" часто нереалистичны и завышены, эта проблема возникает у многих мальчиков, но далеко не так остро, как у геев, и без "сексуальных" обертонов.

Сексуальная идентичность геев и лесбиянок проблематична изначально, всегда. Они не находят, а открывают и в известном смысле создают ее, необходимый объем индивидуального творчества здесь гораздо больше. Вспоминая свое детство, многие геи и

лесбиянки отмечают, что с раннего детства отличались от сверстников своего пола: одевались не в ту одежду, любили не те игры, выбирали не тех партнеров и т. д. Разумеется, речь идет не о сексуальности, а просто о несовпадении поведения и интересов ребенка с тем, что характерно для большинства детей его пола. Особенно остро возникают эти проблемы у тех мальчиков и девочек, телосложение и внешность которых также не соответствуют стереотипу (женственный мальчик и мужеподобная девочка).

Вот как выглядят детские воспоминания сан-францисских геев и лесбиянок по сравнению с контрольной гетеросексуальной группой.

Таблица 1. Ретроспективная оценка своей непохожести на других детей своего пола (в процентах)

мужчины женщины

геи гетеро лесбиянки гетеро

No = 686 No = 337 No = 293 No=140

Не получали удовольствия от деятельности, типичной для своего пола 63 10 63 15

Получали удовольствие от действий, нетипичных для своего пола 48 11 81 61

Не соответствовали нормам маскулинности или фемининности 56 8 80 24

Большинство друзей детства были противоположного пола 42 13 60 40

Разумеется, отнюдь не все геи бывают в детстве женственными, а лесбиянки - мужеподобными. Почти половина сан-францисских геев имели в детстве типично мужские повадки, интересы и деятельность; этого не могла сказать о себе почти четверть контрольной группы. Тем не менее поведение, чувства и особенно образы Я многих гомосексуальных мальчиков и девочек сильно отличаются от типичных для их "натуральных" сверстников и сверстниц. Это влияет и на их последующее поведение и самосознание. Американский исследователь Фредерик Уитэм опросил 206 взрослых геев и 78 гетеросексуалов, интересовались ли они в детстве куклами, вышиванием и другими "девчоночьими" играми и занятиями; любили ли они переодеваться в женскую одежду; предпочитали ли играть больше с девочками, чем с мальчиками; не было ли у них женских, "девчоночьих" прозвищ; предпочитали ли они сексуальные игры с мальчиками или с девочками. Разница оказалась огромной, особенно между крайними группами исключительных гомо= и гетеросексуалов. Сходная картина обнаружилась и в других странах, Бразилии, Гватемале и на Филиппинах.

По мере взросления, признаки психологической "женственности" у большинства геев ослабевают или исчезают. Из опрошенных 1500 чигагских геев, в детстве считались "неженками" 42%, в юности - 33%, а к моменту обследования - только 8%. Желание быть девочкой (женщиной) уменьшилось с 22% в детстве и 15% в юности до 5% у взрослых. Дружили преимущественно с девочками (женщинами) в детстве 46%, в юности - 27%, а среди взрослых - 9%. Ослабление, убывание женственных черт (его называют дефеминизацией), происходит и у остальных мальчиков (в раннем детстве мальчики, как и девочки, находятся под женским, материнским, влиянием, и это сказывается на их поведении), но исходный, первоначальный уровень фемининности у "натуральных" мальчиков гораздо ниже, поэтому им легче ее изжить.

Тем, у кого "женских" задатков изначально больше, преодолеть их значительно труднее, поэтому процесс дефеминизации у них затягивается, порождая устойчивые, иногда на всю жизнь, сомнения в своей маскулинности. Такие мальчики уютнее чувствуют себя в менее соревновательном женском обществе и в то же время испытывают напряженный интерес и тяготение к мужскому началу, выступающему для них как недостижимый образец. В период полового созревания эта тяга к мужскому началу нередко сосредоточивается на каком-то конкретном образе и эротизируется. Одних мальчиков влечет к более старшим, сильным, физически развитым подросткам и юношам, общение с которыми, не обязательно сексуальное, приобщает их к вожделенной мужественности, в которой, как им кажется, им самим отказано. Другие, напротив, тянутся к младшим, более слабым и нежным мальчикам, среди которых они чувствуют себя увереннее и мужественнее, чем

среди ровесников. Это создает благоприятный эмоциональный фон для формирования гомозротизма и выбора соответствующего объекта привязанности - более старшего и сильного или, напротив, младшего и слабого.

Почему у мальчиков такие проблемы стоят острее, чем у девочек? Во-первых, на всех уровнях половой дифференциации формирование мужчины требует каких-то дополнительных усилий, без которых развитие автоматически идет по женскому типу. Поэтому здесь чаще происходят "нарушения". Во-вторых, в силу господствующего положения мужчин в обществе, мужские качества традиционно ценятся выше женских, и давление на мальчиков в этом направлении сильнее, чем на девочек: женственный мальчик всегда вызывает неодобрение и насмешки, как у взрослых, так и у сверстников, когда как казак-девчонка воспринимается спокойно, а то и положительно. В-третьих, формирование мужского характера предполагает перерыв постепенности, которого нет у женщин. В раннем детстве мальчики, как и девочки, находятся под влиянием матерей и вообще женщин, но затем они должны оторваться от женского влияния и переориентироваться на мужские образцы поведения. Нетипичное полоролевое поведение в детстве имеет для мужчин, независимо от их будущей сексуальной ориентации, много отрицательных последствий: им труднее устанавливать отношения с женщинами, у них больше невротических проблем, наиболее женственные мальчики-геи отличаются в дальнейшем пониженным самоуважением, тревожностью, склонностью к депрессии и самоубийству. У маскулиных девочек ничего подобного нет, энергичность и агрессивность лесбиянок вполне компенсируют им психологические отличия от ровесниц.

Какие психологические и социализационные факторы благоприятствуют формированию гомосексуальной ориентации или, в более осторожной формулировке ("после этого" не значит "вследствие этого"), статистически коррелируют с нею?

Психоаналитики и психиатры придавали особое значение взаимоотношениям ребенка с родителем противоположного пола. Отмечалось, что матери гомосексуалов "заянчивают" сыновей, слишком тесно эмоционально привязывают их к себе, лишают самостоятельности и т.д. В результате такие мальчики вырастают зависимыми, идентифицируются не с отцом, а с матерью, ищут в других женщинах все тот же материнский образ или, наоборот, протест против материнского деспотизма побуждает их бояться женщин и избегать близости к ним.

Психиатрическая клиника и мемуарная литература дают множество примеров такого рода. Но эта тенденция не является всеобщей. Хотя большинство гомосексуальных мужчин в детстве чувствовали себя эмоционально ближе к матери, чем к отцу, это характерно и для подавляющего большинства обычных мальчиков. Систематическое сравнение взаимоотношений с родителями нескольких групп гомосексуалов и соответствующих контрольных групп не выявило между ними существенной разницы. Сильная эмоциональная привязанность к матери действительно влияет на отношения мальчика со сверстниками, иногда осложняя их (мальчишеские отношения соревновательны и жестоки), а материнский гнет может, по контрасту, стимулировать увлечение подростка другими, более самостоятельными, мальчиками. Однако материнское влияние, как правило, преобладает лишь в детстве и не определяет сексуальных предпочтений взрослого мужчины, которые зависят от многих других сопутствующих и последующих обстоятельств. Так что матерям "голубых" мальчиков не стоит обвинять в их сексуальной ориентации себя. Это верно и относительно лесбиянок.

Неоднозначно и влияние отцов. Напряженные, плохие отношения с отцами влияют на формирование гомосексуальности у мальчиков и у девочек сильнее, чем их взаимоотношения с матерью. Слишком строгий и требовательный отец, которому мальчик никак не может угодить, подрывает его самоуважение, психологически как бы кастрирует его. Иногда при этом образуется порочный круг: недостаточно "мужское" поведение сына вызывает недовольство отца, а оно, в свою очередь, подрывает самоуважение мальчика. Например, отец Теннесси Уильямса был очень недоволен мягкостью характера и

литературными увлечениями сына, а также тем, что тот никак не мог решиться переспать с любимой девушкой; за это он даже прозвал его "мисс Нэнси", что побудило застенчивого мальчика еще больше сомневаться в своей маскулинности. Однако ни отцовская холодность, ни отсутствие отца не являются ни необходимым, ни достаточным условием формирования гомосексуальности.

Очень важную роль в формировании сексуальной ориентации ребенка, как и многих других его качеств, играют сверстники. Дети всегда замечают нарушение неписаного гендерного кода и жестоко наказывают его нарушителей - дразнят, исключают из круга своего общения и т.д. При этом женственных мальчиков агрессивно отвергают мальчики, зато охотно принимают девочки, а мужеподобных девочек, наоборот, отталкивают девочки, но принимают мальчики. В формировании образа будущего идеального объекта любви важна не только и даже не столько идентификация, желание уподобиться некоему образцу, сколько депривация, чувство эмоционального дефицита: человека привлекает пол того значимого лица (или лиц), от которых он был в детстве отчужден, так что существенным индикатором будущей сексуальной ориентации ребенка является пол детей, с которыми он не играл в младшем школьном возрасте. При этом врожденные и социальные факторы действуют совместно, усиливая или нейтрализуя друг друга.

Согласно теории известного американского психолога Дарила Бема, биологические факторы, будь то гены или гормоны, сами по себе не предопределяют сексуальную ориентацию, но способствуют формированию некоторых черт темперамента, таких, как степень агрессивности и активности, побуждающих ребенка предпочитать одни виды деятельности и формы общения другим. Один ребенок любит силовую возню и соревновательные спортивные игры (типично мужские занятия), другой предпочитает спокойные игры (типично женское поведение).

Поскольку дети предпочитают играть с теми сверстниками, которые разделяют их игровые предпочтения, ребенок, любящий футбол или баскетбол, будет, независимо от своего пола, искать общества мальчиков. Окружающие, взрослые и сверстники, воспринимают и оценивают характер интересов и круг общения ребенка как соответствующие или не соответствующие его полу. Такие оценки автоматически переносятся и на личность ребенка, которого считают маскулинным ("стоцентный мальчишка") или, наоборот, женственным. Эти оценки и основанное на них отношение преломляются в самосознании ребенка. Дети, поведение которых соответствует полоролевым стандартам и ожиданиям, чувствуют, что они отличаются от сверстников противоположного пола, которых они воспринимают как непохожих, незнакомых и экзотических. Наоборот, женственные мальчики и мужеподобные девочки чувствуют себя отчужденными от сверстников собственного пола, воспринимая их как непохожих, незнакомых и экзотичных.

Чувство своей непохожести на других чрезвычайно характерно для гомосексуалов. 71% сан-францисских геев и 70% лесбиянок сказали, что в школьные годы чувствовали себя непохожими на сверстников собственного пола; среди гетеросексуальных мужчин и женщин так ответили соответственно 38% и 51%. Это накладывает отпечаток на характер их общения.

"Дружить можно было, в основном, с девочками. Где нет грубых нравов и драк. Я боялся перемены в школе, когда толпа неотесанных, бездушных, душевно неразвитых подростков кидается в потасовки друг с другом, жался к стенке и закрывал глаза или не выходил из класса" (Е. Харитонов)

"Я всегда отличалась от своих сверстниц, никогда не старалась усвоить "женственные" манеры, не пользовалась косметикой, ненавидела и старалась не носить бюстгалтеры. Я играла с мальчишками, и мои руки и ноги украшали благородные ссадины и синяки. Как только стало можно, я сменила юбку на брюки и шорты".

Индивидуальные пути и вариации психосексуального развития зависят не только и даже не столько от того, насколько сильно и чем именно ребенок отличается от других детей

своего пола, сколько от того, как он сам воспринимает и интерпретирует эти отличия. Важным рубежом здесь является половое созревание.

Чувственность и любовь

Он не сводил с Отто глаз, точно влюбленный. И, по правде говоря, он и был влюбленный. Кристоф не мог знать этого, так как не знал, что такое любовь. Но временами, когда мальчики оставались одни, их охватывало странное волнение - они испытали его еще тогда, когда в первую свою встречу сидели в сосновом лесу: кровь прилиwała к щекам Кристофа, он густо краснел. Он боялся. Не сговариваясь, мальчики сторонились друг друга.
Ромен Роллан

Оглядываясь назад, к тому времени, когда мне было шестнадцать или семнадцать, я вижу, что уже тогда влюблялась в некоторых теннисисток, но еще не осознавала этого. Просто мне нравилось быть с ними. К восемнадцати годам я поняла, что у меня всегда были эти чувства.
Мартина Навратилова

Подросток может долго не подозревать о своей гомосексуальности. До начала полового созревания такие дети страдают главным образом от того, что их поведение и интересы не совпадают с тем, что нравится большинству их однополых ровесников. Однако эти особенности можно легко компенсировать чем-то другим. Например, физическая слабость может быть компенсирована отличной учебной работой или веселым характером. В период полового созревания картина резко меняется. Подросток вдруг (а иногда постепенно) обнаруживает, что вместо "положенного" влечения к противоположному полу он испытывает интерес к телу своих однополых сверстников.

14-летняя Анна Франк записала в своем интимном дневнике: "Однажды, оставшись ночевать у подруги, я ее спросила - можно мне в знак нашей дружбы погладить ее грудь, а ей - мою? Но она не согласилась. Мне всегда хотелось поцеловать ее, мне это доставляло больше удовольствия. Когда я вижу статую обнаженной женщины, например, Венеру, то всегда прихожу в экстаз".

Сам по себе такой интерес еще абсолютно ни о чем не говорит. Игры, включающие показывание, обследование, ощупывание и измерение собственных половых органов и/или половых органов сверстников своего или противоположного пола, широко распространены среди дошкольников и младших школьников. Участие в них ничего не говорит о будущей сексуальной ориентации ребенка. Среди опрошенных Кинзи взрослых, участие в сексуальных играх со сверстниками противоположного пола до начала полового созревания ретроспективно признали половина мужчин и около трети женщин, а со

сверстниками своего пола - 54% мужчин и 35% женщин; при опросе 212 допубертатных мальчиков последняя цифра повышается до 60%.

Преобладание однополых игр над разнополыми объясняется прежде всего половой сегрегацией, большей физической доступностью сверстников своего, нежели противоположного, пола и менее строгим табуированием телесных контактов с ними. В однополых учебных заведениях, лагерях и интернатах сексуальные игры - явление массовое, в них участвуют и вполне "натуральные" подростки. Среди опрошенных сан-францисских мужчин, в подростковых гомоэротических играх участвовало больше (62%) гетеро=, чем гомосексуалов (39%).

Российские подростки в этом отношении ничем не отличаются от зарубежных. Вот письменное объяснение, с сохранением стиля и орфографии, 14-летнего артековца конца 1980-х годов:

"Каждый вечер мы собирались в палате у мальчиков и начинали играть в так называемую "игру"... Мы ложились подвое на кровать и кайфовали. "Блаженство" заключалось в том, что половой член каждого находился между ногами соседа. Затем оба начинали егозиться, тем самым раздражая его и вызывая блаженное состояние. Затем были придуманы разные эстафеты. Мы вытащили из веника ветку. Тот человек, которому выпадет эта эстафета, должен был стать согнувшись и мы засовывали ему ветку в задний проход... После этого конкурса мы стали разыгрывать другой. По жребию, человек, которому достанется, должен был сосать половой член соседа или любого из мальчиков... Связывали половые члены трех человек нитками в один узел и танцевали в кругу различные танцы. Это вызывало раздражение и приносило удовольствие... С Димой я три вечера подряд ложился на одну кровать и мы с ним друг другу засовывали половой член между ног и растягивали и стягивали его... Также мы друг другу засовывали половой член в задний проход и в рот".

Эти мальчики вовсе не были "голубыми", они просто экспериментировали друг с другом, а потом стали ходить в палату к девочкам, где "игры" были еще интереснее. Но юные геи получают от гомоэротических игр гораздо больше удовольствия, чем их "натуральные" ровесники, и это побуждает их, с одной стороны, повторять этот опыт, а с другой стороны - задумываться о своей сущности, чего гетеросексуальные подростки, для которых это "просто игра", не делают.

В дальнейшем сексуальные игры геев и "натуралов" дифференцируются в соответствии с их специфическими интересами. Например, среди опрошенных К. Штарке восточных немцев, опыт взаимной или групповой мастурбации в ранней юности имели 61% гомосексуалов, 19% смешанной по сексуальной ориентации группы и только 7% исключительно гетеросексуальных юношей.

Важно не только и не столько, что подростки делают, сколько что они при этом чувствуют. Для "натурального" подростка мужское тело - объект сравнения, завистливого восхищения или потенциальная угроза. У юного гея к этому примешивается, заглушая все остальное, эротическое чувство. "Когда мне было около 14 лет, я медленно стал осознавать, что пристально разглядываю других мальчиков, особенно когда мы были голыми в бассейне или раздевалке. Мне хотелось потрогать их. Потом меня внезапно озарило, что на самом деле мне хочется их целовать и трахать. Ничего подобного к девочкам я не испытывал... Я чувствовал себя развратным дегенератом и думал, что болен... Густой запах носков, ног, трусов и пота одновременно отталкивал и возбуждал меня." (Харольд Норс).

Первым детским увлечением японского писателя Юкио Мисимы был второгодник Оми. На занятиях гимнастикой мальчик не сводил глаз со своего кумира, страстно мечтая увидеть Оми раздетым и посмотреть на его "здоровенную штуку", о которой в школе рассказывали легенды. Оми навсегда стал для Мисимы эталоном мужской красоты. "Даже сейчас, оглядываясь назад, я не могу обнаружить в том прекрасном образе ни единого изъяна... Из-за Оми я бы никогда не смог полюбить человека умного и образованного. Из-

за Оми меня никогда не привлек бы юноша, носящий очки. Из-за Оми я проникся любовью к физической силе, полнокровию, невежеству, размашистой жестикуляции, грубой речи и диковатой угрюмости, которая присуща плоти, не испорченной воздействием интеллекта".

По сравнению с Оми, Мисима казался себе жалким. "Я смотрелся в зеркало, мечтая о дне, когда мои плечи и грудь станут такими же, как у Оми. Но жестокое стекло показывало мне чахлые руки, торчащие ребра, и сердце мое покрывалось ледяной коркой сомнения. Это было даже не сомнение, а мазохистская уверенность; голосом божественного откровения она шептала мне: "Никогда ты не будешь таким, как Оми". Влюбленность оборачивается завистью, а "счастье смотреть на Оми" превращается в "счастье быть им".

Судя по самоотчетам, гомосексуальные мальчики сексуально созревают раньше своих "натуральных" ровесников. Это касается и возраста первого оргазма или эякуляции, и возраста первой мастурбации, и возраста появления первых сексуальных чувств фантазий и возбуждения, и возраста ломки голоса, и возраста появления некоторых других признаков пубертата, и начала первых сексуальных контактов с другими. Например, среди западногерманских студентов, до 14 лет начали мастурбировать 72% геев и 55% гетеросексуальных юношей, средний возраст первой эякуляции у первых - 12.7, у вторых - 13.1 года. Восточногерманские гомосексуалы пережили первое семяизвержение и первый оргазм (60% - при мастурбации) на год раньше своих "натуральных" сверстников, средний возраст начала мастурбации у них 12.7 года, почти на год раньше гетеросексуальных мужчин (13.5 года).

Одни ученые думают, что за этими тенденциями стоят объективные физиологические процессы, что гомосексуальные мужчины по ряду параметров больше похожи на женщин и потому половое созревание них также происходит раньше, чем у большинства мужчин. Но не исключено, что геи просто лучше запоминают важнейшие события полового созревания, с которыми у них связано больше тревог и волнений, чем у обычных мальчиков, и относят их к более раннему возрасту.

Как бы то ни было, когда мальчики и девочки достигают подросткового возраста, их сексуальная ориентация, по всей вероятности, уже predetermined, даже если сами этого еще не знают. Наиболее устойчивое различие между гомо= и гетеросексуальными подростками проявляется в мастурбационной активности.

Мастурбацией занимается подавляющее большинство мальчиков-подростков, независимо от их сексуальной ориентации, но юные геи начинают мастурбировать раньше и, по-видимому, делают это чаще. Кроме того, гетеросексуальные подростки воображают при мастурбации преимущественно людей противоположного, а гомосексуальные - собственного пола. Гомоэротическое воображение психологически гораздо более запретно, чем самый акт мастурбации, подростки хранят его в глубокой тайне, но именно мастурбационные фантазии становятся стержневым элементом их будущего сексуального сценария.

В соответствии с теорией Фрейда о разобщенности у подростков чувственного и нежного влечения, существует по крайней мере три разных вида подростковых гомоэротических фантазий и привязанностей:

1. сексуальное влечение, не требующее психологической интимности;
2. страстная дружба-влюбленность, эротической подоплеки которой подростки не осознают;
3. романтическая влюбленность, психологически не отличающаяся от гетеросексуальной юношеской любви.

Их конкретное соотношение зависит, с одной стороны, от культурных норм и условий, а с другой - от типа личности.

В массовом сознании широко распространено мнение, что главная причина или, по меньшей мере, типичная черта гомосексуальности - "совращение" подростков взрослыми.

На самом деле свой первый гомосексуальный опыт мальчики, как правило, приобретают со сверстниками или ненамного младшими или старшими подростками. Средний возраст первого гомосексуального опыта английских мужчин-гомосексуалов в 1987-1991 гг. - 15.7 года, а средняя возрастная разница с первым партнером - один год; у 40% это был ровесник, у 60% - юноша на 1-2 года старше или моложе, только 20% начали половую жизнь с мужчиной на 10 лет старше себя, причем большинство из них мечтали о такой встрече, а многие активно искали ее.

Первые гомо=, как, впрочем, и гетеросексуальные контакты между подростками чаще всего происходят в игровой форме. Некоторые мальчики проделывают это легко и быстро. Американский киноактер Тейлор Мид рассказывал, что однажды, когда ему было 12-13 лет, в темном кинозале одноклассник молча засунул ему руку в пах. "И как только он сделал этот жест, мне все сразу же стало ясно. Мы вышли во двор, где светила луна, и я сказал: "Давай бороться, но чтобы никаких захватов выше пояса"...

Робким и застенчивым приходится труднее. Откровенный гомоэротический интерес или жест для подростка - дело крайне рискованное. Первые сексуальные контакты между мальчиками обычно в процессе и под видом борьбы, силовой возни, когда можно сказать, что эрекция или "не то" прикосновение возникли случайно. В романе Роберта Ферро "Семья Макса Дезира" есть такой эпизод. В отцовском столе двое подростков нашли порножурналы, и стали, лежа на широком матрасе, рассматривать их. Неожиданно у них появилось желание побороться:

"Под предлогом перевертывания страницы или перечитывания абзаца, Скотт оттолкнул его. Макс ответил тем же. Им захотелось проявить свое новое чувство немедленно, сила против силы. Чтобы подчеркнуть свое превосходство, Скотт прижал Макса к земле. Макс оказался пленником. Лежа рядом с ним, Скотт обвил Макса ногами, их лица почти соприкасались. Ловким борцовским приемом Скотт высвободил одну руку. С ее помощью он расстегнул Максу ремень, спустил ему до колен штаны и стал драть. Макс боролся до конца. Так это произошло. Потом он почувствовал слабость и подумал, 'это ослабляет меня и усиливает его'. Следующий раз борьба была короче, не потому, что Макс не сопротивлялся, а потому что исход ее был заранее известен. На сей раз Скотт тоже кончил".

Хотя подростки весьма изобретательны, в их гомоэротических играх повторяются одни и те же компоненты. В школе, где учился Мисима, мальчики увлекались игрой, которая называлась "похабник": "Где-нибудь на перемене, когда кругом было полно народа, надо было выследить какого-нибудь зазевавшегося растяпу, молниеносно подскочить к нему и ухватить за определенное место. Если номер удавался, озорник отскакивал на безопасное расстояние и начинал вопить: - Ого-го! Ну у тебя и штуковина!". Точно такие же игры существовали после войны в некоторых ленинградских мужских школах.

Подростковые гомосексуальные игры часто включают в себя элементы условного насилия и подчинены своеобразным ритуалам. В одном подростковом летнем лагере с географическим уклоном в 1970-х годах существовала игра, - сначала я принял ее за обычную мальчишескую возню, - в "Десять городов": несколько 12-13 летних мальчиков заваливали на кровать одного, расставляли ему ноги и, не раздевая, мастурбировали, пока тот не прокричит названия десяти городов с указанием численности их населения. Играли в "Десять городов" только младшие подростки и, несмотря на визг и силовые приемы, это была добровольная игра, а не насилие. Правила игры передавались от старших к младшим, а исполнителем приговора большей частью бывал один и тот же мальчик, который по окончании игры отправлялся в уборную, видимо, мастурбировать.

Влияние подобных игр на эротическое воображение подростка сугубо индивидуально. У одних этот опыт полностью вытесняется из памяти позднейшими впечатлениями или вспоминается просто как забавная игра. На более впечатлительных он накладывает неизгладимый отпечаток. Взрослый гомосексуал, пациент знаменитого американского психоаналитика Гарри Салливэна, рассказал ему, что в школьные годы только он и еще

один мальчик не участвовали в гомоэротических играх одноклассников. Несколько лет спустя, случайно познакомившись со школьным товарищем своего клиента, Салливэн обнаружил, что тот тоже гомосексуал. Неучастие в играх товарищей было, вероятно, их бессознательной защитной реакцией против собственного гомоэротизма, но пассивная роль зрителей только усиливала психологическую значимость происходящего.

Вот что рассказал о своем подростковом сексуальном опыте геолог Виктор Л.:

"В средних классах мы часто играли, хватая друг друга за половые органы, иногда даже во время урока, под партой, чтобы ни учитель, ни девчонки ничего не заметили. Применялись подобные "захваты" и при силовой возне. Никакого страха, смущения и мыслей о гомосексуализме это не вызывало, мы о нем не знали и не думали. Это была наша законная тайная игра "садирования" или "доения козла" (в рассказах об обрядах инициации в американских военных училищах часто фигурирует ритуал "доения быка"; советские подростки были младше и скромнее - И.К.), в которой были даже свои ритуальные формулы, совершенно, впрочем, необязательные.

Хотя такие игры меня интересовали, будучи стеснительным и самолюбивым, я держался от них в стороне. Но однажды летом, после 6 класса, работая в колхозе, мы остались одни, без учителя и девочек. В обеденный перерыв, когда я вполне невинно возился с другим мальчиком, тот вдруг закричал: "Ребята, посмотрим у Витьки яйца! Порос он мохом или нет?" Сразу же подбежали остальные. Я отбивался изо всех сил, но когда один заломил мне руку, а другой ухватил сзади за яйца, пришлось лечь на спину, расслабиться и в знак покорности расставить ноги... Это было крайне унижительно. Обычно садировали слабых или младших, я же был крупнее, сильнее и авторитетнее большинства этих ребят, и к тому же безумно стыдлив, стеснялся даже обтягивающих плавок и в туалет не ходил, если там был кто-то еще. Ребята это знали, преодолеть мою стеснительность и гордость им было занятно. Теперь я был у них в руках...

Меня, как лягушку, распялили на сене, зажали руки над головой, задрали рубашку, спустили штаны и стали с шутками и прибаутками осматривать и ощупывать мои потроха. Мне было невыносимо стыдно своей наготы и этих бесцеремонных шершавых чужих рук, которые делали со мной все, что хотели, и в то же время сказочно приятно.

Просить пощады, плакать или ругаться, как делали в подобной ситуации некоторые мальчики, было бесполезно, это только подчеркивало бессилие жертвы. Пока ребята возились с моим ремнем и застежками, я пытался спасти лицо с помощью трепки: вот, дескать, кастраты и малолетки хотят посмотреть, какое "оно" у настоящего мужчины! Но всерьез делать вид, будто ты иронически смотришь на своих мучителей сверху вниз, в то время как ты распят перед ними голый, с беспомощно расставленными коленями и каждый из присутствующих в этом цирке пацанов волен трогать, дергать, щекотать и шлепать тебя, где и как ему заблагорассудится, невозможно. Вскоре я утратил всякий самоконтроль и только непроизвольно дергался, стонал и вскрикивал от наиболее чувствительных прикосновений, вызывая этим общее веселье. Ни мое тело, ни мои эмоции, ни даже тембр моего голоса, то и дело сбивавшегося на щенячий визг, мне больше не повиновались. На мне играли, как на музыкальном инструменте, и это причиняло мне одновременно муку и наслаждение.

Не знаю, как долго это продолжалось, но в конце концов у меня произошло бурное, в несколько волн, первое в моей жизни, если не считать ночных поллюций, семяизвержение. Ощущение было необычайно острым. Сначала я подумал, что описался, и страшно испугался, что ребята поднимут меня насмех. Но так как после первого осмотра нагишом, мои трусы задрались кверху и дальше меня теребили через трусы, мальчишки ничего не заметили и скоро меня отпустили. У меня хватило ума притвориться, будто ничего особенного не произошло: подумавшись, ребята посмотрели, что у меня в штанах. Ребят эта версия вполне устроила. Мой авторитет в классе, за который я больше всего боялся, нисколько не пострадал, никто меня этим эпизодом не дразнил, не пытался его повторить и не пугал рассказать о нем девочкам. Только один парень однажды

пригрозил: "Смотри, разложим тебя еще раз на сене!", на что я ответил здоровой оплеухой, которую он принял как должное. Хотя, по правде говоря, если бы ребята повторили опыт (я одновременно боялся и хотел этого), я сопротивлялся бы только для виду.

Но хотя никаких неприятных объективных последствий этот случай не имел, его психологические последствия были страшными. Меня не просто принудили к позорной капитуляции, выставив на всеобщее обозрение сокровенные тайны моего тела, но и психологически вывернули наизнанку. Таким меня никто не видел, даже я сам. Я понял, что тот, кто держит меня за яйца, всесилен не потому, что может причинить мне боль, а потому что доставляет мне наслаждение, и сразу же начал мастурбировать (раньше этого не делал, возня с мальчишками воспринималась просто как игра), воображая одну и ту же сцену и расцветивая ее новыми вымышленными подробностями. Между 15 и 17 годами я несколько раз затевал возню и игры с раздеванием и взаимной мастурбацией вдвоем с мальчиками моего возраста, иногда умышленно поддаваясь. В 19 лет переспал с женщиной, в 22 года женился, все вроде бы нормально, но ничто не может сравниться с тем первым опытом".

В этом рассказе хорошо видна роль мастурбационного воображения, которое закрепляет и кристаллизует случайный сексуальный опыт, превращая его в постоянную установку, от которой человек не в силах избавиться. Но действительно ли Виктора вот так, сразу, "запрограммировали"? До того, как его разложили на сене, была неоднократная возня под партой. Затем Виктор вспомнил, что еще во втором или третьем классе, задолго до начала полового созревания, его одноклассники на большой перемене где-то в школьном закутке несколько раз снимали штаны с другого мальчика, всегда одного и того же, приглашая посмотреть на это зрелище девчонок; "жертве" это, кажется, нравилось. Хотя Виктор в этой игре не участвовал, смотрел со стороны, у него сохранились о ней яркие воспоминания. В пятом классе, во время борьбы с ближайшим другом, Виктор с трудом удерживался, чтобы не стянуть с него штаны, а еще больше ему хотелось самому лежать снизу и чтобы друг применил к нему запрещенный прием, но тому это не приходило в голову. Повышенная стыдливость и затрудненность мочеиспускания в присутствии других также говорит о наличии каких-то психосексуальных проблем. Гомоэротические мазохистские чувства тлели в мальчике задолго до того, как произошел случай, который все расставил по местам; реализовав его собственные тайные желания, мальчишки только соединили в единый сценарий разрозненные элементы его эротического воображения.

Силовые сексуальные контакты типичны главным образом для мальчиков; девочки, если не считать криминально-лагерной среды, предпочитают более нежные и добровольные ласки. Зато страстная дружба-влюбленность, эротической подоплеку которой они сами, как правило, долгое время не осознают, встречается у подростков обоего пола. Эти чувства и отношения многократно описывались в классической литературе.

"... Тонио любил Ганса Гансена и уже немало из-за него выстрадал. А тот, кто сильнее любит, всегда в накладе и должен страдать, - душа четырнадцатилетнего мальчика уже вынесла из жизни этот простой и жестокий урок...

Он любил его прежде всего за красоту; но еще и за то, что Ганс решительно во всем был его противоположностью. Ганс Гансен прекрасно учился, был отличным спортсменом, ездил верхом, занимался гимнастикой, плавал, как рыба, и пользовался общей любовью...

'Ну у кого еще могут быть такие голубые глаза; кто, кроме тебя, живет в таком счастливом единении со всем миром?' - думал Тонио... Впрочем, он не делал попыток стать таким, как Ганс Гансен, а может быть, и не хотел этого всерьез. Но, оставаясь самим собою, он мучительно желал, чтобы Ганс любил его, и на свой лад домогался его любви: всей душой, медлительно, самозабвенно, в печали и томлении - томлении, что жжет и гложет больнее, чем буйная страсть, которую можно было бы предположить в нем, судя по его южному облику".

(Томас Манн)

"Никогда не забуду тех мгновений, слишком редких, увы, и слишком кратких, когда мы всецело принадлежали друг другу. Ты единственная моя любовь! Другой любви никогда у меня не будет, ибо тогда мной тотчас же овладели бы страстные воспоминания о тебе. Прощай, меня бьет лихорадка, в висках стучит, взор мутится... Не люблю ждать. Напиши мне как можно скорее. Хочу, чтобы ты ответил мне до 4 час., если любишь меня, как я тебя люблю!!...

- Как высказать ту радость, которую доставило мне твое письмо? Разве не был ты мне другом и раньше и разве не стал теперь еще большим другом? Настоящей половиной меня самого? Разве не помог я сформироваться твоей душе, подобно тому, как и ты помог сформироваться моей? Боже, сколько в этом правды и силы, как чувствую я это, когда пишу тебе! Я живу! И все во мне живет - тело, ум, сердце, воображение - благодаря твоей привязанности, в которой никогда я не усомнюсь, о мой истинный и единственный друг!"

(Роже Мартен дю Гар)

Эти страстные письма, переполошившие отцов-иезуитов, написаны Жаком и Даниэлем, героями романа "Семья Тибо". Между ними нет и не будет физической близости, оставшись вдвоем в номере гостиницы, мальчики стесняются даже раздеться на глазах друг у друга, но можно ли сомневаться в природе их чувства?

В романтической дружбе эротические обертона приглушены и зачастую не осознаны, малейшие намеки на них воспринимаются крайне болезненно. Большею частью эти отношения так и остаются дружескими, их эмоциональное напряжение со временем уменьшается. В других случаях потребность в дружбе превращается в осознанную влюбленность, которая по своей эмоциональной тональности ничем не отличается от "обычной" любви.

Мне больше ничего не снится -

Лишь только ты, лишь только ты.

Как будто на пустой странице

Я создаю твои черты.

Ты - как высокое заглавье,

Ты - как мечты и яви связь,

Ты - как мечта, что стала явью,

Да только в руки не далась.

Эти стихи пятнадцатилетнего москвича посвящены мальчику, в которого он был безответно влюблен. Но разве девочкам пишут иначе? Только однополая любовь гораздо чаще остается безответной. И она обязательно провоцирует рефлексю.

Открытие Я

Почему я то, что я емь, и что я такое?

Рэдклифф Холл

Ему необходимо было открыть,

кто он такой, и он должен был

сделать это сам, один, вопреки

шаманам и знахарям своего

времени.

Джеймс Болдуин

Хотя некоторые подростки осознают и принимают свою гомосексуальность легко, как нечто само собой разумеющееся, для большинства это трудный и длительный процесс. Это зависит не только от внешних условий. "Натуральные" подростки могут принять себя и окружающий мир, так сказать, в готовом виде. Для геев и лесбиянок этот путь закрыт. Прирожденные диссиденты, они не могут обойтись без саморефлексии и критического отношения к себе и к обществу. Процесс самоосознания и формирования гомосексуальной идентичности ученые подразделяют на три или четыре фазы.

По данным сан-францисского исследования, до 12 лет только пятая часть гомосексуальных мальчиков и девочек считали свои отличия от ровесников сексуальными и лишь 4% осознавали их как гомосексуальность; для большинства это были просто различия в поведении и интересах (для мальчиков особенно важно отсутствие спортивных интересов).

Стадия предчувствия приходится на допубертатный период, когда дети еще не задумываются о своей сексуальной ориентации или автоматически считают себя "нормальными". Хотя многие будущие геи и лесбиянки уже чувствуют и даже осознают, что по своим интересам, внешности или поведению они отличаются от сверстников своего пола, и это вызывает у них смутную тревогу, осознание своей особенности еще не отливается в определенные понятия и формулируется скорее в метафорах фемининности и маскулинности (насколько я "настоящий" мальчик или девочка?), чем в эротических терминах (кто меня сексуально привлекает?).

Стадия сомнений и смешанной идентичности характерна тем, что индивид уже задумывается о своей сексуальной идентичности, но еще не может четко определить ее и свое отношение к ней. Она приходится на подростковый возраст и начало юности. Это самый драматичный и психологически напряженный этап развития.

Стадия принятия себя и "выхода из чулана" протекает очень по-разному. Ее длительность и возрастные границы зависят как от индивидуальных особенностей человека, так и от его социальной среды. Чем терпимее общество, тем легче подростку преодолеть свои внутренние конфликты и принять собственную сексуальную ориентацию.

Четвертая стадия, гомосексуальной самоидентификации, характерна лишь для взрослых, да и то не для всех, лучше всего выражается понятием сопричастности: индивид принимает свою гомосексуальность как определенный стиль жизни, поддержание которого для него важнее и приятнее возможных альтернатив. Это обычно совпадает с появлением более или менее устойчивых партнерских отношений, в отличие от случайных связей. Она позволяет слить сексуальную привязанность с эмоциональной и представить свою сексуальную идентичность как интегральную часть собственного Я.

Разумеется, эти фазы не универсальны. Их длительность и содержание зависят от множества конкретных условий и индивидуальных особенностей человека.

Вот как представляет этапы своей психосексуальной биографии 28-летний москвич.

- первые эротические фантазии - приблизительно в 8 лет (сугубо гетеросексуальные)
- первая мастурбация - приблизительно в 12 лет (и затем в промежутке 12-14 лет - многократные занятия взаимной мастурбацией с одноклассниками, две-три неудачные попытки орально-генитального контакта)
- первый поцелуй - лет в 14 (с девочкой)
- первый сексуальный контакт - в 15 (с одноклассницей)
- первая влюбленность в мальчика, до полубоморочного состояния - в те же 15, на несколько месяцев позже
- осознание того, что в этой любви имеет место сексуальный элемент - год спустя, в 16
- первый гомосексуальный контакт - за месяц перед выпуском, в 16,5, с двумя совершенно незнакомыми взрослыми парнями (и с мыслью о том, что раз уж я не могу быть с мальчиком, которого люблю, то надо хотя бы попробовать, что это такое)
- отказ от гетеросексуальных контактов и геевская самоидентификация - в 17 с лишним (после серии малоудачных "романов" и ухаживаний, - впрочем, секса в них было немного, да и дело было не в нем)
- строго гомосексуальный период - лет до 23
- возобновление гетеросексуальных контактов (впрочем, очень редких) и осознание себя бисексуалом - 23-24 года.

Объективные данные на сей счет также неоднозначны. Наиболее стабильны половые различия. Лесбиянки, как правило, позже юношей-геев осознают свои психосексуальные

особенности и склонны дольше считать свое влечение к женщинам потребностью в дружбе. Свою сексуальную жизнь они чаще начинают с мужчиной и только после этого, обнаружив, что что-то "не так", начинают искать другой путь. "Голубые" мальчики, у которых либидо пробуждается более бурно, а половая роль допускает и даже требует явных появлений сексуальности, начинают подозревать о своей гомосексуальности раньше и больше сексуально экспериментируют с лицами как своего, так и противоположного пола (иногда именно для того, чтобы лучше понять свою сексуальную ориентацию).

Поскольку сексуальная ориентация многомерна, а люди - разные, разброс в темпах формирования ее элементов очень велик. Среди нью-йоркских гомо= и бисексуальных подростков от 14 до 21 года в 1993-94 гг. средний возраст первого подозрения о своей гомосексуальности у мальчиков был 12.5, а у девочек - 13.9 лет, уверенность же пришла к мальчикам в 14.6, а к девочкам - в 15.9 лет. То есть процесс самоосознания занял приблизительно два года. Восточногерманские мальчики начала 1990-х годов начинали подозревать о своей гомосексуальности в среднем около 16 лет. 19% из них эта мысль приходила в голову еще до 12 лет, 46% - между 13 и 16 годами, зато 14% поняли это только после 21 года. Это зависит как от темпов полового созревания и силы либидо, так и от уровня образования: более образованные юноши из интеллигентной среды отстают от рабочих почти на два года.

Однако осознание своей гомосексуальности еще не означает ни наличия реального гомосексуального опыта, ни, тем более, признания себя геем или лесбиянкой. Среди опрошенных в 1987 г. японских старшеклассников в наличии гомоэротических влечений признался каждый пятый, а гомосексуальный опыт имели только 4.5% студентов колледжей. Даже те подростки, которые охотно сексуально экспериментируют со сверстниками собственного пола, не торопятся признавать себя геем или лесбиянками. Хотя доля неуверенных в своей сексуальной ориентации школьников в штате Миннесота уменьшается с 26% у 12-летних до 9% у 18-летних, геем, лесбиянкой или бисексуалом считают себя только 1.3%. Та же тенденция наблюдается у немецких юношей и девушек.

И это совершенно естественно. Не надо торопиться! Гиперсексуальные подростки могут испытывать половое возбуждение и эротические чувства по любому поводу. Чтобы убедиться в прочности своих сексуальных интересов, человеку нужно время и практический опыт, причем превращение текущих сексуальных предпочтений в стабильную сексуальную ориентацию неизбежно сопровождается поляризацией: большинство подростков развиваются в сторону гетеросексуальности и перестают испытывать гомоэротические чувства, а у геев происходит обратное.

Этот выбор для многих очень труден. Поэтому некоторые подростки и юноши бессознательно уклоняются или откладывают его, убеждая себя и других, что их гомоэротические чувства и влечения случайны, или стараются "исправить" их с помощью психотерапии и самовоспитания. Существует несколько вариантов такой психологической самозащиты.

Один подросток активизирует общение с лицами противоположного пола: "Я думала, что мой интерес к девочкам пройдет, если я буду уделять больше внимания мальчикам и выглядеть более женственной".

Другой, наоборот, избегает разнополюх контактов, боясь разоблачения: "Я ненавижу свидания, потому что боялся, что у меня не будет эрекции, и девочки догадаются, что я голубой".

Третий уклоняется от получения информации, которая могла бы подтвердить его опасения, не желает ничего слышать о гомосексуальности.

Четвертый прячется за стеной ненависти, скрывая собственный подавленный гомоэротизм высмеиванием и травлей себе подобных.

Пятый старается подавить свой гомоэротизм экстенсивными гетеросексуальными связями: "Я думал, это пройдет, если я буду трахаться с разными женщинами".

Шестой ускользает от мучительных моральных проблем с помощью алкоголя или наркотиков. Желание уйти от себя - одна из самых важных причин распространенности этих опасных явлений в геевской среде.

Некоторые молодые люди называют и искренне считают свои неприемлемые чувства и поступки случайными ("это случилось по пьянке, трезвым я бы этого не сделал"), временными ("это с возрастом пройдет") или периферийными ("какой же я гомик, если я сплю с женщинами?")

Такая психологическая самозащита может с переменным успехом продолжаться долго, иногда всю жизнь, однако она весьма обременительна и часто приводит к нервным срывам. Не смея жить своей собственной, единственно возможной для него жизнью, голубой подросток вынужден ухаживать за теми, кого он не может любить, и любит тех, за кем не может ухаживать. Это делает всю его жизнь мучительным чередованием "неподлинных" и несовместимых друг с другом ролей и масок.

"Голубым" мальчикам и девочкам не на кого равняться, их никто не учит, как вести себя с понравившимся человеком, они не смеют обнаружить свои чувства, боясь, что их "неправильно поймут" или догадаются об их тщательно скрываемой тайне. Это обрекает их на постоянный и мучительный самоконтроль.

Порождаемая этим застенчивость (типичная черта многих "голубых") еще больше усугубляет их коммуникативные трудности. "Мало кто понимает теперь, что я всегда был и даже теперь, в мои крокодиловы годы, остаюсь чрезвычайно застенчивым существом. В мои крокодиловы годы я восполняю это типичной уильямсовской сердечностью и вспыльчивостью, а иногда - вспышками ярости. В школьные дни у меня не было ни укрытия, ни маски". (Теннесси Уильямс).

"Меня мучил не секс, а собственное Я. Чтобы скрывать истину, приходилось прибегать к все более тонким ухищрениям, фальшивым романам и бесцельным свиданиям... Но тяжелее всего было отсутствие друга, близкого человека... Каждый раз, когда ребята шутили насчет гомиков, я должен был смеяться вместе с ними, а когда разговор заходил о женщинах, мне приходилось изобретать собственные победы. В эти мгновения я ненавидел себя, но ничего другого не оставалось. Вся моя жизнь стала одной сплошной ложью... Напряжение от того, что я должен был обманывать свою семью и друзей, часто становилось невыносимым. Чтобы не выдать себя, я должен был контролировать каждое произносимое слово, каждый свой жест... Каждая минута свидания переживалась как ложь, а если ты не ухаживал за девушками, ты не мог быть "своим парнем". Во всяком случае, для моих парней, мнение которых было для меня важнее собственного." (Пол Монетт).

Юность вообще довольно одинокий возраст, но никто не бывает так одинок, как гомосексуальные подростки. Три четверти опрошенных чикагских подростков ни с кем не поделились своими первыми сомнениями, и только 13% посчастливилось найти понимающую душу. Среди восточных немцев, опрошенных Штарке, 46% "в это время никому не доверяли".

Участь юных геев и лесбиянок значительно труднее положения представителей любого расового, национального или культурного меньшинства. Если черный (еврейский, армянский, чеченский, русский - подставьте любое "нехорошее" в данной местности меньшинство) ребенок испытывает трудности или подвергается преследованию из-за своего цвета кожи, акцента или национальности, он может пойти к своим, несущим ту же стигму, родителям, поговорить с ними и получить если не помощь, то хотя бы утешение. Родители маленького гея или лесбиянки часто так же предубеждены, как и соученики. "Голубой" подросток чувствует себя гадким утенком, единственным на всем белом свете.

Одно из самых страшных последствий этого - так называемые "немотивированные" самоубийства.

Нас была компания со школьных
времен

Спортсменов, отличников
И самый красивый неожиданно
покончил с собой
Они ничего не подозревали о
нас, обо мне и о нем
Только удивлялись силе моего
горя и переживания
Удивительного, как им тогда
казалось, по моим
молодым годам
Особенно для мужчины
(Д.А. Пригов).

От 20 до 35 процентов американских юношей-геев совершают попытки самоубийства, это гораздо больше, чем в любой другой социально-возрастной группе. В бывшей ГДР 36% опрошенных гомосексуалов сказали, что думали о самоубийстве, а 13% пытались его осуществить.

Риск суицида среди юных геев и лесбиянок особенно велик, если они а) слишком рано открыто обнаруживают свою гомосексуальность, б) подвергаются в связи с этим насилию и преследованиям, в) пытаются решить свои проблемы с помощью алкоголя и наркотиков и г) отвергнуты своими семьями.

Эти молодые люди умирают не от гомосексуальности, а от страха перед ней и от жестокого отношения окружающих.

Открытое принятие и признание своей гомосексуальности - coming out (буквально - выход в свет) или coming out of the closet (выход из чулана) - снимает связанное с нею внутреннее напряжение. Когда тебе нечего скрывать, жить становится намного легче. Но придти к этой ясности нелегко. "Каминг аут" иногда кажется одноразовым драматическим событием, чем-то вроде публичной декларации, после которой пути назад отрезаны и начинается новая жизнь. На самом деле такого крутого, драматического поворотного пункта может и не быть, и даже если он есть, это только кульминация длительного и сложного процесса психосексуального самоопределения.

Человек открывается не всем сразу, а в определенной последовательности, и прежде, чем открыться другим, он должен осознать и принять себя сам. Первым доверенным лицом подростка чаще всего бывает однополой друг, хотя некоторые мальчики сначала признаются подруге, а девочки - другу-юноше. В Чикаго средний возраст первого самораскрытия составил 16 лет для девочек и 16,75 лет для мальчиков, причем две трети мальчиков и свыше половины девочек сначала раскрылись другу (подруге), с матерью поделились 5%, а с отцом никто. В дальнейшем 41% этих мальчиков и 59% девочек поставили в известность мать, но лишь меньшинство нашло материнскую реакцию достаточно теплой и положительной. Отцам открылись 14% мальчиков и 25% девочек.

По мере роста социальной терпимости к однополой любви ее принятие облегчается. 46% мужчин и 26% женщин, опрошенных Кинзи, сожалели о своей гомосексуальности. В 1970-х годах на вопрос, хотели бы они, если бы это было возможно, изменить свою сексуальную ориентацию, 95% сан-францисских лесбиянок и 86% геев ответили "нет". 87% опрошенных Штарке восточных немцев принимают свою гомосексуальность полностью, 16% - с некоторыми оговорками и только 1% - с трудом. Соответственно снижается и средний возраст "выхода в свет". В конце 1960-х годов американские мужчины делали это в 19,3 года, а теперь - в 14,5 - 16 лет.

И возраст, и обстоятельства "выхода" зависят от конкретных условий. Подчас это происходит проще и прозаичнее, чем рисуется в воображении. Молодой человек ждет, что его исповедь будет для друзей сенсацией, громом среди ясного неба, а его сбивчивый рассказ воспринимается как нечто уже известное: "Мы давно догадывались. Обычный парень не уделяет столько внимания одежде, не смотрится постоянно в зеркало и не

бывает таким нежным ". Казалось бы, надо радоваться, что с друзьями нет проблем? Не тут-то было! "Я чувствовал себя уязвленным и обманутым. Вместо того, чтобы радоваться, я был обижен, что друзья обсуждали мою личную жизнь за моей спиной и никто из них не сказал мне об этом".

В столичной молодежной среде открытое признание своей "голубизны" сегодня, как правило, не вызывает враждебных чувств. Во всяком случае, я таких историй не слышал. Некоторые молодые люди даже бравируют своей "открытостью". В деревне и в провинции все гораздо сложнее: вся жизнь на виду, а нравы более крутые и патриархальные.

Многое зависит от профессии. Модельеру, актеру или журналисту проще - в их среде "голубых" много. А учитель, который признается в гомосексуальности, сразу же потеряет работу. Да и врачу придется несладко.

Впрочем, даже спокойное "принятие" чужой сексуальной ориентации иногда сопровождается невольными коммуникативными ограничениями. Многие поступки и жесты, которые раньше воспринимались просто как знаки симпатии или нежности, теперь интерпретируются в сексуально-эротическом ключе. Например, девушки часто обнимаются и целуются со своими подругами, но если становится известно, что одна из них - лесбиянка, такие нежности обычно прекращаются. Некоторые "натуральные" юноши избегают телесных контактов с друзьями-геями, как будто боятся заразиться. Это делается произвольно, но молодых гомосексуалов это обижает, побуждая к дополнительной сдержанности. Рассказывая об этом, некоторые плачут. Быть "другим" нелегко, даже если тебя не бьют и не притесняют.

Подростковая и юношеская гомосексуальность - большая социально-педагогическая проблема для родителей и воспитателей. Никто не хочет своим детям такую судьбу. Но тут нет свободного выбора. Иногда родительские тревоги беспочвенны, подростковые увлечения проходят сами собой, независимо от педагогических усилий. Если же это действительно любовь, бороться с ней бессмысленно. Мелочный контроль, надзор, хождения по малограмотным психиатрам (настоящий специалист "менять" сексуальную ориентацию не возьмется) могут отравить подростку жизнь, заставить его лгать и прятаться, даже довести до самоубийства, но лучше от этого никому не станет.

Истинная родительская мудрость в драматической жизненной ситуации состоит в том, чтобы проявить терпимость и понимание к сыну или дочери, принять их такими, какими они себя видят, и поддержать их в этот самый трудный момент их жизни. От родительской помощи больше, чем от чего бы то ни было другого, зависит находящееся под ударом юношеское самоуважение, с которым, в свою очередь, связаны все остальные психологические свойства личности.

К сожалению, многие родители не выдерживают этого испытания. В бывшей ГДР информации об однополый любви было гораздо больше, чем в России, но понять своих гомосексуальных сыновей пытались только 19% матерей и 7% отцов; подавляющее большинство (70% матерей и 78% отцов) об их проблемах вообще не знали.

Многое могут сделать учителя и психологи. Поспешное и преждевременное - лишь бы снять мучительную неопределенность - юношеское сексуальное самоопределение может, как и в других сферах бытия, закрыть пути к более глубокому осмыслению собственных возможностей и стремлений. Даже если подросток не сомневается в своей сексуальной ориентации, что бывает далеко не всегда, преждевременно обнародовав ее, он рискует оказаться в изоляции в школе и дома и не выдержать враждебной реакции окружающих. Единственным противовесом домашней и школьной враждебности окажется в этом случае уличная среда, которая быстро и незаметно для него самого проституирует и криминализирует подростка, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому лучше отложить "выход" до совершеннолетия и осуществить его в более благоприятных условиях. Однако убедить в этом подростка можно, только если он увидит, что вы уважаете его право на выбор сексуальной ориентации и не пытаетесь им манипулировать.

"Голубые" юноши и девушки нуждаются в психиатрической и психологической помощи не потому, что они больны, а потому что они оказались в очень сложной ситуации, разобраться в которой может только специалист. К сожалению, найти такую помощь в России трудно, ни психологов, ни врачей этому не учат.

Вместо того, чтобы пытаться любой ценой изменить сексуальную ориентацию подростка, о чем умоляют и готовы платить любые деньги его родители, консультант должен исходить из реальных жизненных проблем самого подростка. Что его мучает? Трудности самопознания? Социальная изоляция? Необходимость скрываться? Чувство своей особенности? Страх и чувство вины перед родителями? Преследование и насилие? Неудовлетворенные сексуальные потребности? Пониженное самоуважение и суицидные намерения? Все это - разные проблемы, которые требуют разной психотерапии. И занимающийся этим человек должен быть в первую очередь психотерапевтом и только во вторую - сексологом.

СТИЛИ ЖИЗНИ И ЦВЕТА ЛЮБВИ

Типы и личности

Человек не из одного какого-нибудь побуждения состоит, человек - целый мир.
Федор Достоевский

Человека встречаешь и спрашиваешь себя, на кого он похож. И только уверившись, что существенное в этом человеке не его подобие с другими, а отличие от всех, начинаешь с интересом узнавать его и понимать в своеобразии.

Михаил Пришвин

Многие люди уверены, что геев можно безошибочно распознать по женственной внешности, высокому голосу и мягким манерам, а лесбиянок - по агрессивности и мужеподобию. Это, конечно, иллюзия. Стопроцентный "натурал" может иметь женственную внешность и высокий голос, а мускулистое тело бодибилдера - быть внешней оболочкой, скрывающей застенчивую женственность и гомоэротизм.

Разумеется, в любом стереотипе есть какое-то зерно истины. Многие мужчины-гомосексуалы в детстве отличаются мягкими, женственными чертами лица; своим матерям, сверстникам и посторонним наблюдателям они кажутся менее маскулинными, но более красивыми или "хорошенькими", чем обычные мальчики.

Взрослые геи также нередко отличаются более легкой, изящной фигурой. Например, при сравнении 318 молодых (от 18 до 22 лет) канадских геев и такого же числа гетеросексуалов, первые оказались в среднем на 1.5 см ниже ростом и на 5 кг легче вторых, а половое созревание они пережили на 1.2 года раньше. Теоретически, эти три свойства (более легкий костяк, менее развитая мускулатура и более раннее сексуальное созревание), которые больше характерны для женщин, чем для мужчин, могут быть показателями биологической, телесной феминизации геев. Но нельзя исключить и психологических факторов: подобно женщинам, "голубые" больше обычных мужчин заботятся о своей внешности, особенно о весе, строже соблюдают диету и т.д. Однако эти факты могут оказаться и случайными. Чтобы проверить эти предположения, нужны объективные антропометрические исследования на больших выборках.

К тому же за средними показателями скрываются громадные индивидуальные различия. На любой геевской тусовке можно встретить не только изящных, похожих на мальчиков, мужчин, но и толстых, грубых и волосатых (один из показателей маскулинности) мужиков. Сами геи распознают "своих" - эту способность, в основе которой лежит

тренированная интуиция, они называют "гейдар" или "геевский радар" - не столько по телесному облику, сколько по тонким психологическим признакам: особый взгляд, походка, жесты, манеры, повышенное внимание к привлекательным мужчинам и т.д. Некоторые из этих признаков возникают автоматически, сами собой, но большая часть вырабатывается путем подражания в процессе общения с себе подобными: надо же людям как-то обозначить, сделать себя узнаваемыми.

Социально-демографический профиль геев тесно связан с особенностями их общества. Западноевропейские и американские геи - преимущественно горожане. 27% американских геев и лесбиянок (и только 18% гетеросексуалов) живут в городах с населением свыше 3 млн., а 61% - свыше 1 млн. жителей. В больших городах у них есть свои излюбленные районы проживания, где они составляют значительное меньшинство, а то и большинство населения (например, в Западном Голливуде). Но, как мы видели выше, это объясняется не тем, что геи рождаются в больших городах, а миграционными процессами и поиском себе подобных.

Уровень образования американских, канадских и немецких геев значительно выше среднего. Например, среди восточногерманских геев доля интеллигентов вдвое превышала средние показатели по ГДР, а в ФРГ высшее и среднее специальное образование имели 59% опрошенных гомосексуалов.

Это объясняется главным образом психологическими факторами. По многим психологическим тестам (особенно по направленности интересов) гомосексуальные мужчины больше похожи на женщин, чем на гетеросексуальных мужчин, а лесбиянки - наоборот. В детстве эти различия проявляются особенно сильно. Школьные отметки "голубых" мальчиков, как правило, выше среднего уровня. Возможно, дело не столько в способностях, сколько в том, что у маленьких геев есть дополнительный стимул к учебе и интеллектуальному развитию: поскольку многие из них не могут преуспеть в типичной мальчишеской деятельности, спорте и соревновательных играх, они вынуждены искать другие пути самореализации.

При этом художественно-гуманитарные интересы у них решительно превалируют над практическими и естественнонаучными. Гомосексуальные мальчики везде и всюду предпочитают силовым и соревновательным видам спорта актерскую деятельность или танцы.

Это сказывается и на будущей профессиональной деятельности. Среди американских геев больше людей, имеющих собственное дело, и лиц так называемых свободных профессий (18% против 11% в среднем по США). Многие мужчины-геи предпочитают работе на производстве индустрию развлечений и сферу обслуживания (актеры, шоумены, дизайнеры, продавцы, парикмахеры и т.д.) В целом, это весьма успешная социальная группа, хотя представление, будто все они богаты, не соответствует действительности и продиктовано в значительной мере завистью.

Личные установки и ценности американских геев отличаются от типичных для "стоцентного американского мужчины". Они гораздо больше "натуралов" озабочены собственным Я. Интроспекцию, потребность в самопознании признали важной ценностью 43% геев и лесбиянок и только 23% гетеросексуалов.

Так называемая "геевская чувствительность" проявляется в повышенной эмоциональной возбудимости, ранимости и чувствительности к стрессам. Некоторым из них жизнь кажется слишком напряженной, они хотят сделать ее более спокойной, избегая рискованных профессий и лишней ответственности. Многие геи испытывают недоверие к миру и окружающим людям, подозревая их во враждебном к себе отношении (такая настороженность, коренящаяся в их личном и историческом опыте, типична для всех дискриминируемых меньшинств). В то же время их отличает повышенный артистизм.

Геи больше обычных мужчин заботятся о своей физической форме, состоянии здоровья и внешности, включая одежду, придают больше значения личному общению, охотнее выходят за рамки повседневности, выше ценят воображение и личное творчество. Это

типично не только для художников, но и для самых обычных геев-потребителей. Эгоцентризм и гедонизм, жажда удовольствий, новизны, развлечений и приключений часто приходят в противоречие с нормами традиционной буржуазной морали.

В отличие от типичного мужчины-"трудоголика", целиком поглощенного карьерой и зарабатыванием денег, геи умеют ценить разнообразный досуг, вкусную пищу, путешествия в дальние страны и т.п. Они тратят значительно больше времени на посещение магазинов и получают от этого больше удовольствия, чем "натуральные" мужчины, внимательнее следят за модой, покупают больше предметов роскоши, книг, произведений искусства, чаще ходят в театры. Эстетические качества обиходных вещей для них часто важнее утилитарных. В одном исследовании профессиональных интересов, "реальные" ценности предпочли 3% геев и 23% "натуралов", а художественные соответственно - 30% и 15%. В одежде геи чаще предпочитают новые, необычные, подчас вызывающие модели. Однако маркетинговые исследования показывают, что в сфере потребления, как и во всем остальном, геи не образуют единой группы и принадлежат к разным субкультурам.

Однозначного объяснения "геевской чувствительности" не существует. Одни ученые считают, что геи от природы обладают повышенными художественными способностями, благодаря особому сочетанию в их психике мужских и женских черт, которое помогает им преодолевать половую ограниченность. Другие объясняют высокий удельный вес гомо= и бисексуалов среди артистов и художников тем, что эти занятия дают им больше свободы, чем другие сферы жизни, жестко подчиненные полоролевым стандартам. Как писал американский писатель Томас Вулф, "юноше, похожему на девушку, не место среди бойскаутов, он должен уйти на Парнас". Кроме того, наличие в отрасли себе подобных объективно облегчает продвижение и карьеру.

Третьи полагают, что маргинальное положение невольных аутсайдеров в сочетании с повышенной чувствительностью дает геям особое видение мира, благоприятствующее художественным открытиям.

По словам американского писателя Дэвида Левитта, гомосексуальность, сделавшая его изгоем, одновременно заставила его посмотреть на мир как бы со стороны и увидеть то, чего не видят другие. С этим мнением согласны многие другие писатели-геи.

Однако важна не сама по себе сексуальная маргинальность, а индивидуальная способность творческого ее осмысления.

Кроме того, если геевский творческий потенциал создается прежде всего социальным гнетом, то по мере его ослабления он также будет ослабевать. Сходные взгляды высказывались и по поводу евреев. Тогда получается, что "еврейство" создается антисемитизмом, а "гейность" - гомофобией. В общем, спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство, а товарищу Макашову - за наше светлое будущее!

Как бы ни относиться к этим теориям, нужно помнить, что свойства определенной популяции или культуры не обязательно являются также свойствами всех принадлежащих к ней индивидов. "Голубое сообщество" психологически так же разнородно, как и социально-политически.

Среди геев есть не только либералы и "леваки", но и консерваторы, фашисты и антисемиты. Антисемитом, причем не интеллектуальным, а зоологически-нутряным, был, например, неоднократно цитируемый в этой книге Евгений Харитонов.

В отличие от старой литературы, предполагавшей наличие единого типа "гомосексуальной личности", современная психология считает, что гомосексуальные мужчины и женщины так же различны и многообразны, как и их сексуальное поведение и интересы.

На биологическом уровне анализа, эти индивидуальные особенности коренятся прежде всего в процессах половой дифференциации. Обследовав группу гомо= и бисексуалов на депрессию, тревожность и близкие к ним симптомы, американские сексологи нашли, что

эти болезненные симптомы сильнее всего выражены у гендерных дисфориков. Это вполне понятно.

Любой мальчик, проявляющий склонность к женским ролям и занятиям или явное отсутствие интереса к мужским ролям и занятиям, вызывает общественное неодобрение и это неизбежно порождает у него какие-то психологические трудности. Однако проблемы, связанные с недостатком маскулинности, сравнительно легко разрешимы: став взрослым, такой мальчик может найти подходящий для себя стиль жизни, избегать специфически мужских профессий и таким образом добиться жизненного успеха и избежать депрессии.

Напротив, гендерный дисфорик, который хотел бы родиться девочкой, не может осуществить свою мечту: даже смена пола удовлетворит его желания лишь частично и с опозданием, поэтому ему труднее избежать депрессии. Дело не столько в том, что он объективно "женственнее" других мальчиков, сколько в том, что он с раннего детства испытывает в связи с этим социальные и психологические трудности.

Эта тенденция характерна и для гомосексуалов: феминизированный, женоподобный гей имеет больше психологических проблем, чем тот, кто может легко сойти за "натурала"; это может сказываться и на его сексуальном сценарии, и на свойствах его личности.

Та же зависимость, но с противоположным знаком, существует и у лесбиянок. В прошлом веке их также считали психически больными и непригодными для "нормальной" жизни. Однако первые же сравнительные исследования лесбиянок и "натуральных" женщин показали, что лесбиянки не только не более невротичны, чем гетеросексуальные женщины, но часто даже лучше них приспособлены к жизни в обществе, где господствуют мужчины.

С появлением новых методов измерения фемининности, маскулинности и андрогинности, выяснилась несостоятельность и многих других стереотипов. По данным многих исследований, лесбиянки выглядят более энергичными и самостоятельными, чем обычные женщины, а их представления о своей сексуальной идентичности, зависят, как и у мужчин, прежде всего от господствующих социальных стереотипов и нормативных ожиданий, причем гендерные/половые свойства для них часто важнее сексуально-эротических.

Лесбийская идентичность, как и геевская, не является монолитной и у всех одинаковой. Хотя типичные "лесбийские автобиографии" воспроизводят один и тот же тип и процесс развития (непохожесть на других, мужеподобие, напряженные отношения с ровесницами и т.п.), за общими чертами скрываются существенные индивидуальные и социально-классовые различия.

Прежде всего бросаются в глаза о социально-психологические различия между маскулинными, мужеподобными "буч" и подчеркнута женственными "фем". Это разные типы женщин, с разными потребностями и стилями жизни. Поскольку мужеподобные "бучи" более видимы, массовое сознание склонно принимать за лесбиянок только их. Классическая схема сексологии начала XX века, по которой хищная мужеподобная "извращенка" совращает невинную жертву, полуженщину-полурепенка, до сих пор популярна в обществе.

Продолжается и спор о том, является ли разница между "буч" и "фем" врожденной или это просто сексуально-ролевые различия. Некоторые радикальные лесбиянки отвергают этот вопрос с порога, как нечто оскорбительное, но он так же правомерен, как обсуждавшийся выше вопрос о психологических особенностях феминизированных мужчин-геев. Не говоря уже о гипотетических, но более чем вероятных связях между телосложением и психикой, мужеподобные девочки имеют гораздо меньше шансов быть принятыми сверстницами и это накладывает отпечаток на все их психическое развитие. "Бучи" раньше "фем" осознают и открыто декларируют свою гомосексуальность и значительно больше представлены в политической и общественной сфере. Невротических реакций, характерных для феминизированных мужчин, у них нет, наоборот, они часто являются лидерами не только в женских, но и в смешанных группах. Однако с

сексуальной ориентацией это не связано. Сравнивая степень социальной приспособленности маскулинных, фемининных и андрогинных (это измерялось специальными тестами) мужчин и женщин, психологи нашли, что маскулинность для женщины во многих ситуациях выгоднее, чем высокая фемининность. Социальное раскрепощение женщин также благоприятствует этому.

Различия между "буч" и "фем" не следует абсолютизировать. Многие лесбиянки не причисляют себя ни к одной из этих категорий. Например, среди опрошенных в 1989/90 американских лесбиянок 18.5% определили себя как "фем", 14.7% как "буч", 47.9% сочли себя андрогинными, а 18.8% не нашли подходящего определения. Как и у обычных мужчин и женщин, различия в телосложении, психологии и сексуальном поведении лесбиянок сплошь и рядом не совпадают. Хотя по своим общепсихологическим свойствам, "бучи" выглядят более маскулинными, "фем" - более фемининными, а андрогинные лесбиянки - более андрогинными, существенной разницы в семейном статусе, отношениях с матерью, домашних ролях или в сексуальной практике (интенсивность половой жизни, способность испытывать оргазм, инициатива, сексуальная техника, получаемое удовольствие и выполнение инсертивной "мужской" роли), между этими тремя типами женщин не выявлено. Внешние формы поведения, одежда, манеры и прочее чаще всего подстраиваются под глубинные психологические свойства.

Короче говоря, геи и лесбиянки имеют некоторые типичные групповые особенности, но эти особенности не универсальны. Существуют разные психологические типы геев и лесбиянок, а за типами надо видеть личности. Это касается и сексуального поведения.

Секс, любовь и фантазия

Любовь, смотря по свойствам своего предмета, может быть и худшей из душевных страстей, и благороднейшим деянием.
Франческо Петрарка

... В культурном отношении однополая любовь явно так же нейтральна, как и другая; в обеих все решает индивидуальный случай, обе рождают низость и пошлость, и обе способны на нечто высокое.

Томас Манн

Феноменологически, по типу переживания, однополая любовь ничем не отличается от разнополой. Предметом любви является не пол, а конкретный индивид, точнее - его образ. Гомоэротические тексты, в которых отсутствует прямое указание на пол любимого, без малейшего труда принимаются за описание и выражение гетеросексуальных чувств, и наоборот. Иначе Пушкина читали бы одни "натуралы", Кузмина - только геи, а Пруст, превративший Альфреда в Альбертину, был бы никому не нужен. Главное - не объект, а субъект желания. Говоря словами Александра Володина, Дульцинея может быть какой угодно, был бы Дон Кихот Дон Кихотом. Но если существуют разные типы или "цвета" любви, причем разные люди неодинаково склонны к ним и это до некоторой степени зависит от их половой принадлежности, однополая любовь также может иметь свою специфику.

Главная экзистенциальная проблема любви - как слиться с другим существом и в этом слиянии утратить и затем заново обрести себя - в однополом варианте выглядит несколько иначе, чем в разнополом. Женщина всегда остается для мужчины Другой, с ней можно слиться только на мгновение, но при этом всегда остается различие и даже полярность. Влюбленный мужчина жаждет общаться с женщиной, обладать ею или отдаваться ей, ревнует ее к другим, но он никогда не идентифицируется с нею, не мечтает стать ею или таким, как она. Она - Другая, уподобиться ей невозможно.

В однополой любви присутствует иллюзия безграничности: влюбленный мечтает обладать предметом любви и одновременно - уподобиться ему или уподобить его себе. Грани между "быть" и "иметь" здесь зачастую размыты и неопределенны.

Герои романа французского писателя Мишеля Турнье "Метеоры" однояйцовые близнецы Жан и Поль настолько похожи и близки друг к другу, что их называют общим именем "Жан-Поль". Как большинство близнецов, мальчики в детстве имели сексуальные контакты друг с другом, позже их эротически привлекают одни и те же люди и с кем бы они ни общались, в конечном счете, их мысли и желания обращены друг к другу. Чтобы разорвать эту связь, Жан пытается жениться, но Поль разрушает его план. Любовь, связывающая близнецов, пишет Турнье, это привязанность к собственному подобию, где Другой - точная копия Я. Разнополая пара, напротив, держится на различии и взаимодополнительности. Гомосексуальная же пара стоит на полпути между этими полюсами, стараясь как бы создать близнецовую ячейку, но из разнородных элементов. Отвергая продолжение рода, развитие и время, гомосексуал постоянно и безуспешно "ищет брата-близнеца, с которым он мог бы слиться в бесконечном объятии".

Нерасчлененность потребности "быть" и "иметь" обнаруживается чуть ли не в каждой гомосексуальной автобиографии. Десятилетний Жене впервые осознал себя, когда однажды, увидев мальчика на велосипеде, вдруг почувствовал страстное влечение к нему и не мог решить, чего ему больше хочется: быть этим мальчиком или иметь его.

Первое эротическое чувство пятилетнего Мисимы при виде юноши-золотаря: "Хочу быть таким, как он", и тут же: "Хочу быть им".

"Я никогда не хотел трахать их, потому что хотел быть ими", - вспоминает свои впечатления в школьном спортзале Пол Монетт.

"Нет ничего более волнующего, чем воспринимать тело мужчины и думать, что между ним и тобой нет разницы" (Марсель Жуандо).

"Я люблю то, на что мне хотелось бы походить" (Сомерсет Моэм).

"Ничего не знать о другом, кроме его тела. И его имени... Целиком войти в тело другого и одеться в него. Уйти и жить одетым в другого, в другом. Войти в него, как в новую пижаму. Стать другим. Другим, любимым. Так мало других". (Ив Наварр).

"Я хочу быть тобой... Я хочу быть с тобой или быть хотя бы твоим совершенным зеркалом. Я хочу раствориться в каждой клеточке твоей ДНК...

Ты не представляешь, Денис, как я безумно хочу стать твоим ровесником, играть с тобой в футбол, ходить в бассейн... кто знает, что еще... Я хочу научиться правилам твоей игры. Игры в жизнь." (Дмитрий Бушуев).

"Знаешь, как тяжело понять и принять всю прелесть мужского одиночества. Одиночества в другом, никому не понятном смысле этого слова, кроме геев. Одиночества, когда ты с ним - один на один. И он - такой же, как ты, и ты - такой же, как он. Пара мужчин - как братья-близнецы, рожденные в одной утробе, встретившись один раз, чувствуют друг друга, знают друг о друге. Это больше, чем любовь, это труднее, чем любовь, это сильнее, чем любовь. Это вовсе не любовь." (Влад Юркун)

Нарциссическое упоение собственным телом, напряженный аутоэротизм и эксгибиционизм и одновременно - повышенная самокритичность, недоверие к себе, постоянная игра со смертью, страстный поиск. Другого и желание раствориться в нем или подчиниться ему... Фрейд и психиатры, которых сегодня обвиняют в гомофобии, не придумали эти симптомы, а только гипертрофировали их, недооценив, с одной стороны, их связь с социальными факторами, затрудняющими геям принятие себя, а с другой стороны - наличие огромных индивидуальных различий и вариаций (один любит себя в зеркале своей красотой, другой - своим безобразием), не связанных с сексуальной ориентацией.

Я думаю, что индивидуальные различия между геями в этом отношении значительно больше, чем групповые различия между геями и гетеросексуалами. Гомосексуальный

Вертер психологически ближе к гетеросексуальному Вертеру, чем к гомосексуальному Дон Жуану.

Философия и психиатрия склонны драматизировать особенности однополой любви. Но их можно рассматривать и в комическом ключе.

Ленивые и предубежденные полицейские, не желая утруждать себя раскрытием направленных против геев преступлений, охотно списывают их на "патологически сильную гомосексуальную ревность", порождающую кровавые разборки. Большею частью, это выдумки. Поскольку в гомосексуальных отношениях желание обладать партнером уравнивается идентификацией с ним, а общество не дает "голубым" тех исключительных "прав" друг на друга, которые существуют в гетеросексуальном браке, геи относятся к нарушениям нормы сексуальной исключительности терпимее гетеросексуалов, а сила и формы проявления ревности у них столь же индивидуальны. Геи часто отбивают друг у друга любовников, не доверяют друг другу, сплетничают, ссорятся из-за привлекательных молодых людей. Эти измены и перемены сразу же становятся известны всем и каждому, драматизируются и театрализируются. Иной раз все члены "голубой" компании успели переспать друг с другом и при случае готовы пойти по новому кругу.

По словам Эдмунда Уайта, геевская "ревность (я не хочу, чтобы ты спал с этим парнем) на самом деле может быть замаскированной формой желания или зависти (мне самому хочется спать с этим парнем). Много лет назад я был безнадежно влюблен в человека, который не хотел спать со мной, а сам был отчаянно влюблен в третьего парня. Мне так и не удалось соблазнить своего любимого, зато я получил довольно тщеславное и философское утешение, переспав со своим соперником. Он предпочел меня мужчине, которого я любил, и таким образом я стал соперником собственного возлюбленного. Подобный кульбит возможен только в геевской жизни".

Тщеславный "золотой мальчик" блондин Мелсон предпочитал жить с брюнетками, потому что не мог вынести мысли, что его партнер покажется кому-то более красивым, чем он сам.

А Уистан Оден однажды признался друзьям, что оказался "в тройной переделке: сексуально ревную, как жена, тревожусь, как мама, и соперничаю, как брат".

Столь же противоречиво выглядит соотношение любви и чувственности.

С одной стороны, гомосексуальное желание, вследствие объективных и субъективных трудностей его реализации, часто переживается и еще чаще притворяется по преимуществу духовным.

"Если страстное преклонение, хотя бы в самой чистой форме, направлено к женщине, оно бессознательно стремится к обладанию телом - к этому естественному символу самого тесного слияния. Но духовная страсть, привлекающая мужчину к мужчине, - какого выхода ищет она? Беспокойно бродит она вокруг предмета обожания, давая вспышки экстаза и никогда не находя полного удовлетворения" (Стефан Цвейг).

По мнению Томаса Манна, однополая любовь "почти обязательно - во всяком случае, более обязательно, чем "нормальная", - обладает духовностью".

На самом деле, это верно только для меньшинства геев. Мужская сексуальность по самой своей природе более телесна, чувственна и экстенсивна, чем женская. Всюду и везде мужчины имеют больше сексуальных партнеров, чаще меняют их, легче вступают в случайные, безлюбные связи и т.д.

Это имеет под собой не только социальные (господствующее положение мужчин), но и биологические основания (биологическая функция самца - оплодотворить как можно больше самок, остальное его зачастую не касается).

Сексуальная активность и число партнерш большинства "натуральных" мужчин регулируется институтом брака, моральными обязательствами, нежеланием брать на себя ответственность за рождение детей (пока не было эффективной контрацепции) и другими социальными и культурными факторами. У геев некоторых из этих ограничений нет, их

сексуальная активность, включая количество и сменяемость партнеров, выглядит исключительно гедонистической, оставляя далеко позади даже самых завязанных гетеросексуальных донжуанов.

В 1971 г. каждый седьмой опрошенный немецкий гомосексуал имел в течение жизни свыше 600, а некоторые (среди 31-35-летних таких было 11%) - свыше тысячи партнеров. В 1987 г, под влиянием эпидемии СПИДа, среднее число партнеров за последний год у немецких гомосексуалов снизилось в два с половиной раза (с 14.3 до 5.5 человек), а доля мужчин, имевших в течение года свыше 100 партнеров, уменьшилось с 5.7% до 1.7%. Соответственно изменились их установки и представления о норме. Тем не менее их сексуальность остается экстенсивной. Если среди гетеросексуальных немецких студентов в 1981 г. больше 5 партнерш за последний год имели около 5%, то среди гомосексуалов таким числом партнеров мог похвастаться каждый второй. Почему? Потому что геям труднее найти постоянного партнера или таков их свободный выбор? Однозначного ответа на этот вопрос нет, но важнее всего то, что за средними цифрами скрываются совершенно разные типы личности и стили жизни.

По данным крупного британского исследования, среднестатистический английский гей имел в течение жизни 38 партнеров, за последние пять лет - 16, за последний год - 4 и за последний месяц - одного. Но в нижней четверти выборки соответствующие цифры составляют 12, 5, 2 и 1, а в верхней - 181, 40, 10 и 2, максимальные же показатели - 25000, 1500, 300 и 40 партнеров. Хотя таких "максималистов" очень мало и психологически они представляют собой особую группу, ориентированную на экстенсивную сексуальную жизнь, они существенно влияют на средние показатели.

При качественном анализе картина еще больше усложняется. Что значит "случайный секс" или "случайный партнер"? Множественность связей? Их краткосрочность? Отсутствие избирательности? С кем попало? Где попало? Анонимность, отсутствие интимности? Сколько раз (или времени) нужно переспать с человеком, чтобы можно было считать его постоянным партнером? Это совершенно разные вопросы.

Мужской секс имеет целый ряд культурных (и одновременно психологических) градаций:

1. Одноразовый секс в общественных туалетах, где партнеры даже не видят друг друга (среди респондентов Кинзи этот опыт имели 10%).
2. Сексуальные контакты с незнакомыми мужчинами в банях, саунах, парках, на пляжах, "плешках", в темных комнатах баров и дискотек.
3. Одноразовый секс в более или менее комфортных условиях, дома или в гостинице.
4. Сексуальное партнерство, где люди связаны между собой только более или менее регулярным сексом.
5. Более или менее длительные партнерские отношения, предполагающие какие-то взаимные обязательства.
6. Сожительство с общим проживанием и домохозяйством.
7. Юридически оформленное домашнее партнерство или брак.

Проще всего сказать: "это хорошо, а это плохо". На самом деле эти типы отношений (они есть и в гетеросексуальной среде) отвечают разным психологическим потребностям, а степень их распространенности зависит от множества конкретных условий.

Возьмите хотя бы "туалетный" секс. "Вонючие храмы Приапа", как назвал парижские писсуары Харольд Норс, были важным элементом мужской гомосексуальной культуры с момента своего возникновения. Многие психиатры видят в этом свидетельство эмоциональной ущербности и неспособности геев к психологической интимности, любви и принятию связанных с ними обязанностей. Но в условиях дискриминации и полицейских преследований у гомосексуалов часто не было выбора; сегодня в цивилизованных странах, где мужчинам нечего бояться, удельный вес "туалетных" контактов стал гораздо меньше. Тем не менее они существуют.

Как замечает американская писательница Камилла Палья, "анонимный секс в темном закоулке - уплата дани мечте о мужской свободе (в России это назвали бы членскими взносами - И.К.). Незнакомый чужой мужчина - это странствующий языческий бог, а алтарем, как и в древности, может быть любое место, где ты преклоняешь колени. Натуральные мужчины, посещающие проститутку, так же героически стараются освободить секс от эмоций, долга, семьи, другими словами, - от общества, религии и детородной Матери Природы".

Многих мужчин, независимо от их сексуальной ориентации и социальных условий, в сексе больше всего привлекают новизна, доступность, разнообразие и безответственность. Гомосексуальность лишь гипертрофирует это.

Что анонимный секс - не столько гомосексуальный, сколько мужской феномен, экспериментально подтвердил психолог Дарил Бем. Он предложил своим студентам анонимно ответить на вопрос, хотели бы они посетить некое банно-спортивное заведение, где можно без огласки, на добровольных началах, заниматься безопасным гетеросексуальным сексом. Посетить такое заведение единожды пожелали в 2.3 раза, делать это "иногда" - в 4 раза и ходить туда регулярно - в 16 раз больше мужчин, чем женщин!

Одноразовый секс ради удовольствия не столь безличен, как его рисуют моралисты, а отсутствие интимности и любви кое-кому заменяет своеобразное чувство мужской солидарности: "Я ощущаю чувство братства со всеми мужчинами, с которыми я трахался".

Своеобразная поэтика одноразового секса хорошо описана в коротких рассказах современного французского писателя Рено Камю (родился в 1946, по профессии - преподаватель философии) "Трики". Английское слово "трик" обозначает одноразового сексуального партнера. Рассказы Камю - просто фрагменты из жизни, дневниковые записи.

Рено встречается с мужчиной, приводит его к себе или идет к нему; они осматривают и ошупывают друг друга, о чем-то разговаривают, большей частью ни о чем, раздеваются, занимаются сексом, спят и расстаются, чтобы, за редкими исключениями, больше никогда не встретиться. Ни любви, ни исповедей, ни переживаний. Каждый эпизод существует сам по себе: новый партнер - всегда новое отношение. Это не порнография, автор не старается развлечь или возбудить, а скупые мужские дневниковые записи.

На первый взгляд, все просто и стандартно. Камю "снимает" молодых мужчин строго определенного типа, сильных, мускулистых, обязательно волосатых. Тем не менее каждый случай индивидуален. При всей его скоротечности, этот секс весьма избирателен. Хотя двое мужчин ничего не знают и не хотят знать друг о друге, кроме того, что они возбуждают друга друга, их встреча по своему индивидуальна, и каждый в ней без слов раскрывается. При этом действует принцип равенства: мужчины предлагают, но не навязываются, часто застенчивы, боясь нарваться на отказ. В постели Рено внимательно следит за реакциями партнера, стараясь угадать и сделать то, что ему приятно. Полностью уважается право на уход, настаивать на чем-то не принято. Хочешь - пожалуйста, не хочешь - твоя воля.

Прочитав книгу, представляешь не только автора, но и некоторых "триков".

Однако секс с многими случайными партнерами несет в себе смертельную эпидемиологическую угрозу. Почти все люди, ведущие такой образ жизни, периодически лечатся от венерических заболеваний, многим пришлось заплатить за этот опыт собственной жизнью или жизнями своих близких. Он почти неизбежно вовлекает человека в криминальную среду, сексуальный контакт или его попытка нередко заканчивается ограблением, избиением и даже убийством. Велики и его психологические издержки - отчуждение, безлюбивость, дефицит человеческого тепла и интимности, "голубое одиночество".

Сменяющиеся партнеры приносят приятное разнообразие, но интимность и самораскрытие требуют постоянства и исключительности.

"Это - как путешествие... Только ты освоился на новом месте - где жить, где питаться, что смотреть и чего не смотреть, как уже пора уезжать. И ты начинаешь все сначала в другом городе" (Эндрю Холлеран).

Кочевая жизнь приятна не всем и не всегда.

Мои ночные дороги,

Мои хождения без толку:

Так носит голодной зимою

По лесу старого волка.

Мои оскалы и рыки,

Чтоб спрятать слезы и горечь,

А в след мне слышатся крики,

Что я последняя сволочь.

Уткнуться лицом в снег талый -

Закрыть глаза и забыться.

Мне нужно от вас так мало,

Чтоб было кому присниться...

(Влад Юркун)

В откровенно сниженной, сугубо сексуальной форме то же самое пишет Ярослав Могутин:

я себе нравлюсь таким как ты

ты себе нравишься таким как я

кончая в рот другу друг

мы образуем замкнутый круг.

Голубые мужчины не хуже остальных различают "любовь" и "секс" и так же точно мечтают о "настоящей", всепоглощающей любви. Потребность любить и быть любимыми безоговорочно назвали важнейшим условием своего личного счастья 70% восточногерманских геев, причем ориентация на любовь статистически коррелирует с силой влечения и с постоянством сексуальной ориентации. Однако удается это далеко не всем. С суждением "Я чувствую себя в последнее время одиноким" согласились в четыре раза больше гомо=, чем гетеросексуалов (29% и 7% процентов). У самих же геев острота переживания одиночества зависит в первую очередь от наличия постоянного партнера: среди имеющих постоянного партнера сильное одиночество чувствуют 9%, а среди не имеющих - 57%. От этого же зависит чувство счастья (45% против 6%) и сексуальной удовлетворенности (66 % против 9%). Иными словами, потребность в стабильных парных отношениях психологически автономна от сексуальных потребностей и зависит не от сексуальной ориентации, а от типа личности.

Техника однополого секса так же многообразна, как и гетеросексуальная. Отсутствие у однополых пар анатомической взаимодополнительности гениталий компенсируется повышенной эмпатией, т.е. способностью настроиться на эмоциональную волну партнера, почувствовать, что именно доставляет тому удовольствие и действовать соответственно этому. Вообразить себя на месте человека своего пола легче, это обогащает эротический репертуар геев и лесбиянок, тем более, что геи в среднем эмоционально чувствительнее обычных мужчин.

Это дополняется специфическими коммуникативными средствами.

В гетеросексуальном мире многие сленговые эротические слова табуированы, "мужской" язык неприемлем и оскорбителен для женщин, а другого словаря у людей нет. Геи обладают развитой эротической лексикой и свободнее выражают свои сексуальные чувства и переживания. Хорошо развита у них и невербальная коммуникация. В барах и дискотеках мужчины могут почти ничего не говорить, в некоторых ситуациях разговаривать вообще не принято, все происходит молча, разве что "спасибо" в конце, тем

не менее они отлично понимают друг друга. Секс сам по себе - мощное средство общения, позволяющее выразить самые разнообразные чувства и потребности - желание, нежность, ласку, заботу, господство, подчинение, интерес, скуку, ненависть, удовольствие, любовь.

В геевской субкультуре эротические предпочтения нередко обозначаются специальными опознавательными знаками. Отправляясь на поиски секса, мужчины показывают, что именно они хотят или готовы делать, с помощью специальных знаков, размещенных по разным сторонам тела. Левая сторона обозначает активную, правая - пассивную, рецептивную сексуальность. Серьга или ключ на боку слева или кольцо на левой руке означают желание играть активную, доминантную роль. Предпочитаемый вид сексуальной активности обозначается цветом: белый цвет означает мастурбацию (белый платок слева - мужчина хочет, чтобы мастурбировали его, справа - готовность мастурбировать партнера), голубой - оральный секс, синий - анальный секс, черный - садомазохистские склонности. Темно-зеленый цвет означает, что нужен военный мундир. Горчичный платок слева означает, что его хозяин обладает большим членом, справа - запрос на таковой. Одежда и украшения из черной кожи - знак "кожаного мужчины", который любит сильные ощущения (связывание, порку, опасный секс) и т.д.

Зачем нужны эти знаки, ведь гораздо интереснее открывать друг друга постепенно, в процессе общения?

Геи ценят флирт как самоценную часть процесса ухаживания не меньше "натуралов". Но их субкультура долгие годы была подпольной и закрытой и нужны были опознавательные знаки, по которым можно узнать своих и которые были бы непонятны для посторонних. Кроме того, в отличие от не поддающейся определению любви, сексуальные желания можно обозначить более или менее четко.

Быстрый и функциональный секс предполагает, что любой товар должен иметь понятную этикетку. Как в обувном магазине: если вам нужны туфли 42 размера, зачем примерять 38 или 45, которые заведомо не подойдут?

Наконец, в отличие от разнополых отношений, предполагающих в качестве всеобщей нормы половой акт (хотя на самом деле некоторые люди предпочитают другие сексуальные практики, проститутки даже имеют на них разную таксу), в гомосексуальных отношениях нет единой общепринятой техники: есть люди, которые занимаются только анальным или только оральным сексом или только взаимной мастурбацией. Если не уточнить условия заранее, неизбежны разочарования. Впрочем, эти знаки не универсальны и не обязательны, в России они вообще мало распространены.

Сексуальная техника одновременно индивидуальна и культурно-специфична. Хотя эрогенность всех телесных отверстий известна с незапамятных времен - древнейшее изображение фелляции, в виде медведя, лижущего извергающий семя член, относится к каменному веку - разные общества имели на этой счет разные предписания и предпочтения. Кроме того, сексуальная практика зависит от конкретных жилищных, гигиенических и других условий.

В начале XX в., по наблюдениям Хиршфельда, 40% гомосексуалов практиковали взаимную мастурбацию, столько же - фелляцию, 12% удовлетворялись трением друг о друга и только 8% занимались анальным сексом. С тех пор многое изменилось.

Самой статистически массовой формой гомосексуального удовлетворения является мастурбация. Разумеется, она не специфична только для геев. Ею занимаются не только почти все гетеросексуальные подростки, но и многие взрослые, состоящие в браке, мужчины и женщины. Повсеместный рост мастурбации обусловлен отчасти уменьшением мастурбационной тревожности, а отчасти страхом перед венерическими заболеваниями и СПИДом. Мастурбация - самый доступный, безопасный и контролируемый секс. Кроме того, она позволяет людям "проигрывать" их нереализованные сексуальные сценарии. Среди опрошенных в 1996 г. немецких студентов, 77% мужчин и 86% женщин считают ее не эрзацем чего-то недостающего, а самостоятельной формой сексуальности.

У геев, вследствие больших культурных запретов, нереализованных фантазий и трудностей нахождения партнера, мастурбация развита еще больше, чем у "натуралов". Как уже говорилось, они начинают мастурбировать раньше и делают это интенсивнее "натуралов". В 1987 г. у немецких гомосексуалов на мастурбацию приходилось 71% всех семяизвержений. Если гетеросексуальные 18-летние немецкие студенты мастурбировали в среднем 11 раз в месяц, то гомосексуалы - 25 раз, среди 26-30-летних аналогичные цифры - 7 и 15 раз в месяц. У взрослых частота мастурбации зависит прежде всего от наличия партнера, но даже если таковой имеется и пара ведет активную сексуальную жизнь, мастурбация обычно не прекращается, это не подсобная, а самостоятельная форма сексуального удовлетворения.

С этим связаны некоторые психологические проблемы. Аутоэротизм, когда сексуальные интересы человека замыкаются на самого себя, не синоним гомоэротизма. Однако у "натуральных" подростков аутоэротические чувства и практика дополняются и перекрываются гетеросексуальными фантазиями, у гомосексуалов такого психологического противовеса нет. В дальнейшем это может способствовать нарциссической самоизоляции, самоудовлетворение лишено коммуникативного начала, без которого невозможно ни самораскрытие, ни чувство слияния с другим. К сожалению, вытекающие отсюда клинические и психологические проблемы, которым уделял большое внимание психоанализ, в политически ангажированной геевской психиатрии недооцениваются.

Вторая по степени распространенности гомосексуальная практика - оральный контакт, фелляция. Разные культуры относились к ней по-разному. Папуасы Самбии смакуют и обсуждают запах и вкус семени с таким же упоением, как наши гурманы - вкус сыра или букет вина, а у их соседей это вызывает отвращение. Сильное предубеждение против орального секса существовало и в викторианской Европе.

Английский писатель Джо Рэндольф Акерли (1896-1967) рассказывает, что когда в студенческие годы более искушенный приятель описал ему свои сексуальные отношения, в которых фелляция занимала центральное место, это показалось Акерли настолько отвратительным, что долгое время он думал об этих людях с величайшим отвращением, как о чудовищах, хуже зверей, и, однажды встретив их, удивлялся, что у них вполне обычные лица. Эти предрассудки разделяли и социальные низы. Когда, преодолев свои колебания, Акерли "отсосал" у юного матроса, в которого был страстно влюблен и который относился к нему с уважением и симпатией, тот сразу же прервал отношения, найдя такие ласки недостойными джентльмена.

Сегодня оральный секс считают нормальным и практикуют 75 - 80% гетеросексуальных мужчин и женщин. У геев фелляция - второй по частоте, после мастурбации и взаимной мастурбации, способ сексуального удовлетворения.

Деление партнеров по оральному сексу на "активных" и "пассивных" сексологически нелепо: рецептивный партнер, который сосет, лижет и т.д., часто активнее инсертивного, соответствующие умения и навыки высоко ценятся в геевской среде. Выбор позиции чаще всего - дело индивидуального вкуса, причем партнеры нередко меняются ролями. Однако старшим или менее привлекательным мужчинам чаще приходится выполнять рецептивную функцию, которая некоторым кажется унижительной и женственной. Различаются они и в коммерческом сексе.

Многие хаслеры (мужчины-проституты) позволяют клиенту "обслуживать" себя, но сами к нему не прикасаются. Это помогает им поддерживать представление о себе как о гетеросексуальных мужчинах. Такую психологию исповедуют и многие подростки: пока кто-то сосет или лижет меня, я "нормален", но ответный жест сделает меня презренным "гомиком".

Более проблематичным кажется анальный секс. Анальная интродукция больше всего напоминает коитус, поэтому многие ассоциируют гомосексуальность именно с ней. В то же время это самая неудобная, негигиеничная и трудоемкая сексуальная деятельность. В

европейской культуре анальный секс всегда подвергался наибольшей стигматизации, вызывая множество возражений, от религиозно-философских до гигиенических, именно его подразумевали под "неназываемым пороком". Поскольку рецептивная анальная позиция ассоциировалась с феминизацией и потерей мужского достоинства, многие мужчины, которым она нравилась, старались заменить ее чем-то другим. К тому же оральный секс легче, быстрее и незаметнее практиковать в общественных местах.

В середине XX в. анальный секс стал гораздо более распространенным и видимым, но под влиянием СПИДа в гетеросексуальной среде, особенно среди более образованных людей, его популярность снова резко уменьшилась. Хотя этот опыт имеют 20 -30% молодых гетеросексуальных мужчин, систематически практикуют его немногие (во Франции - только 3%).

Гомосексуалы отказаться от него не могут. В Германии конца 1980-х его практиковали четыре пятых, в Англии начала 1990-х - 70% опрошенных геев. Хотя большинство геев не отождествляют гомосексуальность с анальным сексом, они считают его уникальным переживанием, в котором нет ничего постыдного. Однако разброс мнений довольно велик. С мнением, что анальная пенетрация - самая приятная форма секса, согласились только четверть, а полностью - лишь 11% опрошенных английских геев, но 47% сказали, что без него они просто не представляют себе секса, так же, как "натуралы" не могли бы обойтись без вагинального полового акта.

Сексуальная техника связана с глубинными психологическими процессами личности. У. Оден предполагал, что в акте фелляции символически представлено отношение мальчика к матери, тогда как анальная интромиссия - иномформа отношений мужчины и женщины; поэтому, чтобы понять психологию гомосексуала, надо знать, что именно он делает в постели. Однако достоверных клинических данных по этому вопросу нет.

Главное отличие современной гомоэротики от традиционной состоит в том, что позиционно-ролевые различия - кто кого "трахает" - из заданных и социально-иерархических становятся индивидуальными, добровольными и значительно менее жесткими.

Один американский морской пехотинец (некоторые из этих бравых парней, вопреки стереотипу, охотно выполняют рецептивную роль) на вопрос, считает ли он себя "верхом" или "низом", ответил, что он ни то, ни другое: "Я - верх, которому нравится, когда его трахают". В большинстве случаев я играю доминантную роль, и чем маскулиннее тот, кем я овладеваю, тем больше моя гордость. Но если встречается кто-то более сильный, я готов отдаться ему, в этом тоже есть элемент самоутверждения.

Среди немецких геев, практикующих анальный секс, исключительно инсертивную, "активную" роль выполняли 18%, только рецептивную, "пассивную" - 12%, а 70% обследованных в разных пропорциях чередовали обе позиции. Среди английских геев, "активную" роль предпочитали 43%, "пассивную" - 40%, но практически большинство (61%) чередуют обе позиции. Помимо устойчивых индивидуальных предпочтений (предпочтение рецептивной позиции статистически связано с атипичным, женственным поведением в детстве), это зависит от ситуации и характера партнерских отношений. Анальным сексом чаще занимаются с постоянными, чем со случайными партнерами, причем с постоянным партнером позиции обычно чередуются, а со случайными - нет.

"Активная" позиция ближе к гетеросексуальной практике, не обременена стигмой и легко позволяет достичь оргазма. Рецептивная позиция выглядит менее физиологичной, ассоциируется с подчиненностью и требует специальной физиологической (смазка) и психологической (умение расслабиться, преодолеть чувства страха и тревоги) подготовки. Популярные руководства по гомоэротике подчеркивают, что первый анальный контакт физиологически и психологически не менее сложен, чем дефлорация девушки, поэтому с неопытным или эгоистичным партнером, который будет спешить и думать только о себе, лучше не связываться.

Физиологически склонность к рецептивной позиции может быть связана с повышенной индивидуальной чувствительностью анального отверстия, предстательной железы и прямой кишки. Некоторые гетеросексуальные мужчины и женщины также любят, чтобы во время любовных ласк им раздражали и щекотали задний проход. Но главное здесь, как в любом сексе, не физиологические рефлексы, а психические переживания.

Психологические смыслы анального секса многообразны. Некоторые геи видят в нем ядро своей сексуальной идентичности: "Это больше, чем что-нибудь другое, позволяет мне чувствовать себя геем". Для других это прежде всего "восхитительное чувство, я просто не могу без этого"; "мне нравится, когда меня трахают". Некоторым анальный секс дает самый сильный оргазм: "Трахать кого-то - самый лучший и наиболее физиологичный путь к оргазму"; "кончить, когда кто-то находится во мне, - величайшее наслаждение". Анальная интросмиссия ассоциируется с максимальной телесной близостью, любовью и интимностью: "Главное - абсолютная близость, телесная открытость", "это высшее проявление любви и интимности". "Пассивный" партнер реализует таким образом свою потребность в безоговорочной самоотдаче, а "активный" - в овладении другим. Если одни мужчины подчеркивают момент доверия и релаксации, то другие - мотивы власти, господства и подчинения: "Это демонстрация могущества и власти", "Это делает меня сильным, мне нравится быть сверху" или "Мне приятно чувствовать себя беспомощным, когда меня трахают и кто-то обладает властью надо мной". Но это не обязательно связано с сексуальной позицией. Некоторые мужчины, предпочитающие быть "снизу", говорят, что именно в этой позиции они обладают наибольшей властью над партнером, от них зависит не только "дать" или "не дать", но и как именно это сделать. То есть опять-таки на первом плане оказываются индивидуальные различия.

Особенно деликатная проблема гомоэротики - так называемый "авторитарный", "кожаный секс" (Leather sex) или "связывание и дисциплина" (bondage and discipline); психиатры называют это садомазохизмом (СМ). Существуют по крайней мере три разных сексуальных сценария, которые лишь с натяжкой можно считать разными степенями "одного и того же".

1. Господство и подчинение не требует от участников ни боли, ни унижения, оно только жестко инсценирует разные степени и формы властных отношений: учителя и ученика, отца и сына, тюремщика и заключенного, начальника и подчиненного. Господствующий партнер ("Хозяин" или "Верх") обладает властью и инициирует все сексуальные действия, а подчиненный ("Низ", "Мальчик", "Раб") несвободен и подвергается танталовым мукам: его наказывают задержкой или лишением удовольствия, сексуально возбуждают, дразнят, не позволяя получить желаемую разрядку.

2. Связывание и дисциплина усугубляет ролевое неравенство безусловной физической зависимостью одного партнера от другого, включая связывание, специальные упражнения и наказания. Беспомощность освобождает человека от ответственности за участие в сексуальных действиях: не я делаю, а со мной делают. Это позволяет проигрывать и такие фантазии, в которых он сам себе не признается (не он мастурбирует, а его мастурбируют, не он сосет, а его заставляют сосать).

3. Собственно садомазохизм прибавляет к этому чувство унижения и физической боли. Хотя границы допустимого устанавливаются в самом процессе сексуальной игры - иначе она была бы неинтересна - она является добровольной. Как только "низ" или "раб" подаст заранее оговоренный сигнал, "пытка" прекращается.

Склонность к "авторитарному" сексу распространена среди гетеро=, гомо= и бисексуалов приблизительно одинаково. Однако геи, в отличие от "натуральных" мужчин, чаще предпочитают подчиненные, зависимые роли, мазохизм им ближе садизма. Например, в компьютерных объявлениях, авторы которых выражали желание "поиграть" в связывание, доминантную роль хотели играть 71% гетеросексуальных мужчин, 11% гетеросексуальных женщин и только 12% гомосексуальных мужчин, тогда как подчиненно-рецептивную роль предпочитали 29% "натуральных" мужчин, 89% женщин и

88% геев. Так же выглядят надписи и рисунки в мужских туалетах: 71% гомосексуалов предпочитают подчиненно-рецептивную роль, 21% - доминантно-активную и 2% хотели бы меняться позициями.

Психиатры долго и безуспешно пытались найти "этиологию" садомазохизма или единый тип "садомазохистской перверсии". На самом деле какие-то элементы ее присутствуют во всех эротических фантазиях и действиях. Добровольные садомазохисты, в отличие от психотиков, в своей эротической игре не пытаются и не унижают, а дразнят, тантализуют и затем удовлетворяют друг друга. Их странное поведение - театр, игра как психологическая самозащита против импульсов враждебности, жестокости или вины. С настоящими насильниками и террористами эти люди предпочитают дела не иметь и считают их сумасшедшими.

Сущность мазохизма, по определению французского философа Жюль Делеза, - переживание ожидания и подвешенности: "Форма мазохизма - это ожидание. Мазохист - это тот, кто переживает ожидание в чистом виде. Чистому ожиданию свойственно раздваиваться на два одновременных потока: один представляет то, чего ожидают и что по сути своей запаздывает, всегда задерживаясь и всегда оказываясь отложенным; другой же представляет то, чего ждут, чего поджидают и что одно только и могло бы ускорить пришествие того, чего ожидают. Само собой разумеется, что подобную форму, подобный ритм времени с двумя его потоками, заполняют те или иные сочетания удовольствия-боли. Боль осуществляет то, чего ждут, удовольствие - то, чего ожидают. мазохист ожидает удовольствия как чего-то такого, что по сути своей всегда задерживается, и ждет боли как условия, делающего, в конце концов, возможным (физически и морально) пришествие удовольствия".

Авторитарная сексуальная практика уходит своими историческими корнями в древние обряды мужских инициаций, пережитки которых до сих пор сохраняются в некоторых закрытых мужских сообществах. Эти ритуалы имеют три главных этапа: 1) отделение - иницируемый изымается из привычной среды и лишается своих обычных атрибутов; 2) переход - период испытаний, трудностей и пыток, когда мальчик сам себе не принадлежит, освобождается от прежней идентичности и обретает новую; 3) инкорпорацию - включение в новую общность и обретение новых прав и обязанностей.

Ритуал вступления в сообщество включает связывание посвящаемого, раздевание его догола, привязывание или подвешивание к чему-то, осмотр и ощупывание его гениталий, шлепанье или настоящую порку, иногда символическое или реальное изнасилование. Социальный смысл этих ритуалов - безоговорочное подчинение группе и ее лидерам, готовность принять ради членства в ней боль и унижение. Посвящаемый/испытуемый не знает, что его ждет. Необычное состояние вызывает у него сильное сексуальное возбуждение, которое разряжается столь же непривычным и не зависящим от его воли способом, и только тогда, когда захотят и позволят "братья". За этой добровольно-вынужденной потерей маскулинности следует ее новое обретение в виде признания со стороны мужского братства, новая мужская идентичность, не данная от рождения, а полученная от старших мужчин.

Когда одного специалиста по связыванию спросили, "Что ты скажешь мужчине, которого ты только что связал?" тот ответил: "Мужчину не связывают. Связывают мальчика. Младшего брата. Сына. Мужчины - те, которые связывают". Раздетый и связанный мужчина низводится до положения маленького мальчика (сходство иногда усугубляют сбриванием волос на теле), который отдается во власть другого, "настоящего" мужчины, каким он может стать лишь после того, как на следующем витке своей карьеры он сам "превратит в мальчика" другого. Такова психодинамика многих жутковатых вещей, вплоть до армейской дедовщины.

Хотя практикующие такие ритуалы мужские сообщества отличаются публичной мизогинией (женоненавистничество) и крайней гомофобией, в них всегда присутствует сильный латентный гомоэротизм. Недаром ритуалы (большой частью выдуманные)

посвящения в мужские студенческие или воинские братства широко представлены в гомосексуальной эротической литературе и порнографии.

Некоторые геевские теоретики возмущаются поэтизацией насилия и отношений господства и подчинения, считая, что в основе ее лежит ненависть гомосексуалов к самим себе и потребность воспроизводить собственное прошлое унижение: евреи не играют в Освенцим, черные не играют в невольничий рынок, а геям зачем-то нужно пороть друг друга или строить игрушечные камеры пыток! Но мазохистская эротика не обязательно связана с опытом реального унижения и рабства, разве что в мальчишеских играх в казаки-разбойники, она большей частью компенсаторна: "низом" хотят быть образованные, состоятельные и высокопоставленные мужчины, которые в реальной жизни находятся как раз "наверху".

"Перевертывание" отношений представлено и в гомоэротическом фольклоре. В реальном быту младших подростков нередко унижают и сексуально эксплуатируют старшие братья и сестры. В интернетном же собрании любительских гомоэротических рассказов часто проигрывается противоположная ситуация: с помощью друга-сверстника младший брат раздевает, связывает и подвергает сексуальным унижениям (мастурбация, сбивание волос на лобке, принудительный оральный секс и полное сексуальное рабство) старшего, причем последний не только принимает подчиненный статус, но и получает от этого удовольствие.

Психофизиологически, садомазохистский секс создает стрессовую ситуацию. При больших физических перегрузках, организм выделяет естественные опиоиды, так называемые эндорфины, вызывающие у человека блаженное состояние эйфории и одновременно блокирующие передачу в мозг болевых сигналов, повышая тем самым порог терпимости; человек уже не чувствует боли и не может сказать "довольно". Это очень опасный момент, когда власть и ответственность Господина становятся абсолютными. Но за напряжением и болью наступает легкость, похожая на религиозный или наркотический экстаз эйфория, а между Господином и Рабом возникает особая, почти мистическая, психическая связь.

Вот что рассказал мне учитель математики и физики и одновременно - буддийский монах, знаток антропологии и истории религии Норман МакКлелланд. В отношениях со своим нынешним партнером, Норман - Раб, но в других ситуациях он бывает и Господином. Я спросил Нормана, действительно ли ему нравится испытывать боль или это только ее игровая имитация. Нет, сказал он, мне нужна настоящая, сильная, едва выносимая боль. Зачем? Чтобы снять избыточный самоконтроль. Нормана воспитывала мать-алкоголичка и мальчику пришлось очень рано взять на себя ответственность не только за себя, но и за нее. Профессия учителя также требует самоконтроля. И хотя для Нормана это привычно и вполне органично, у него есть также потребность расслабиться, почувствовать себя слабым и маленьким. Это достигается связыванием и поркой. Боль, заставляющая мужчину кричать и плакать, снимает его внутреннее напряжение и приносит не просто семяизвержение, а очищение, освобождение, настоящий оргазм. Это своего рода момент истины, где нет ни стыда, ни самоуважения, ни условностей, все вывернуто наизнанку. После этого можно снова жить и работать. А партнер Нормана получает удовольствие от своей власти над ним и от того, как он преображается от его усилий. Если его и можно назвать садистом, то совсем не в смысле маркиза де Сада.

К сожалению, разграничить условное, игровое и реальное насилие не всегда легко. Если в роли Господина окажется настоящий садист, склонный к злоупотреблению властью или просто посторонний и неопытный человек, игра может закончиться плачевно. Когда хозяина ограбленной квартиры обнаруживают голым и связанным, это еще не самое страшное.

Некоторые гомосексуальные техники опасны и неприемлемы с точки зрения гигиены и эпидемиологии. При так называемом "фистинге" (fisting, от слова fist - кулак), когда в задний проход засовывают кулак и всю руку по локоть, нередко разрываются стенки

прямой кишки. "Rimming" (анилингус) - вылизывание заднего прохода или засовывание туда языка - способствует переносу желудочно-кишечных инфекций. Анальная интросмиссия без предохранения - самый вероятный способ передачи ВИЧ и т.д. Но столь же несимпатичные и негигиеничные игры существуют у гетеросексуалов. Как сказал когда-то блаженный Августин, мы рождаемся между мочой и калом. Самые брезгливые люди вообще не занимаются сексом, а остальные находят приемлемый для себя и других модус вивенди. Говорить об этом надо спокойно и аргументированно, что и делают современные учебники гомозротики, которые на Западе свободно продаются в самых обычных книжных магазинах. Когда несколько лет назад канадские власти попытались запретить распространение одной такой иллюстрированной книги за то, что она "пропагандирует анальный секс", мудрый судья (бывают и такие) дело прекратил, написав в официальном заключении, что говорить о гомосексуальности, не касаясь анального секса, - то же самое, что писать историю музыки, не упоминая Моцарта.

Несколько слов о лесбийских отношениях. Их "хореография" не повторяет гетеросексуальных моделей поведения, ухаживания и т.п., это специфически женские отношения, со своим особым языком и символикой, которые мужчине трудно понять. Лет 25-30 тому назад некоторые политически ангажированные американские лесбиянки предпочитали вообще не говорить о сексе. В ироническом описании одной "сексуально некорректной" американской лесбиянки, при "политически правильной" любви две женщины лежат рядом друг с другом (верх и низ запрещены, это иерархия) и несколько часов нежно ласкают друг друга, непременно все тело (лесбиянка не ориентирована на генитальный контакт и "патриархальный" оргазм); если же оргазм все-таки происходит, он обязательно должен быть одновременным, чтобы обеспечить женщинам полное равенство. Сегодня это вызывает только смех.

Благодаря телесной открытости и повышенной эмпатии, многие лесбиянки получают больше чувственной радости от секса, чем "натуральные" женщины. Они чаще мастурбируют и чаще испытывают оргазм с партнершей. Дело здесь, по-видимому, не в их психофизиологических особенностях или в том, что однополый секс "лучше", а в том, что лесбиянки придают больше значения сексуальности и добиваются удовлетворения своих желаний, тогда как обычные женщины часто стесняются их сформулировать и вынуждены терпеть мужскую некомпетентность.

Мужчинам, заикленным на собственному пенисе, "женский" секс кажется "ненастоящим". Но женские сексуальные реакции не так сильно локализованы в гениталиях. Иногда это переживается как проблема:

Как мало мне дано для сочлененья
с тобою впадин, выступов, пазов...
Как мало мне дано природой-дурой:
пристраивать в единственный зазор
несложную мужскую арматуру.
(Вера Павлова)

Однако сексуально раскрепощенная женщина чувствует и реагирует не только своими гениталиями, но всем телом. Это проявляется как в разнополых, так и в однополых отношениях. Диффузность женской сексуальности позволяет лесбиянкам без особого труда компенсировать отсутствие мужского члена. Их сексуальный репертуар почти так же богат, как и репертуар гетеросексуальных женщин. 90 процентов лесбиянок с удовольствием мастурбируют. Широко распространены мануально-генитальные и орально-генитальные ласки. Реже (порядка 40 процентов) используются дилдо и вибраторы. Около 1 процента играют в садомазохистские игры. В отличие от мужчин, конкретные сексуальные техники и игры большей частью не имеют для лесбиянок самодовлеющего значения, выступая скорее как моменты общей телесной и эмоциональной близости.

В последние годы исключительно важную роль в геевской жизни (в том числе - в России) стал играть интернет. Во-первых, он безгранично расширяет круг общения. Теперь люди, даже живущие в глухой провинции, могут находить знакомых и потенциальных партнеров в любой части земного шара, не рискуя "засветиться" или нарваться на оскорбление. Во-вторых, интернет позволяет примерять и проигрывать разнообразные новые роли и идентичности. Это особенно важно для тех, кто чувствует себя в чем-то неполноценным. Старый человек может представляться и вести себя, как юноша, уродливый - стать красавцем. Разумеется, при личной встрече обман обнаружится, но некоторым людям флирт в какой-то степени заменяет физический контакт. По интернету можно не только разговаривать, но и заниматься сексом, сочетая зрительные образы со звуками, стонами и т.п. Виртуальный секс дает возможность материализовать самые необычные эротические образы и ситуации, на которые человек никогда бы не осмелился в "реальной" жизни. Для геев, сексуальная жизнь которых в значительной степени протекает в воображении, это особенно ценно. Вероятно, в скором будущем виртуальная реальность станет эффективным средством не только сексуальной разрядки, но и сексуальной терапии.

Возрастные предпочтения и каноны красоты

Глубочайшая основа нашего бытия

индивидуальна, как в переживаниях, так и в мыслях...

Все виды животных, вероятно, не так сильно отличаются друг от друга, как один человек от другого.

Иоганн Готфрид Гердер

Одно из самых серьезных обвинений против геев заключается в том, что они преследуют и совращают мальчиков. Для обыденного сознания гомосексуальность, педерастия и педофилия - синонимы. На самом деле это не так.

В сексологической литературе сексуальное влечение к младшим по возрасту, социально или сексуально несовершеннолетним, независимо от их пола, подразделяется на три категории:

1. педофилия, влечение к допубертатным детям;
2. гебефилия, влечение к пубертатным подросткам, от 12 до 14 лет;
3. эфебофилия, влечение к постпубертатным подросткам и юношам, от 14 до 18 лет.

В отличие от первых двух категорий, которые употребляются в качестве диагнозов, эфебофилия считается психологически нормальной, хотя в некоторых странах удовлетворение такого желания противозаконно, это зависит от легального "возраста согласия". Влечение к взрослым, половозрелым мужчинам называется андрофилией.

Вопреки стереотипу, подавляющее большинство "голубых" мужчин - андрофилы, которые предпочитают иметь дело не с маленькими мальчиками или подростками, а с представителями собственной возрастной группы, причем возраст идеального или предпочитаемого партнера большей частью меняется вместе с собственным возрастом мужчины. Доля педофилов (они сами называют себя "бойлаверами", мальчиколюбами, большей частью не уточняя возраста предмета своего вожделения) среди геев практически такая же, как и среди гетеросексуальных мужчин. Педофилия - особая, отличная от гомосексуальности, сексуальная идентичность. Для некоторых педофилов пол ребенка вообще неважен. Бойлавера привлекают исключительно допубертатные мальчики или младшие подростки, он не будет спать ни с девочкой, ни со взрослым мужчиной. Наоборот, андрофил, которого привлекают взрослые мужчины, не интересуется маленькими мальчиками. Это обстоятельство учитывается даже при судебно-медицинской экспертизе по делам о совращении несовершеннолетних.

Какова статистика возрастных предпочтений у гомосексуалов? У 41. 3% белых мужчин в гомосексуальной выборке Кинзи большинство сексуальных партнеров были

ровесниками и еще 20.7% имели "много" и "очень много" таких партнеров. Старшие партнеры преобладали у 32.7%; младших партнеров вовсе не имели 40.9%, "немногих" - 33.2%, нескольких - 7.9%, многих - 6.1%, очень многих - 2.2% и большую часть - 9.7%. Еще более показателен возраст самого молодого сексуального партнера с тех пор, как респонденту исполнилось 18 лет. У 33% это были восемнадцатилетние, у 11.8% - семнадцатилетние юноши, у 18.1% - 14-16-летние подростки и только у 6.3% - мальчики младше 13 лет. Три четверти белых и 86% черных сан-францисских геев не имели по достижении 21 года сексуальных партнеров моложе 16 лет, а у остальных юноши составляли меньше половины общего числа партнеров. По данным Джозефа Харри, юноши и молодые 20-25-летние мужчины чаще всего предпочитают партнера немного старше себя, 25-35-летние - своего возраста, а мужчины старше 35 лет - моложе себя. В большинстве случаев "оптимальная" разница в возрасте колеблется от 2 до 5 лет. Средняя разница в возрасте реальных сексуальных партнеров также была около 5 лет, хотя на полюсах она значительно больше.

Интерес к сексуальным партнерам того или иного возраста тесно связан с предпочитаемым типом телосложения. Некоторых гетеросексуальных мужчин привлекают пышные, большегрудые женщины, у которых всего "много", а другим больше нравятся полуженщины-полумальчики, женственность которых приглушена и не бросается в глаза. Столь же различны эротические предпочтения гетеросексуальных женщин.

Гомосексуальный канон мужской красоты и привлекательности примерно тот же, что у обычных мужчин и женщин, и так же многообразен. Если отвлечься от деталей, есть три главных архетипа мужчины, с каждым из которых ассоциируется определенный набор телесных и психических свойств: 1) сильный и мужественный мужчина (охотник, воин, борец и т.д.), 2) женственный, мягкий андрогин, полумужчина-полуженщина и 3) пубертатный подросток или юноша, полумальчик-полумужчина.

В дворянской культуре XVII-XVIII вв. женственная внешность и расслабленность считались признаками аристократизма и всячески культивировались. Прекрасные Адонисы Тициана и Рубенса, с нежными чертами лица и округлыми формами тела, так же гетеросексуальны, как и их авторы. Ван Дейк, имевший огромный успех у женщин, на знаменитом автопортрете изобразил себя томным юношей с расслабленной кистью (это считается одним из самых надежных внешних признаков гомосексуальности). Так же изысканно нежен на его портрете граф Леннокс, в туфлях на высоких каблуках и с длинными локонами. Еще раньше Пьеро ди Козимо изобразил нежным юношей с вьющимися волосами и расслабленной кистью спящего после утомительной ночи любви с Венерой Марса. Этот канон женственной маскулинности резко изменился под влиянием пуританства, когда для мужчины стало модно быть не изящным, а сильным и суровым.

Хотя мера притягательности этих образов исторически и индивидуально изменчива, большинство современных европейских и американских гомосексуалов склоняются в сторону первого типа. 76.5% опрошенных Кинзи белых гомосексуалов сказали, что предпочитают маскулинных и только 9.2% - женственных партнеров. На вопрос "Какой тип мужчины для вас наиболее сексуально привлекателен?" почти две трети западногерманских гомосексуалов выбрали "особенно маскулинный" и только каждый шестой - "мягкий, женственный тип"; 39% предпочли "того, у кого большой член". Отвечая на сходный вопрос, четверть сан-францисских геев отдали предпочтение типично мужской внешности (волосатое, мускулистое тело и большие гениталии) и почти никто - фемининной. То же самое показывает анализ эротических фотографий, литературных описаний и частных объявлений. Многие объявления в геевской прессе прямо просят женственных мужчин "не беспокоиться". Женоподобные мальчики и мужчины в гомосексуальной среде - такие же, если не большие, изгои, что и среди "натуралов". Сексуально их предпочитают главным образом мужчины, находящиеся в местах заключения и видящие в них как бы эрзац-женщин.

От чего зависят эти эротические предпочтения, точно неизвестно (даже относительно гетеросексуалов, которых изучают гораздо дольше). Иногда подбор идет по принципу дополнительности: маскулинные мужчины предпочитают более мягких и женственных и наоборот. Но чаще это поиск собственного подобия: чем маскулиннее выглядит и/или кажется себе мужчина, тем сильнее он хочет иметь такого же или еще более маскулинного партнера. Ориентация на гипертрофированную маскулинность (тип "мачо") коррелирует не только с особенностями телосложения (например, многие волосатые мужчины тянутся к таким же волосатым, есть даже специальные клубы и сообщества "медведей"), но и с характером сексуального поведения субъекта. Немецкие гомосексуалы, имевшие многих партнеров, явно предпочитают гипертрофированно-маскулинных мужчин, с большим членом, волосатой грудью и грубыми, властными манерами, нежные и ласковые мужчины им не нравятся. Завсегдатаи "кожаных" баров, желающие казаться и чувствовать себя крутыми мужиками, ищут еще более крутых партнеров, которым они могли бы отдаться, не теряя самоуважения. Хотя в глубине души многие из них знают, что их собственные устрашающие наряды и погремущки - простая бутафория, они готовы верить, что у партнера все это - "настоящее".

Более романтичных и сентиментальных геев грубая, подчеркнутая маскулинность отталкивает, они предпочитают более гармоничные, классические модели. На конкурсах мужской красоты, где в определении призеров активно участвуют женщины и геи, чаще побеждают не бодибилдеры, а более элегантные и изящные мужчины. Преобладают они и среди кино- и фотомоделей. Однако прямой зависимости между телесным обликом мужчины и тем, что он делает в постели, по-видимому, нет, за исключением того, что женственные мужчины чаще предпочитают рецептивную позицию, тогда как суперсамцы любят быть "сверху" или меняться ролями. Но даже из этого возможны исключения.

Критерии маскулинности и степень их привлекательности также могут не совпадать. Один мужчина придает решающее значение волосанному покрову, другой - мощному торсу, третий - красиво вылепленным грудным мышцам, четвертый - узким бедрам и плотным ягодицам и т.д.

Особым, поистине фетишистским, поклонением окружен пенис. Размеры полового члена волнуют не только геев. Фаллос - знак не столько сексуальной потенции, сколько власти и могущества. Уже на рисунках каменного века мужчины более высокого социального ранга изображались с более длинными членами, а популярнейшим русским эвфемизмом вместо нейтрального "прибора" не так давно стало "мужское достоинство". По меткому замечанию У. Одена, "если бы мужчина имел выбор - стать самым могущественным человеком в мире или обладателем самого большого х., большинство выбрало бы второе. От зависти к пенису страдают не столько женщины, сколько мужчины. В отличие от женщин, они могут страдать также от разнообразия пенисов... Члены не менее индивидуальны, чем их владельцы, и эти две индивидуальности часто не совпадают". Фаллические ожидания, страхи и тревоги у геев часто доходят до абсурда, а желаемые размеры орудий "сексуального производства" сильно преувеличиваются. Самая популярная книга на российском сервере ga.u.ru - "Как увеличить размеры члена".

Однако следует еще раз подчеркнуть, что дело не столько в конкретных физических признаках, сколько в общем культе маскулинности. Типичные "иконы" гомоэротического воображения, представленные как в порнографии, так и в "высокой" литературе, имеют разное телосложение, но это всегда "настоящие мужчины": спортсмены, студенты, военные, строительные рабочие, полицейские, ковбои, шоферы - дальнбойщики и т.д.

В образе матроса закодированы молодость, мужественная красота, физическая сила, особая эротическая аура, связанная с пребыванием в закрытом мужском сообществе, жажда приключений и романтика дальних странствий, элегантная форма и особая расхлябанная, с подрагивающими бедрами, походка. По выражению Жене, "флот - это прекрасно организованное учреждение, попав в которое молодые люди проходят специальный курс обучения, позволяющий им стать объектом всеобщего вожделения".

Солдат, подобно матросу, живет в закрытом мужском сообществе и в ситуации постоянного риска; его ружье - символ и одновременно продолжение члена, униформа - его вторая кожа. Многие геи обожают наряжаться или наряжать своих партнеров в военный мундир, который позволяет им чувствовать себя более мужественными и принадлежащими к закрытому мужскому братству. Напротив, раздетый и лишенный внешней атрибутики солдат кажется более голым, чем обычный нагой мужчина. Поскольку униформа деиндивидуализирует конкретного матроса или солдата, сексуальная близость с ним символически приобщает гея ко всему мужскому миру.

Геи дежурят у казарм и военных училищ не только потому, что лишенный женского общества, бедный и сексуально озабоченный солдат легче идет на сближение, но и потому, это - особая порода мужчин. Образ солдата занимает одно из центральных мест в современной российской гомоэротике, будь то "(Интер)миссия" Димы Лычева (воспоминания о его службе в армии) или "Армейские элегии" Ярослава Могутина, воспевающие "пьянящий запах казармы и грязных ног".

В образах полицейских и сыщиков к военному стереотипу дополняется повышенный риск и чувство парадоксальности ситуации, когда "дичь" соблазняет и побеждает "охотника". Секс с полицейским подтверждает общезначимость гомосексуальных чувств, не чуждых даже тем, кто по долгу службы с ними борется.

Столь же популярный тип мачо - преступник. Приручение грубой и непредсказуемой силы - не только сексуальная, но и моральная победа. Спать с бандитами - то же, что пировать с пантерами (выражение Уайльда), опасность удваивает наслаждение. Непреодолимое тяготение к этой среде испытывал Жене, создавший поэтику тюремного секса.

"Люди, призванные служить злу, не всегда красивы, но зато обладают мужскими достоинствами. Любовные игры открывают невыразимый мир, звучащий в ночном языке любовников. На этом языке не пишут. На нем перешептываются по ночам хриплым голосом. На рассвете его забывают. Отрицая добродетели вашего мира, преступники отчаянно пытаются создать свой, обособленный мир. Они готовы в нем жить. Здесь стоит жуткое зловоние, но они привыкли дышать этим воздухом... Их любовь пахнет потом, спермой и кровью. В конечном итоге моей изголодавшейся душе и моему телу она предлагает преданность. Я пристрастился ко злу оттого, что оно обладает подобными эротическими возможностями".

Однорукий Стилиано "не был наделен ни одной христианской добродетелью. Весь его блеск, вся его сила заключались у него между ногами... Стилиано оставался для меня милым и надежным хозяином, ни сила, ни обаяние которого так и не утолили мою жажду мужественности, сосредоточенной в солдате, моряке, авантюристе, воре, преступнике. Будучи недоступным, он стал в моих глазах воплощением вышеперечисленных типов, которые подавляют меня".

Важнейшее свойство следующей иконы геевского пантеона, цветного мужчины - экзотичность. Для белого человека черный мужчина - чаще всего могучий и таинственный самец, у которого эмоции сильнее разума; азиатское тело импонирует европейцу отсутствием волос и кажущейся вечной юностью и т.д. Но главное - это нарушение каких-то границ, езда в неизвестное.

Очень популярны у геев образы спортсменов. Реальное отношение геев к спорту неоднозначно. Многие "голубые" юноши неуверенно чувствуют себя в специфически мужской среде, стесняются своего тела и смертельно боятся, что невольный взгляд или произвольная эрекция может их выдать. В то же время раздевалка и душ - единственная возможность увидеть предмет своего поклонения. Занятия популярным мужским спортом позволяют юному гею самому стать красивым и привлекательным и, возможно, скрыть свою сексуальную ориентацию - никому не придет в голову заподозрить футболиста (в отличие от чемпиона по фигурному катанию).

Профессиональный большой спорт долгое время был, да и сейчас остается в высшей степени гомофобным. Все выдающиеся спортсмены, публично заявившие о своей гомосексуальности (футболист Давид Копей, чемпион США по прыжкам в воду Грег Лауганис и др.) пережили в связи этим много неприятностей, некоторым даже пришлось уйти из спорта. Чтобы бороться с гомофобией, американские геи начали с 1982 проводить собственные спортивные игры и даже олимпиады.

Самые популярные иконы геевской "спортивной" порнографии - футболисты, персонифицирующие силу, мужественность и гетеросексуальность, бодибилдеры (идеальное мужское тело) и пловцы, которых любят за мягкость и изящество линий. Сексуальное действие в этих произведениях, как и в жизни, развертывается в раздевалках, душевых, гимнастических залах и спортивных лагерях и нередко бывает групповым.

Между прочим, отношение геев к спорту еще раз приоткрывает многомерность понятия маскулинности. Нелюбовь "голубых" мальчиков к силовому спорту часто объясняют их женственностью и неагрессивностью. Но возможно, дело не столько в этом, сколько в том, что любимые мужские виды спорта не просто соревновательные (всякий спорт соревнователен), а командные: одна группа молодых самцов должна "побить" другую, причем между победителями и побежденными складываются иерархические отношения, не лишенные порой "сексуальных" коннотаций. Геям больше импонируют индивидуальные виды спорта, критерии которых имеют экспрессивный и эстетический аспект (гимнастика, фигурное катание, танцы) и которые превращают мужское тело не столько в могучую, всесокрушающую машину, сколько в эстетический объект.

Если судить о гомоэротике только по порнографии, может сложиться впечатление, что она воспроизводит и гипертрофирует самые опасные свойства мужской сексуальности: мачизм, культ господства и подчинения, милитаризм, расизм и т.п. Однако надо учитывать ее игровой, карнавальный характер. В "натуральной" мужской культуре гипермаскулинность ассоциируется с агрессивностью и презрением к женщинам, мачо - персонификация власти, насилия и принуждения. В гомоэротике, как во всех мужских отношениях, также присутствует мотив власти одного мужчины над другим, но эта власть состоит прежде всего в том, чтобы доставить - или не доставить - другому мужчине удовольствие. Это та власть, которой обладают и умело пользуются женщины.

Характерный пример многослойности гомоэротики - рисунки самого знаменитого геевского эротически-порнографического художника Тома Финляндского (Тоуко Ласканен, 1921-1991). Все его персонажи гипертрофированно маскулинны (огромные члены, мощные мускулы, черная кожаная одежда) и агрессивны, они связывают, подвешивают, порют и насилуют друг друга. С точки зрения официальной геевской идеологии, рисунки Тома политически некорректны, выглядят проповедью сексизма, мачизма и сексуального фашизма. Но все это изображается с юмором, как игра, которая допускает и даже предполагает смену ролей. Могучий мужик, перед которым благоговееет художник, - не вождь, который всегда "сверху", а "один из мальчиков", которого точно так же связывают, порют, трахают и т.д.

Противоположный архетип гомоэротического воображения - андрогин, существо неопределенного пола, полумужчина-полуженщина. Андрогинные образы широко представлены в мифологии и в религиозной практике (двуполые божества, гермафродиты, бердачи), им часто приписывалась особая магическая сила и сексуальная привлекательность. В быту такие люди не имеют выбора, им некуда скрыться от своей внешности и манер, так что их единственный выход - принять данную роль и сделать ее предметом гордости.

Женоподобный мужчина - единственный вариант гомосексуальной идентичности, который под разными именами существовал всюду и везде. В современном английском языке этот тип чаще всего обозначается словом queen (буквально - "королева", на самом же деле - искаженное queen - распущенная женщина, проститутка), которое первоначально применялось к женщинам, а потом его взяли в качестве самоназвания

женственные мужчины. Если эта роль/идентичность включает переодевание в женскую одежду и усвоение женских манер, речи и поведения, ее называют также Drag-queen. В русском геевском жаргоне это передается словами "девка", "сестра", "пидовка", "королева" (ласковое или восхищенное), "мурка", "подруга", "хабалка" (агрессивная, скандальная "девка", афиширующая свою гомосексуальность и компрометирующая своих "подруг" в глазах окружающих) и т. п.

Отношение к этому типу неоднозначное. Некоторые геи, которые по своему внешнему облику могут сойти за "натуральных" мужчин, видят в нем злую карикатуру на самих себя и относятся к "девушкам" с презрением и ненавистью (типичная психологическая защита, по Фрейдю). Другие находят их сексуально привлекательными, чужая женственность позволяет им чувствовать себя более маскулинными.

Различно и собственное самосознание "теток". Некоторые из них страдают комплексом неполноценности, потому что у них больше психологических проблем и трудностей. Другие принимают свою идентичность/роль с удовольствием: женское платье, парик, доведенные до гротеска женские манеры, разговор о себе в женском роде - их естественный способ существования в собственной среде. Для третьих это - психологическая компенсация, способ превратить слабость в силу: раз меня дразнят девчонкой, докажу всем, что я - не несостоявшийся мальчик, над которым смеются, а полноценная женщина, которой восхищаются.

Называть этих людей просто трансвеститами неправильно, потому что подавляющее большинство - 87% - обычных трансвеститов гетеросексуальны, переодевание в женскую одежду не меняет их сексуальную ориентацию

В отличие от транссексуала, который чувствует себя женщиной и мечтает сменить пол, гомосексуальный трансвестит

этого не хочет, его призвание и гордость - быть мужчиной, который способен затмить женщину и успешно соперничать с нею. Высший уровень этого - имперсонаторы, мужчины, выступающие в женском облике на сцене. Волшебное "превращение парня в богиню" требует огромного терпения и искусства. Знаменитые имперсонаторы пользуются мировой известностью, ими восхищаются, в них влюбляются. Это не просто представление, а перевоплощение, открытие новых ипостасей собственного Я:

"Переодевание позволяет мне исследовать новые обличья, постоянно изменяться, становиться таким, каким мне хочется. У меня нет осиной талии, но я могу сделать ее с помощью корсета. Я могу иметь огромные ресницы и сумасшедшую прическу. Могу стать элегантной красавицей или хиппи. Могу реализовать все мои дикие фантазии, а утром в своем обычном виде пойти на работу".

Для знаменитого черного шоумена, танцора и имперсонатора РуПола, переодевание - прежде всего работа, представление, униформа ("Мы рождаемся голыми, а все остальное - маскарад"), но также и самовыражение, проявление "способности открываться людям. Это моя женственная сторона". Эта женская энергия имеет очень мало общего с женственностью, понимаемой как мягкость и хрупкость.

Но не всем удастся театрализовать свои гендерно-сексуальные роли и добиться таким образом общественного признания. Кроме того, эти роли и маски не снимают некоторых личных проблем, в том числе сексуальных. Как сказал один знаменитый американский имперсонатор, "мужчины влюбляются в мисс Адриану. У нее есть все, чем хочет быть мальчик Адриан: она общительна, дерзка, популярна. Любима. Но беда в том, что мисс Адриана никогда не появляется в спальне. Я горжусь тем, что на моих простынях никогда не было следов косметики. Мисс Адриана остается позади, после представления она смывается вместе с гримом. Но ведь это в нее влюбляются мужчины. Это ее они хотят. И когда она уходит, они обычно тоже уходят". Хотя геи восхищаются талантливыми имперсонаторами, в обыденной жизни большинство из них предпочитает более маскулинных мужчин.

Гипермаскулинный мужчина и женственный андрогин - полюсы гомоэротического воображения. Образ "мальчика" стоит как бы посередине, и его черты, как с точки зрения возраста, так и со стороны его телесных и психических свойств, наиболее размыты.

"Мальчик" - не столько существо определенного хронологического возраста, сколько символ молодости, зависимости, незавершенности. Обычные подростки не любят, когда их называют мальчиками, обращение "мужики" - своего рода социальное притязание. Напротив, геи охотно называют себя и своих любимых мальчиками, им кажется, что это делает их моложе. Поэтому часто приходится уточнять, о чем конкретно идет речь.

В медико-психологических терминах, большинство "бойлаверов" - гебефилы или эфебофилы. Поскольку сексуальные контакты с подростками моложе определенного возраста запрещены законом (в разных странах легальный возраст согласия колеблется от 12 до 18 лет, в России он установлен в 14 лет), эти люди часто оказываются в конфликте с законом, во-первых, как изготовители, заказчики и потребители детской порнографии и, во-вторых, как клиенты подростковой проституции и совратители несовершеннолетних. "Бойлаверы" широко используют в своих интересах различные подростковые организации, от спортивных школ и летних лагерей до религиозных клубов включительно. Консервативная общественность склонна считать их всех сексуальными маньяками и потенциальными серийными убийцами.

На самом деле диапазон отношений между мужчинами и мальчиками очень широк и эти привязанности могут иметь разные психологические основания. Общеизвестно, что мужчины, независимо от своей сексуальной ориентации, предпочитают общаться с мальчиками, нежели с девочками. Отцы, как правило, уделяют больше внимания сыновьям, чем дочерям, но при этом многие отцы не умеют общаться с собственными сыновьями.

Как писал Франсуа Мориак, "между отцами и детьми висит стена робости, стыда, непонимания, уязвленной нежности. Чтобы эта стена не выросла, требуются усилия, на которые еле хватает человеческой жизни. Но дети рождаются у нас в ту пору, когда мы еще переполнены собой, сжигаемы честолюбием и от детей просим не столько доверия, сколько покоя. Отцов отделяют от детей их собственные страсти".

Некоторые мужчины компенсируют этот эмоциональный дефицит привязанностью к чужим детям, в которых они видят собственное подобие или нереализованные возможности и которым пытаются передать свой не востребованный жизненный опыт. "Что зрелая мужественность ласково тяготеет к красивой и нежной, а та, в свою очередь, тянется к ней, в этом я не нахожу ничего неестественного, вижу большой воспитательный смысл и высокую гуманность" (Томас Манн). Так называемый "педагогический эрос" не надо считать эвфемизмом для обозначения гомосексуальности.

Как не всякая мужская дружба является гомоэротической и, тем паче, гомосексуальной, так и привязанность мужчины к мальчику может иметь множество разных психологических смыслов.

Иногда это отношение кажется по преимуществу эстетическим:

"Мальчик вошел в застекленную дверь и среди полной тишины наискось пересек залу, направляясь к своим. Походка его, по тому, как он держал корпус, как двигались его колени, как ступали обутые в белое ноги, была необъяснимо обаятельна, легкая, робкая и в то же время горделивая, еще более прелестная от того ребяческого смущения, с которым он дважды поднял и опустил веки, вполоборота оглядываясь на незнакомых людей за столиками. Улыбаясь и что-то говоря на своем мягком, расплывающемся языке, он опустился на стул, и Ашенбах, увидев его четкий профиль, вновь изумился и даже испугался богоподобной красоты этого отрока...

"Как красив!" - думал Ашенбах с тем профессионально холодным одобрением, в которое художник перед лицом совершенного творения рядит иногда свою взволнованность, свой восторг". (Томас Манн)

В другом случае мальчик как бы персонифицирует упущенные собственные возможности субъекта:

"Я смотрел, не стесняясь, прямо ему в глаза и понимал, что уже люблю его, люблю за то, что в нем еще так сильно присутствовала та непосредственность и живость, которые с каждым днем все быстрее уходили из меня. Я видел в нем себя совсем еще вчерашнего, которого еще сам не успел забыть - веселого и беззаботного, с легким ветерком в голове, способным без всяких усилий запросто исполнить любую мелодию в этой жизни. Я видел и то, что уже упустил - огромную свободу чувствовать и выбирать, а я был закован наручниками непреодолимых условностей, придуманных мною же". (Влад Юркун)

Одному "бойлаверу" нужно в мальчишке только его тело, другому - только душа, а третьему - то и другое. Не замечать этих различий и, например, обвинять А.С. Макаренко в педерастии только на том основании, что он любил своих воспитанников и находил их красивыми, как делает популярный американский журналист Борис Парамонов, просто глупо.

Так же различны потребности подростка. Один ищет в старшем мужчине замену отсутствующего или неадекватного отца, другой - мудрого наставника, третий - сильного покровителя, четвертый - товарища по играм и т.д. Эти отношения могут иметь и сексуальный аспект, причем, вопреки расхожему мнению, его инициатором не всегда бывает взрослый. Некоторые мальчишки, из корыстных побуждений или для удовлетворения собственных сексуальных потребностей, сами "охотятся" на мужчин.

Итальянский писатель Умберто Саба психологически точно описал такой поиск в повести "Эрнесто". Нед Рорем рассказывает, что подростком он долго искал мужчину своей мечты и когда однажды в парке какой-то небритый мужик, наконец, "инициировал" его, единственной утратой Неда было "разбитое сердце" от того, что он не мог встретить этого человека вторично. "Меня никогда не совращали взрослые, это я подростком совращал их, в качестве воспламеняющего предмета. Ко мне рано пришло свойственное каждому ребенку ощущение себя эротическим объектом. Но меня никогда не арестовывали за совращение взрослых".

Однако даже в самом безобидном варианте, когда нет ни нарушения закона, ни насилия, ни общественного скандала, сексуальная близость между взрослым и подростком остается в глазах общества проблематичной. Идеологи "бойлаверов" говорят, что общество не имеет морального права блокировать сексуальные потребности подростка. Но отношения подростка и взрослого неравны. Часто взрослый гомосексуал просто манипулирует подростком, разжигает его сексуальные чувства, снабжает эротическими материалами, чтобы в конечном счете овладеть им. Нередко имеет место и прямая покупка или изнасилование. Родители и общество не могут относиться к этому безразлично.

Субъективная ретроспективная оценка раннего гомосексуального опыта зависит главным образом от сексуальной ориентации мальчика и от обстоятельств, при которых это произошло. "Голубые" подростки оценивают это событие, если все случилось по обоюдному согласию, без обмана и насилия, в основном положительно, видя в нем этап собственного становления. Напротив, многие гетеросексуальные подростки, даже если они получали от сексуальных контактов с мужчинами удовольствие, считают их лишь платой за внимание и подарки (очень часто так оно и есть). По мере взросления, юноши начинают стыдиться этого опыта и считают, что ими злоупотребили. Любопытно, что это касается только отношений со взрослыми, гомосексуальные игры и контакты со сверстниками такой переоценке обычно не подвергаются, их просто прекращают.

Поэтому настороженное отношение общества к связям между подростками и взрослыми, в любом сочетании полов, и ограничение их легальным возрастом согласия, равно как и запрет детской проституции и порнографии, социально и морально оправданы. Ребенок имеет право на сексуальность, но тем более - на защиту от посягательств, смысла которых он подчас не осознает.

Кроме юридических проблем, есть проблемы психологические. В отношениях между мужчиной и женщиной социально-возрастное неравенство и "обмен" юной красоты и свежести на жизненный опыт и покровительство считается нормальным, узаконенное неравенство полов как бы освящает асимметричность и разновозрастность сексуально-эротических отношений. В однополых отношениях все сложнее.

Для мужчины сознание зависимости от другого, тем более - младшего мужчины, оскорбительно. Когда его юный любовник опоздал на 20 минут, Джон Чивер записал в дневнике:

"Одно из неудобств гомосексуальной любви - что приходится ждать мужчину. Ждать женщину кажется вполне естественным, это судьба, но ждать своего любовника-мужчину крайне мучительно".

Не менее двусмысленно положение молодого человека. Хотя власть над старшим льстит его самолюбию, он не хочет чувствовать себя "мальчиком" и мстит своему поклоннику капризами и изменами. Борьба самолюбий вносит в мужские отношения напряженность, для преодоления которой не существует отработанных культурных механизмов.

В романе Юкио Мисимы "Запрещенные цвета" 20-летний красавец Юси постоянно демонстрирует свою власть над сорокалетним богачом Кавадой не только потому, что равнодушен к нему, но и потому, что это подкрепляет его самоуважение. Когда Кавада с трудом выкроил время для встречи, Юси заставил его три часа ждать, пока сам без особого удовольствия играл в бильярд.

У Кавады "к двойной ревности - ревности мужчины по отношению к легкомысленной женщине и ревности стареющей женщины к молодой красавице - присоединилось сознание того, что он любит существо собственного пола. Это чувство бесконечно усиливало унижительность его любви, которая, будь она обращена на женщину, была бы вполне приемлемой даже для министра. Ничто не могло ранить мужское самолюбие такого человека, как Кавада, сильнее, чем унижение от сознания своей любви к мужчине".

Большая возрастная разница осложняет не только ухаживание, но и поддержание партнерских отношений. Мужчина, независимо от его сексуальной ориентации, большей частью женится или обзаводится постоянным партнером потому, что хочет постоянства и стабильности. Женщин, ориентированных на семью и детей, это вполне устраивает. Юноше, молодому мужчине хочется не столько постоянства, сколько новизны и приключений.

"Я его не понимал. Я хотел семейной жизни и мерил его по себе а он хотел выступать в компаниях и пленять других и совсем не хотел затвориться от мира. Он хотел чтобы новые и новые желали его пока в него еще можно было влюбляться как в девочку. Мне нужна была жена а ему поле для игры. А я хотел его замкнуть на себе. А ему еще урвать от жизни пока еще есть успех и молодость не прошла и избавиться от меня" (Евгений Харитонов).

Социально-возрастное, имущественное и образовательное неравенство усугубляется различиями вкусов и интересов. Старший облакает свою любовь к юноше в форму покровительства:

Ну что, выпьем еще

Глупенький!

Дурачок мой!

Тело полное шарма и податливости

На, возьми денег

Сбегай на свой очередной идиотский пиф-паф-фильм

Пока я просмотрю новое издание

Анналов

Только не приходи позже одиннадцати

Я буду волноваться.

(Д.А. Пригов)

Но младшего такой стиль отношений может обижать, а старший испытывает дефицит самораскрытия:

"Вам хочется слов открыто сказать все как есть, и кажется вы и любите, что перед тем кого любите, наконец, можно предстать таким каким есть не боясь разоружиться. Но эти слезы и слабость, чего вам так хочется в минуты любви, и убивают его любовь к вам. В вас, с ваших слов, меньше достоинств чем в нем, иначе бы вы его так не любили, и правильно что вы просто боитесь его потерять и дошли до последнего признания что это неизбежно. А ему, как вам и любому, тоже лучше всего припасть к человеку с которым ему самому не сравниться и открыться перед ним, что он сам перед ним ничто, потому что он тоже любит любить за то что только в любви можно так ослабеть и преклониться. Поэтому, раз вы хотите любви и счастья в жизни, не надо признаний о себе... Когда вы любите чтобы поплакаться и покаяться тому кого любите, вы расслабляетесь и теряете то, что ему надо видеть в вас, ваш успех у всех". (Евгений Харитонов).

За редкими исключениями, "мальчик" - не щенок, который привязывается к хозяину беззаветно, раз навсегда, а котенок, который любит тепло и ласку, но ходит сам по себе. В сколько-нибудь серьезных отношениях, "голубой" мужчина хочет быть для юноши не только любовником, но и отцом, заботливая нежность у него часто превалирует над страстью. Но чаще он напоминает не столько отца, в отношениях которого с сыном обычно поддерживается некоторое психологическое расстояние, сколько мать, которая боится потерять сына и жаждет иметь его целиком.

Принимая свою потребность заботиться о младшем за его потребность в опеке - типичная ошибка матерей! - любящий мужчина невольно инфантилизирует юношу, которого это раздражает. Поэтому их отношения большей частью временные, обе стороны из них рано или поздно вырастают, после чего роман превращается в дружбу либо заканчивается разрывом. Не случайно все институционализированные разновозрастные гомосексуальные отношения были ограничены каким-то временем или определенной стадией развития.

А как же со "знаменитыми гомосексуалами", которые давали своим юным любовникам творческую путевку в жизнь? Знаменитым и влиятельным людям проще находить любовников любого возраста, но любовные отношения перерастают в творческое содружество только если оба талантливы, старший умеет учить, а младший - усваивать уроки, и между ними нет соперничества.

Хрестоматийный "положительный" пример - роман Жана Кокто с Жаном Марэ. Двадцатидвухлетний красавец, уже имевший связи с мужчинами, познакомился со знаменитым драматургом и режиссером исключительно ради карьеры и заранее был внутренне готов к тому, что тот предложит ему переспать. Кокто дал ему желанную роль, не спросив ничего взамен. И вдруг - телефонный звонок: "Приходите немедленно, случилась катастрофа!" Эгоцентричный актер подумал, что у него хотят отобрать роль или что-то в том же роде, но когда Марэ приехал, Кокто сказал: "Катастрофа... я влюблен в вас."

Что оставалось делать Марэ? "Этот человек, которым я восхищаюсь, дал мне то, чего я хотел больше всего на свете. Ничего не требуя взамен. Я не люблю его. Как может он любить меня... это невозможно". Марэ солгал и ответил: "Я тоже влюблен в Вас". Под влиянием таланта и доброты Кокто ложь стала правдой, Марэ полюбил Кокто, они поселились вместе. Но возраст берет свое, Марэ увлекается молодыми мужчинами, Кокто это видит и однажды Марэ находит под дверью письмо:

"Мой обожаемый Жанно!

Я полюбил тебя так сильно (больше всех на свете), что приказал себе любить тебя только как отец... Я смертельно боюсь лишиться тебя свободы... Мысль о том, что я могу стеснить тебя, стать преградой для твоей чудесной юности, была бы чудовищна. Я смог принести тебе славу, и это единственное удовлетворение, какое дала моя пьеса, единственное, что имеет значение и согревает меня.

Подумай. Ты встретишь кого-нибудь из твоих ровесников и скроешь это от меня. Или мысль о боли, которую мне причинишь, помешает любить его. Лучше лишиться частицы счастья и завоевать твое доверие, чтобы ты чувствовал себя со мной свободнее, чем с отцом и матерью".

Растроганный Марэ порвал легкомысленные связи, но ненадолго. Со временем у Кокто появился другой любовник, однако дружба между писателем и актером сохранилась до самой смерти Кокто.

А вот Уистен Оден был не столь удачлив. В 1939 г. он мгновенно, со второй встречи, влюбился в 18-летнего студента Честера Калмэна. Начинающему поэту было лестно внимание знаменитого собрата и он сразу же пошел на сближение и совместную жизнь. Хотя глубокое психологическое и сексуальное несходство делало их отношения невыносимыми, этот брак - именно так понимал это Оден - продолжался 32 года. Что бы ни делал непутевый Честер, Оден не мог жить без него. Биографы жалеют бедного Одена, которому так не повезло с его единственной любовью (секса у него всегда было достаточно, юные поэты охотно удовлетворяли скромные желания гения), но по свойствам своей натуры он просто не мог любить иначе:

Коль нельзя одинаково сильно любить,
Тем, кто любит сильнее, хотел бы я быть.

(перевод С. Дудина).

Но ведь то же самое часто происходит и в разнополюх отношениях.

Однополюе семьи

Я думаю, что почти каждый
гомосексуал мечтает о браке со своим
другом.

Робин Моэм

Семейство однополюх невозможно.

Это дело блядское. Тут уж раз
страсть, так уж нужен такой чтобы
ты любил его до потери сознания. А где
такого найти такого вида. А если он
есть, он всегда найдет себе другого с кем
веселее и денежней.

Евгений Харитонов

Могут ли однополюе пары быть стабильными и нуждаются ли они в правовом оформлении и поддержке?

Когда московская "голубая" газета "Риск" открыла дискуссию об этом, 19-летний Игорь написал: "По-моему, все эти разговоры о постоянстве - одна сплошная муть... Спать все время с одним и тем же - скучно, это же ежу понятно! Я, слава Богу, не урод, и могу себе найти столько парней, сколько надо: разные тела, разные губы, разные члены - каждый раз новый кайф. Вот лет через 20, когда мне уже будет ничего не нужно, придется обзавестись кем-то постоянным, а сейчас - что я, чокнутый?"

На что 27-летний Дмитрий ответил: "Я не знаю, что такое проблема постоянного партнера. Просто с тех пор, как год назад он вошел в мою жизнь, она стала наполненной и осмысленной. Я хочу его постоянно, все время, но дело не в этом: уже достаточно давно секс отошел куда-то на второй план, к тому же жить нам негде, так что вместе мы по большей части гуляем по городу и пьем чай в гостях у его или моих друзей, давно уже ставших общими... Наверно, нас можно назвать постоянными партнерами, а для меня он - никакой не "партнер", а любимый. И это навсегда".

Вопреки всем преследованиям и гонениям, стабильные мужские и женские пары существовали всегда. 14% сан-францисских геев в начале 1970-х гг. сказали, что

совместное проживание с партнером для них - "самое важное в жизни" и 28% признали его "очень важным". Реальные стили жизни 71% опрошенных геев и трех четвертей лесбиянок распределились по следующим пяти типам.

1) Закрытые пары (67 мужчин и 81 женщина) напоминают счастливые разнополюе браки. Это устойчивые, сплоченные пары, связанные взаимной любовью и общностью интересов. У них меньше всего сексуальных проблем, они не ищут случайных, временных партнеров на стороне, хорошо социально и психологически приспособлены, отличаются высоким самоуважением и значительно реже других гомосексуалов страдают от одиночества.

2) Открытые пары (120 мужчин и 51 женщина) также живут совместно, но их партнерство не является сексуально-исключительным. Хотя они привязаны друг к другу, они нередко развлекаются на стороне, испытывая в связи с этим различные тревоги. Их социальная и психологическая адаптированность несколько ниже, чем у первой группы, но значительно выше, чем у остальных гомосексуалов.

3) Функционалы (102 мужчины и 30 женщин) напоминают гетеросексуальных холостяков, жизнь которых строится вокруг сексуальных походов и приключений. Их сексуальная активность выше и количество партнеров больше, чем у остальных групп, но их контакты лишены эмоциональной вовлеченности, экстенсивны, часто безличны. Хотя в целом это энергичные, жизнерадостные и преуспевающие люди, их социально-психологическая адаптированность ниже, чем у первых двух типов.

4) Дисфункционалы (66 мужчин и 16 женщин) больше всего подходят под классический стереотипный образ гомосексуала-невротика. Эти люди не в силах ни принять свою гомосексуальность, ни подавить ее. Для них характерны пониженное самоуважение и наличие множества внешних и внутренних конфликтов, для разрешения которых часто требуется психотерапевтическая помощь.

5) Асексуалы (110 мужчин и 33 женщины) - люди, которые категорически не принимают и всячески подавляют свою гомосексуальность, практически отказываясь от сексуальной жизни. Это крайне осложняет их эмоциональные отношения с другими людьми, заставляет скрываться, порождает чувство одиночества и всевозможные психосексуальные проблемы. Эти люди считают себя несчастными, часто обращаются к врачам и среди них самый высокий процент самоубийств.

В последние четверть века ориентация геев на стабильные отношения усилилась. По данным разных исследователей, в конце 1970-х гг. от 40 до 60% американских геев имели более или менее стабильные парные отношения и приблизительно половина из них жили совместно, а 8% женских и 18% мужских пар жили совместно свыше 10 лет. По данным другого американского опроса, больше 10 лет существовали 14% женских и 25% мужских пар. Две трети голландских геев в момент опроса состояли в долгосрочных партнерских отношениях, со средней продолжительностью около 6 лет. Среди опрошенных в 1987 г. немецких геев никогда не имели постоянных отношений меньше 4%. В момент опроса 59% имели стабильные отношения, но у многих из них эта дружба началась не больше, чем год назад. В восточной Германии в 1990 г. постоянного партнера имели 56% гомосексуалов, 48% из них вели общее хозяйство и еще 36% хотели бы его вести. У 35% 30-40-летних мужчин длительность сожительства была свыше трех, у 24% - свыше пяти и у 10% - свыше 10 лет. В Англии конца 1980-х годов партнерские отношения имели от 57% до 65% геев, их средняя длительность составляла 4 года, максимальная - 38 лет.

Легализация однополых сожительства, приравнение их к юридически оформленным бракам - одно из программных требований геев и лесбиянок во всем мире. Первой в 1989 г. однополые "зарегистрированные партнерства" узаконила Дания, с 1991 года "домашние партнерства" стала регистрировать Голландия, по тому же пути идут Норвегия и Швеция. Победившая на выборах 1997 г. социалистическая партия Франции обязалась узаконить так называемый "социальный контракт", то есть право регистрации долговременных отношений, независимо от пола и сексуальной ориентации партнеров. Такое же

обязательство взяли на себя победившие на выборах 1998 г. германские социал-демократы. Законопроекты об однополых партнерстве на находятся на разных стадиях принятия в Испании, Венгрии и Бельгии. Во многих городах разных стран мира это уже делается на муниципальном уровне. Яростная борьба по этому вопросу идет в США, где соответствующую инициативу проявили Гавайи, но она вызвала протест в других штатах и в Сенате. Нет никаких сомнений в том, что уже в начале XXI века это право будет признано в большинстве цивилизованных стран.

Зачем регистрировать однополые, предположительно бездетные, сожительства, если даже многие разнополые пары предпочитают обходиться без вмешательства государства? Но ведь никто не отрицает права на существование бездетных браков. Официальная регистрация отношений дает партнерам значительные преимущества в плане социального страхования, наследования имущества, налогового права и т.д. Кроме того, многие геи и лесбиянки имеют детей от прежних браков. Наконец, как можно упрекать людей в сексуальной распущенности и одновременно отказывать им в праве узаконить свои партнерские отношения? Что же касается церкви, то она тут вообще ни при чем: речь идет не о церковном, а о гражданском союзе, который, чтобы зря не дразнить гусей, даже называют не браком, а как-то иначе. А все социальные льготы оплачиваются за счет налогов, которые геи и лесбиянки платят наравне с остальными гражданами.

Как же фактически живут мужские и женские однополые пары и чем они отличаются друг от друга и от смешанных пар? Здесь гораздо меньше экзотики, чем кажется непосвященным.

Возникновению однополых пары, как правило, предшествует сексуальная близость. Но очень скоро люди сталкиваются с теми же проблемами, что и разнополые пары - разделением домашнего труда, управлением финансами, выработкой собственного стиля жизни и т.д. Общие критерии удовлетворенности партнерством у них практически те же, что в гетеросексуальных браках, причем геи оценивают свои взаимоотношения по тем же критериям, что женатые мужчины, а лесбиянки - так же, как замужние женщины.

Первая проблема совместной жизни - распределение домашних обязанностей. На первый взгляд, разнополым парам в этом отношении легче. В отличие от соревновательных мужских отношений, взаимоотношения мужчин и женщин предполагают взаимодополнительность, существует привычная система полоролевых норм и ожиданий, типичные обязанности мужа и жены и т.п. Однако эти стереотипы сплошь и рядом не соответствуют современным условиям и основанные на них ожидания не оправдываются. Многочисленные исследования, как зарубежные, так и российские, показывают, что браки, основанные не на гендерных стереотипах, а на идее равенства полов, с учетом индивидуальных особенностей супругов, являются более счастливыми и устойчивыми.

Поскольку вести себя по образцу своего отца или матери, как поступают многие молодые супруги, двое мужчин заведомо не могут, разделение домашнего труда, порождающее больше всего семейных конфликтов, у них с самого начала строится с учетом индивидуальных особенностей: каждый делает то, что он лучше умеет или что ему больше нравится, а если какая-то необходимая работа никому не нравится, - на основе разумного компромисса. Этому помогает еще одно обстоятельство. Мужчины настолько привыкли эксплуатировать женский труд, что подчас даже не замечают этого. Труд другого мужчины безнаказанно эксплуатировать нельзя. Самый избалованный родителями мальчик никогда не позволит себе капризов в обществе сверстников. То же - и в мужских сожительствах. Хотя слишком жесткая установка на равенство иногда вызывает мелочные ссоры, рано или поздно партнеры находят взаимоприемлемые формы разделения труда. Вот как описывает свой опыт молодой москвич:

"Димка со студенческих (= общежитских) лет привык к стирке, а готовил еду даже не без удовольствия (потому что это всегда было для него дополнением к университетской столовой, т.е. связывалось психологически с отходом от обыденности и рутины), - я же

как раз ни того, ни другого не умею и не люблю; зато я всегда хожу по продуктовым, за первый месяц нашей жизни в отдельной квартире изучил всю диспозицию нашего микрорайона, составил схему оптимальных маршрутов (в угловом магазинчике сыр свежее и дешевле, зато в молочном кефир вкуснее - с другого завода, в универсаме всегда есть "бородинские" батоны, и т.д.) - в общем, извлек из обязанности удовольствие; мытье посуды обычно за мной, подметание пола - с тех пор как я работаю дома, это для меня прекрасное средство успокоиться и собраться с мыслями, когда что-то не клеится в работе (наше домашнее присловье: "Не знаешь, что делать, - подмети в кухне!"). Пожалуй, осталось только одно дело, которое нам не удалось поделить, - это глажка рубашек (у обоих совершенно нет такого навыка, да и утюг нам мои родители подарили только через полгода совместной жизни); в конце концов мы просто на это дело плюнули и перешли на свитера и модели, которые глажки не требуют..."

Другая сложная сторона жизни однополых пар - регулирование сексуальных отношений. Общий уровень сексуальной активности мужских пар значительно выше, чем женских и смешанных. В первые недели и месяцы совместной жизни некоторые буквально не вылезают из постели. "Страсть заполняла комнату. Все, что сближало нас, было правильно. Мне было нечего стыдиться. Я мог спросить его, как ему нравится то или это, а он мог сказать мне, что хочет поэкспериментировать в каком-то направлении, я был игрушкой в его руках. Мы смеялись и плакали и рассказывали друг другу секреты, которых я никогда не посмел бы рассказать кому-нибудь".

С возрастом, а точнее - со стажем совместной жизни сексуальная притягательность мужчин друг для друга уменьшается и уровень их сексуальной активности снижается так же, как это происходит в разнополых браках.

"Сначала мы занимались сексом перед завтраком, перед обедом и перед ужином. Первым отпал завтрак, потом обед и, наконец, ужин. Осталась только ночь и иногда послеобеденная суббота, - и мы оба втайне были этим встревожены".

Но сексуальная жизнь в браке, все равно каком, качественно отличается от случайных встреч.

"Мы съехались и стали жить вместе на 4-м году постоянных партнерских отношений. До этого каждая проведенная вместе ночь была не то чтобы событием - это было бы слишком громко сказано, - но неким отдельным, специальным мероприятием: ее надо было организовывать, готовить, будь то ситуация отъезда моих родителей или его соседей по комнате, визит к тем немногим из моих друзей (его друзья были не в курсе), у кого была лишняя комната... Жизнь в одной комнате в этом смысле перестраивает восприятие: заниматься любовью становится возможным, в принципе, в любой момент. И потому часто сексуального контакта (в узком, так сказать, смысле слова, потому что, шире говоря, жизнь вместе с любимым человеком наполнена бесчисленными мелочами, жестами, движениями более или менее эротического характера - поцелуями, касаниями, ласками мимоходом...) не происходит потому, что до него, что называется, руки не доходят: пока оба вернемся с работы или после каких-то дел, пока приготовим ужин, потом ежевечерний ритуал - новости на канале НТВ, и после тоже какие-то любимые и часто совместные занятия, так что когда где-нибудь в третьем часу доползаем до кровати (а вставать-то в девять!), то сил уже хватает только на то, чтобы теснее прижаться друг к другу, - и это не вызывает особого огорчения, потому что ведь никакие совместные удовольствия теперь уже от нас никуда не денутся..."

Хотя вопрос о сексуальной исключительности и верности для геев столь же актуален, как и для "натуралов", они знают, что строгая моногамия среди мужчин - скорее исключение, чем правило. Безусловное соблюдение верности в мужских парах зависит, с одной стороны, от стажа сожителства, а с другой - от соотношения возраста партнеров. Более длительное сожителство и большая разница в возрасте партнеров предполагают большую сексуальную терпимость. Из калифорнийских мужских пар, обследованных до эпидемии СПИДа, ни одна не выдержала искуса больше пяти лет, а большинство стало

искать развлечений на стороне уже на втором году совместной жизни. В более поздних и географически разнообразных исследованиях супружеская верность или, по крайней мере, установка на нее встречается гораздо чаще. В 1987 г. только 19% немецких геев сказали, что готовы мириться с возможной неверностью партнера. Хотя большинство из них считают строгую моногамию неосуществимой, они высказываются в пользу более стабильных и закрытых отношений. Впрочем, как и в разнополых парах, решающим фактором стабильности является не сексуальная исключительность (иногда мужчины не прочь даже совместно позабавиться с новым "мальчиком"), а сохранение взаимной любви и уважения. Подчас это возможно даже при почти полном прекращении сексуальной близости.

Вопреки Толстому, каждая супружеская пара, в том числе однополая, не только несчастлива, но и счастлива по-своему. Поддержание отношений требует дополнительных усилий. Гею труднее найти постоянного партнера, чем "натуральному" мужчине, кроме того, "голубые" пары чувствительнее к психологическому климату своих отношений. 51% американских мужских (средний возраст 35 лет) и 61 процент женских (средний возраст 32 года) пар считают своей главной задачей именно поддержание и сохранение отношений, в отличие от сходных по возрасту смешанных пар, которые озабочены своей работой больше, чем семейной жизнью.

Несмотря на отсутствие общественной поддержки, некоторые мужские пары очень устойчивы. Самая старая мужская пара, которую я встретил в 1996 г. в Палм-Спрингс, имела 47-летний стаж, и эти жизнерадостные мужчины не выглядели стариками.

С другой парой меня познакомили в Сан Диего. 16-летний школьник Альберт впервые увидел 31-летнего пастора Джекоба в церкви: "Он стоял за кафедрой, читая свою воскресную проповедь, и я сразу же понял, что страстно хочу его и что это - навсегда". Два месяца влюбленный мальчишка караулил Джекоба, который не обращал на него внимания, и в конце концов поймал его спящим в постели. "Я плохо понимал, что происходит, - рассказывает Джекоб, - но когда этот красивый мальчик стал ласкать меня, он заарканил меня на всю жизнь". Это было в 1940 г. С тех пор Альберт и Джекоб разлучались только на три года войны, когда они воевали в разных местах. Их роман был нелегким. Из-за скандальной связи с мальчиком Джекобу пришлось оставить священнический сан, а Альберту - уют богатого родительского дома, где не могли смириться с его гомосексуальностью. У них разные вкусы и темпераменты и 15 лет разницы в возрасте, тем не менее они до сих пор вместе и трогательно внимательны друг к другу.

А как выглядят женские пары? Большинство лесбиянок определенно предпочитают стабильные моногамные отношения, основанные на принципе сексуальной исключительности, и на самом деле чаще геев живут парами, сохраняя верность друг другу. Взаимоотношения между лесбиянками, как правило, теснее и эмоциональнее, чем между гетеросексуальными партнерами и между "голубыми" мужчинами. Любовь, ласка, эмоциональная и общая телесная близость для них важнее, чем собственно-сексуальный контакт. В крупном опросе американских гомо- и гетеросексуальных пар, на вопрос: "Если бы у вас не было пары, стали бы вы заниматься сексом с кем-то, кого вы больше никогда не увидите?" утвердительно ответили 14% лесбиянок, 20% замужних женщин, 34% гетеросексуальных мужчин и 73% геев. Общее число сексуальных партнерш в течение жизни у лесбиянок значительно меньше, чем у геев, но больше, чем у гетеросексуальных женщин; две трети имели в течение жизни от 3 до 10, одна треть - свыше 10 партнерш.

По частоте сексуальных контактов, женские пары сильно уступают мужским, но степень сексуальной удовлетворенности у них выше. Хотя многие лесбиянки говорят, что хотели бы заниматься сексом чаще, количественная сторона значит для них меньше, чем общая эмоциональная удовлетворенность совместной жизнью. В этом отношении, как и в некоторых других, лесбиянки - типичные представительницы своего пола. В отличие от

разнополых пар, где сексуальная инициатива чаще принадлежит мужчинам, в однополых парах обычно соблюдается равенство, навязывать себя не принято. Сексуальные проблемы и жалобы у женских пар в основном те же, что и у разнополых.

Вопреки теоретическим ожиданиям и житейскому стереотипу, средняя продолжительность существования женских пар меньше, чем разнополых и даже геевских. Поскольку лесбиянки больше геев ориентированы на моногамный союз, это кажется удивительным. Вероятно, дело в том, что женщины придают больше значения психологическим нюансам, на которые мужчины не обращают внимания, и это делает их союзы менее прочными. Кроме того, женские пары, в отличие от геевских, преимущественно "закрытые", измены и похождения на стороне здесь не прощаются, приводя к разрушению старой и созданию новой пары. Отсюда и странная статистика.

Длительная совместная жизнь - дело непростое при любой сексуальной ориентации. Хотя общество всячески поддерживает институт брака, на три брака в США приходится два развода, в России - один. А ведь браку обычно предшествует одно или несколько незарегистрированных сожительств, которых официальная статистика не учитывает. К тому же многие браки существуют чисто формально. Однополым парам это ни к чему. Многие геи и не стремятся к стабильным отношениям, а некоторые их теоретики считают самую идею однополого брака идеологической уступкой "репрессивному гетеросексизму" и изменой принципу сексуальной свободы.

Кроме абстрактных теоретических соображений об отмирании института брака как такового, за этим стоят личные особенности. Для мужчин, которые жестко запрограммированы на экстенсивный секс и неспособны к психологической интимности, партнерские отношения - только обуза. Холостяцкий статус для них, как и для аналогичных "натуралов", - единственно возможный или оптимальный вариант. Единого стиля жизни и общего для всех рецепта счастья быть не может.

А как обстоит дело с детьми? Вопреки стереотипу, многие геи любят детей и хотели бы их иметь. По подсчетам ученых, каждый десятый американский гей является отцом, причем многие из них хотят участвовать в воспитании своих детей и поддерживать с ними хорошие отношения. Некоторые мужские пары мечтают усыновить чужих детей, причем у таких мужчин выше уровень самоуважения, чем у бездетных геев. Но может быть геевский стиль жизни развращает детей или оказывает на них нежелательное влияние? Такие опасения часто служат поводом для отказа геям в праве на усыновление или получении опеки над ребенком при разводе. Однако никаких фактов, подтверждающих это мнение, нет. Разумеется, геи-отцы так же различны, как и прочие. Но подавляющее большинство сексуальных покушений на детей в семье, как и вне ее, совершают гетеросексуальные мужчины. Не передается детям и отцовская сексуальная ориентация: дети гомосексуальных отцов, как правило, вырастают гетеросексуальными, причем продолжительность общения с отцами (в случае развода) на сексуальность ребенка не влияет.

Еще острее стоит проблема материнства у лесбиянок. Многие из них имеют детей, еще больше хотели бы ими стать путем искусственного осеменения, усыновления или как-то еще. Как правило, им в этом отказывают. Между тем, как показывают многочисленные исследования, ни стиль их материнства, ни его результаты в принципе не отличаются от того, что происходит в обычных разнополых или в неполных, "материнских" семьях. Индивидуальные особенности значительно важнее ее сексуальной ориентации женщины.

Разумеется, матери-лесбиянки и их дети имеют свои специфические трудности. Первая проблема - как восполнить недостающее ребенку мужское влияние - так же остро стоит в любой неполной семье и решается (или не решается) точно так же. Между прочим, в России без отцов растут 14 миллионов детей.

Вторая трудность - должна ли женщина рассказать о своей сексуальной ориентации детям, смогут ли они понять и принять ее, как эта информация повлияет на их отношения со сверстниками и т.д.? Если она решит все скрывать, их семейная жизнь будет основана

на лжи. Судя по литературным данным, дети многое способны принять, но их заботит, что об этом скажут, если узнают, их школьные друзья. В российских условиях, где человеческой информации об однополый любви практически нет - газеты пишут главным образом об экзотическом сексе - такие ситуации особенно трагичны, вынуждая женщин скрываться и лицемерить.

Важный фактор "голубой" жизни - старение. Для гея личная жизнь имеет большее значение, чем для "натурального" мужчины, сплошь и рядом живущего преимущественно работой, и он болезненнее реагирует на признаки старения, особенно если его привлекают молодые люди.

В гетеросексуальном мире структура и динамика половых ролей мало меняется с возрастом: юноша учится ухаживать за женщинами и они отвечают ему взаимностью. С возрастом, когда он утратит свое юношеское очарование, накопленный опыт помогает ему оставаться на плаву, компенсируя утрату молодости социальными достижениями зрелого возраста. То же и в сексе. Образно говоря, мужчина всегда "сверху", а возрастное ослабление потенции компенсируется и часто перекрывается приобретенными умениями. К тому же у него есть своя законная жена, принимающая его без особенных претензий.

В отличие от этого, многим геям приходится с возрастом переучиваться. Привлекательный юноша привыкает к оказываемым ему знакам внимания, он не столько ухаживает, сколько является объектом ухаживания. С возрастом, если его привлекают более молодые мужчины, ухаживать, добиваться расположения приходится ему. При этом стареющему гею нередко приходится менять и свою сексуальную технику, а диапазон выбора резко суживается. Иногда его единственными партнерами становятся хаслеры, а главными "сексуальными" органами - рот, глаза и собственные руки.

Герой повести Эндрю Холлерана "Красота мужчин" спрашивает старого Эрни, который постоянно дежурит у общественного туалета, почему он не пойдет в баню или в бассейн, где тепло и много красивых молодых тел. - "Потому что я лучше выгляжу одетым, чем раздетым... Одетый я - всего лишь рот".

В "натуральном" мире девушки тоже предпочитают молодых и длинноногих, но женские предпочтения все-таки либеральнее. Поскольку женщина не идентифицируется со своим мужем или поклонником, она видит не только минусы, но и плюсы зрелого возраста.

Молодые геи, за редкими исключениями, нарциссичны и эгоцентричны, старость их не просто не интересует, а пугает. Глядя на старика - а чем моложе человек, тем расширительнее он понимает старость,- юноша невольно думает: "неужели и я стану таким же?" - и в панике отворачивается.

Американские геевские общины в последние годы стали проявлять заботу о пожилых людях (это не только гуманно, но и выгодно - одинокие старые геи охотно участвуют в благотворительных мероприятиях и нередко завещают общине свое имущество) и стараются воспитывать в этом духе молодежь. "Эйджизм" (ageism), жизненная философия, абсолютизирующая возраст и создающая нереалистический и жестокий культ юности, считается таким же политически некорректным, как сексизм. Но как бы ни была успешна эта социальная политика (американцы, как и мы, гораздо больше говорят и обещают, чем делают), она не может сломать возрастных психологических барьеров.

Разумеется, не стоит преувеличивать. Хотя при любой сексуальной ориентации быть молодым, красивым и богатым лучше, чем старым, уродливым и бедным, стереотипные представления о несчастных, одиноких и сексуально обездоленных старых гомиках не выдерживают критической проверки. Подавляющее большинство обследованных американских геев между 40 и 70 годами оставались сексуально активными и были удовлетворены качеством своей сексуальной жизни. Главные факторы их психического благополучия - те же, что у их гетеросексуальных ровесников: психологическое принятие себя, материальное благосостояние, хорошее здоровье и отсутствие одиночества. Однако тем, кто не сумел найти или потерял спутника жизни, приходится плохо.

Знаменитый гарвардский психолог Роджер Браун сорок лет прожил со своим ровесником литературоведом Альбертом Гилмэном. Их роман начался в студенческие годы с обычного туалетного секса, затем они поселились вместе и, несмотря на глубокое несходство характеров, не могли жить друг без друга. Эпизодические связи со случайными молодыми людьми не подрывали их отношений. Но в 1989 г. Альберт умер и 65-летний Роджер остался один.

В Гарварде популярного профессора окружали красивые молодые люди, его студенты и аспиранты, в некоторых из них он влюблялся, но эти чувства не могли быть взаимными и оставались платоническими. Объявление "Культурный 66-летний мужчина ищет 20-летнего юношу для летних развлечений" в этой среде звучало бы комично. Оставался коммерческий секс. Фирма "Мальчики из мечты" присылала старому профессору самых элегантных "мальчиков по вызову". Но Брауну был нужен не столько секс, сколько любовь, а ее за деньги не купишь. Браун платил своим любимцам большие деньги, делал дорогие подарки, приобщал к культуре, возил с собой в Европу, и эти молодые люди по-своему привязывались к нему, но они оставались ему внутренне чужими. После пяти лет мучительных разочарований Браун решил отказаться от тщетных поисков человеческого тепла, но жить без надежды на любовь не мог и вскоре после опубликования своей исповеди покончил с собой.

Только ли гомосексуальность тому причиной? Конечно, нет. Это и старость, и болезни, и прекращение любимой работы. С этими проблемами сталкиваются люди любой сексуальной ориентации, но наличие семьи, детей и внуков смягчает личные невзгоды и позволяет жить отраженной жизнью близких. У одиноких геев, как и у обычных старых холостяков, этого утешения нет.

А "когда нет самого важного, все становится неважным, и все неважное становится важным, и любое может стать смертельным" (Лидия Гинзбург).

Зато лесбиянки переживают старость легче. На посторонний взгляд, обделенные детьми и незамужние лесбиянки кажутся более одинокими, чем обычные женщины (вспомним мрачный образ старой лесбиянки, нарисованный Мариной Цветаевой). Но не у всех гетеросексуальных женщин есть дети, не все лесбиянки бездетны и не все дети приносят матерям радость. Некоторые "сексуально благонадежные" пожилые женщины находят себя не столько в роли матерей и бабушек, сколько в труде и общественной деятельности.

Если же иметь в виду любовные отношения, то лесбиянки уверяют, что они находятся даже в выигрышном положении по сравнению с гетеросексуальными женщинами и гомосексуальными мужчинами. Из-за разных темпов старения мужчин и женщин, в браке часто возникают сексуальные дисгармонии, когда поблекшее тело жены уже не возбуждает стареющую плоть мужа, заставляя искать утешений на стороне. Пожилой женщине последовать этому примеру сложно. Многие мужчины и женщины отказываются от чувственных радостей задолго до исчерпания своих психофизиологических ресурсов. Лесбиянкам в этом отношении легче. Хотя уровень их сексуальной активности ниже, чем у мужчин, у них нет и ее резкого падения с возрастом. Молодые "фем" ищут в старших подругах не столько красоту и сексуальную потенцию, сколько жизненный опыт, энергию, уверенность в себе. Властные и сильные женщины бальзаковского возраста имеют в этой среде своеобразную харизму, которой у них не было бы в другой среде.

Каковы взаимоотношения геев с женщинами? Если верить стереотипу, "голубые" мужчины ненавидят и боятся женщин, избегают общения с ними и т.д. В действительности все не так. Геи избегают сексуальных связей с женщинами не столько потому, что женские гениталии вызывают у них отвращение (его испытывают сравнительно немногие), сколько потому, что женское тело их не возбуждает и доставляет им меньше удовольствия. Во всем остальном геи прекрасно ладят с женщинами, психологически у них много общего.

"Обычная женщина, которая должна быть около вас, это влюбленная женщина, которая все про вас от вас знает и вы можете с ней перегляднуться по поводу юного красивого и глупого телефониста; мальчика-певца...; мальчика-прохожего; мальчика из бюро услуг по ремонту холодильников. И как вы не перегляднетесь с натуральным своим ровесником. Которому надо переглядываться с другом по поводу проходящих женщин-лошадок" (Евгений Харитонов).

Многие женщины, в свою очередь, симпатизируют геям: "Дружба с геями имела много положительных сторон для меня. Во-первых, можно было не тратить время на всяческие ухищрения, уловки и даже не строить глазки, пытаюсь заставить мужчину влюбиться (что всегда приятно каждой женщине). Во-вторых, с геями можно беседовать на абсолютно любые темы, даже те, при упоминании которых я краснею в разговоре с моим парнем. Хотя восприятие у геев все-таки в большинстве случаев мужское, понимают они тебя лучше, чем многие мужчины (если, конечно, вообще хотят понять)... И, наконец, последнее преимущество. Имея друга-гея, вам никогда не придется выслушивать серьезные признания о том, что, оказывается, он давно в вас влюблен, но молчал об этом, дорожа вашей дружбой. Что нередко встречается, если девушка дружит с парнем-натуралом" (из газеты "Наш мир").

Впрочем, не будем преувеличивать. "Голубым", как и обычным мужчинам, все-таки легче обсуждать свои интимные проблемы с людьми собственного пола, а те из них, кто не уверен в себе и вынужден постоянно доказывать себе и другим свою проблематичную маскулинность, даже самоутверждаются за счет женщин, изображая их неполноценными и второсортными существами (классический пример этого - знаменитая книга Отто Вейнингера "Пол и характер"). Столь же агрессивны сексуально обездоленные женщины, разочарованные мужским невниманием к себе и воспринимающие геев как соперников.

Отношения между геями и лесбиянками большей частью дружественные, они нередко вступают в фиктивные браки, а в общественной и деловой жизни пассивные и мягкие геи иногда уступают руководящие места энергичным и властным "бучам". Однако это сотрудничество основано не столько на взаимной симпатии, сколько на наличии общих врагов.

Многие "голубые" мужчины состояли или состоят в гетеросексуальном браке. Зачем им это нужно? Некоторые в момент женитьбы еще не знали о своей "голубизне". Другие были романтически влюблены в будущую жену. Третьи, как Чайковский, надеялись с помощью женитьбы "вылечиться". Четвертые хотели приобрести прикрытие, избавиться от неприятных подозрений на свой счет. Пятые поступают по стереотипу - все женятся, значит и мне надо. Шестые уступают давлению родителей и других близких, которые не знали об особенностях сына или недооценивали степень ее серьезности ("женится - и все образуется"). Для многих главным мотивом женитьбы является желание иметь детей.

Могут ли такие браки быть счастливыми? Это зависит от нескольких причин. Бисексуальные мужчины могут одинаково искренне (хоть и по-разному) любить своих жен и своих любовников-мужчин и поддерживать с ними вполне удовлетворительные сексуальные отношения. В этом случае все зависит от взаимной договоренности и согласия супругов на "открытые" отношения. При исключительной гомосексуальности это невозможно, надежды с помощью брака покончить с "нездоровым влечением" практически никогда не оправдываются. Человек со слабым либидо еще может отказаться от сексуальной самореализации, но у более темпераментных мужчин это не получается. Подавленная или скрываемая гомосексуальность становится психологически даже более значимой. Страдающей стороной при этом, как правило, бывает женщина. Если муж заранее предупредил ее о своих склонностях или если сексуальная сторона брака не имеет для нее большого значения, их союз может быть обоюдно приемлемым, но если муж скрыл свою гомосексуальность - трагедия неизбежна.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Все люди равны, но одни более
равны, чем другие.
Джордж Оруэлл

Люди больше всего на свете
любят наклеить на другого
человека ярлык, который раз и
навсегда освобождает их от
необходимости думать
Сомерсет Моэм

Мы рассмотрели свойства однополрой любви и ее носителей и обнаружили, что и те, и другие - очень разные. К этому выводу приводят практически все науки.

Биология показывает, что сложное взаимодействие генов, гормонов и нервных путей порождает множество разнообразных типов сексуальности, предрасполагающих индивидов к тем или иным сексуальным сценариям и формам поведения, которые в одних случаях представляются взаимоисключающими, а в других - взаимодополнительными.

История, антропология и социология показывают, что разные общества и культуры отличаются друг от друга не только количественно, по степени своей терпимости, но и качественно; они по-разному конструируют половые и сексуальные идентичности и регулируют связанные с ними чувства и отношения. При этом в любом сколько-нибудь сложном обществе существует не один, а несколько нормативных сценариев, что делает индивидуальные вариации сексуального поведения не только возможными, но и неизменными.

Психология показывает, что траектории индивидуального развития и их конкретные результаты также не являются единообразными. В зависимости от своей биологической индивидуальности и особенностей воспитания мальчики и девочки оказываются более или менее маскулинными или фемининными, и это оказывает влияние на выбор любимых занятий и товарищей по играм, а также на самосознание и сексуально-эротические предпочтения, которые постепенно кристаллизуются в относительно стабильную сексуальную ориентацию. Но любая сексуальная ориентация многомерна и имеет множество индивидуальных вариантов, будь то образ идеального сексуального партнера, эмоциональная окрашенность любовных чувств, предпочитаемая сексуальная техника или стиль жизни.

Ученые отказываются обсуждать вопрос о "правильной" и "неправильной" сексуальности, предоставляя людям право делать свой собственный выбор. Что они, кстати сказать, делали и раньше, что бы по этому поводу ни говорили священники, врачи и жрецы морали.

Однако эта проблема не столько научная, сколько политическая. Стигма и дискриминация в свое время загнали гомосексуалов в гетто. Освободительное движение геев и лесбиянок добивается признания их особой идентичности и гражданских прав. Эти задачи - я хочу подчеркнуть это максимально определенно и резко - до сих пор нигде в мире (и тем более в России!) не решены. Но что будет дальше, в исторической перспективе?

Демократический плюрализм не устраняет индивидуально-групповых различий, он даже способствует их умножению. Но как только эти различия перестают быть базой для социальной стратификации, привилегий для одних и невыгод для других, их значение постепенно уменьшается, как для большинства, так и для меньшинства.

Каждый из нас имеет множество социальных ролей и идентичностей, но наибольшее значение имеет та из них, в которой человек чувствует себя наиболее уязвимым и ранимым. По мере того, как люди начинают свободнее и терпимее относиться к собственной сексуальности, ослабевают и гонения на инаколюбящих.

Главное звено этого долгого и трудного процесса - не сочувствие (сочувствовать можно слабым, больным и угнетенным), а безразличие (мне все равно, с кем ты спишь и каким способом) и уважение к праву человека на индивидуальность и самореализацию.

Ненависть к гомосексуалам, как и другие подобные идеологические системы (антисемитизм, ксенофобия, расизм, сексизм), коренится не столько в индивидуальной, сколько в общественной психологии. Термин "гомофобия", как чаще всего называют этот социально-психологический феномен, неудачен вследствие своей "психиатричности". Он подразумевает, что иррациональный страх и ненависть к однополой любви и ее носителям коренятся, как любая фобия, в индивидуальной психопатологии - подавленных собственных сексуальных импульсах, общей враждебности и недоверии к окружающим людям, склонности реагировать на стрессовые ситуации преимущественно с помощью защитных механизмов и т.д. Хотя все эти процессы и "комплексы" безусловно реальны, они совсем не обязательны.

Чтобы ненавидеть геев или евреев, не обязательно быть невротиком или психотиком. Яростно-зоологический антисемитизм генерала Макашова, несомненно, имеет какие-то личные причины, но для солидаризировавшейся с ним КПРФ, которая продолжает в этом вопросе старую линию КПСС, это скорее идеология и циничный политический прием.

В специальной литературе слово "гомофобия" сейчас заменяется термином "гетеросексизм", который американский социальный психолог Грегори Херек определяет как идеологическую систему, которая отрицает, принижает и стигматизирует любые не-гетеросексуальные формы поведения, идентичности, отношения или общины. Более "мягкая" форма этого явления - гетероцентризм (по аналогии с европоцентризмом), который не отрицает альтернативных форм сексуальности, но считает их периферийными вариациями или девиациями подразумеваемой гетеросексуальной "нормы".

Уровень гетеросексизма в обществе зависит от целого ряда макросоциальных факторов. Причем по всем этим параметрам наша страна находится не в лучшем положении.

Во-первых, от общего уровня социальной и культурной терпимости. Авторитаризм и нетерпимость к различиям несовместимы с сексуальным, как и всяким другим, плюрализмом. С точки зрения тоталитарного сознания, инаколюбый - прежде всего диссидент. Советское общество, пытавшееся унифицировать ширину брюк, длину волос и музыкальные ритмы, не могло быть сексуально терпимым. Важнейшая предпосылка сексуального плюрализма - политическая и культурная терпимость.

Во-вторых, от уровня сексуальной тревожности. Чем более антисексуальной является культура, тем больше в ней сексуальных табу и страхов. А если человек не может принять свою собственную сексуальность, наивно ждать от него терпимости к другим. Если в СССР вообще "секса не было", как могла в нем существовать однополая любовь?

В-третьих, от уровня сексизма и полового шовинизма. Главная социально-историческая функция гетеросексизма - поддержание незыблемости половой стратификации, основанной на мужской гегемонии и господстве. Обязательная, принудительная гетеросексуальность защищает институт брака и патриархальных отношений; женщины для нее - существа второго сорта, главная функция которых - деторождение и сексуальное обслуживание мужчин. В свете этой идеологии независимая женщина - такое же извращение, как однополая любовь. Кроме того, культ агрессивной маскулинности помогает поддерживать иерархические отношения в самом мужском сообществе, в котором "настоящие" мужчины должны господствовать над "второсортными". Всячески культивируемая ненависть к "гомикам" - средство поддержания мужской групповой солидарности, особенно у мальчиков-подростков, которым она помогает утвердиться в собственной проблематичной маскулинности. Принцип, что можно повысить свой статус, "опустив" другого мужчину, выходит далеко за рамки сексуальных отношений.

В-четвертых, от характера традиционной идеологии, особенно религии. Христианское определение однополой любви как неназываемого порока, вытекающее из общего отрицательного отношения к миру чувственности, один из главных идейных истоков

предубежденности и гонений. Рано или поздно, Церкви придется покаяться в этом грехе так же, как в религиозной нетерпимости.

В-пятых, от общего уровня образованности и сексуальной культуры общества. Хотя образованность сама по себе не избавляет людей от предрассудков и предубеждений, при прочих равных условиях, она облегчает их преодоление. Однако важна не только общая, но и сексуальная образованность, включающая в себя понимание множественности функций и смыслов сексуального поведения. До тех пор, пока человек считает сексуальность только аспектом репродуктивного поведения, любая нерепродуктивная эротика будет казаться ему сомнительной, даже если он сам ее практикует. Сексуальное образование - необходимая когнитивная, познавательная предпосылка сексуальной терпимости.

В-шестых, от ситуативных социально-политических факторов. Как и все прочие социальные страхи и формы групповой ненависти, гетеросексизм обычно усиливается в моменты социальных кризисов, когда кому-то нужен зримый враг или козел отпущения и легко создать атмосферу моральной паники. Социально-психологические механизмы этого явления хорошо обрисовал английский социолог Стэн Коэн:

"Некое обстоятельство, явление, лицо или группу лиц начинают определять как угрозу общесоциальным ценностям и интересам; средства массовой информации изображают их стилизованным и стереотипным образом; моральные баррикады заполняются издателями, епископами, политиками и другими правоверными людьми; социально-признанные эксперты оглашают свои диагнозы и рекомендации; вырабатывают или, чаще, применяют специальные способы борьбы; после этого явление исчезает, подавляется или ухудшается... Иногда паника проходит или забывается, но в другие времена она имеет более серьезные и длительные последствия и может производить изменения в правовой и социальной политике или даже в том, как общества рассматривают себя".

Для возникновения очередной волны моральной паники нужны два условия: а) наличие социального кризиса и б) наличие социальной группы или организации, готовой и способной спровоцировать общественное негодование и направить его по нужному адресу. Сексуальность и тем более - гомосексуальность как нельзя лучше годятся на роль козла отпущения.

Яркий пример разыгрывания этой карты - современная тактика российских коммунистов, черносотенцев и церковников, "антисексуальные" инвективы которых имеют явно политический, антидемократический, антирыночный и антизападный характер. Особенно показательны в этом плане отождествление ими понятий "нравственных ценностей" и "национальной (читай - государственной) безопасности".

Кроме социальных, гетеросексизм имеет и определенные психологические функции. Эта установка помогает организации и ретроспективному оправданию личного сексуального опыта, формированию своей социальной и сексуальной идентичности, поддержанию самоуважения, групповых ценностей и единства своей группы перед лицом внешнего врага (хорошие, правильные "мы" против плохих, неправильных "они").

Психологическое обследование арестованных за избиение геев молодых парней показывает, что многие из них страдают от недостатка личной автономии, участие в групповом избиении ни в чем не повинных людей является для них чем-то вроде ритуала взросления и средством повышения собственного авторитета в группе. Самый акт избиения часто бессознательно переживается как сексуальный, сопровождается половым возбуждением и имеет неосознанный гомоэротический характер (как сексуальное единение с группой и ее лидером).

Очень важна Эго-защитная функция гетеросексизма в борьбе личности против собственной латентной гомосексуальности. Самыми рьяными гомофобами часто бывают мужчины, которым есть что скрывать или которых подозревают в гомосексуальности. Например, многолетний шеф ФБР Эдгар Гувер и некоторые его ближайшие помощники, беспощадно преследовавшие геев, втайне имели сексуальные связи с мужчинами.

Очень интересный эксперимент провели недавно американские психологи. Замерив отношение группы молодых мужчин к гомосексуальности, они затем показывали им слайды с изображениями голых мужчин, причем сексуальные реакции испытуемых (эрекция члена) фиксировались с помощью специального прибора - плетисмографа. У мужчин, относящихся к гомосексуальности спокойно, равнодушно, при этом ничего не колыхалось, тогда как у многих гомоненавистников эти изображения вызывали эрекцию. То есть мужская нагота их волнует и возбуждает. Возможно, именно этот, зачастую неосознанный, факт и вызывает у них чувство ненависти к объектам своего морально неприемлемого интереса. Как показал еще Фрейд, ненависть часто бывает иноформой любви.

Все это имеет далеко идущие социально-психологические последствия. Подобно тому, как культ агрессивной маскулинности калечит не только женщин, но и мужчин (если "мальчики не плачут", значит мужчина не должен проявлять свои чувства), гетеросексизм не только загоняет в гетто геев и лесбиянок, но и обедняет жизнь "натуральных" мужчин и женщин, табуируя их жизненно важные переживания и порождая иррациональные страхи. В некоторых случаях это действительно напоминает фобию и требует психиатрического вмешательства.

Но если корни гетеросексизма настолько глубоки и разветвлены, можно ли его преодолеть и искоренить?

Хотя изменение и преодоление этих установок происходит трудно и медленно, процесс тем не менее идет. В 1990 г. в Европе самое враждебное отношение к гомосексуалам было зафиксировано в католической Португалии, где с мнением, что "гомосексуальность никогда не может быть оправдана", согласились 78% процентов опрошенных; за ней, со значительным отставанием, следуют католические Ирландия, Италия и Испания. Зато в Голландии категорически осуждают однополую любовь лишь 12% опрошенных. С мнением "Я не хотел бы иметь гомосексуалов своими соседями" согласились больше половины опрошенных португальцев и только 11% голландцев и датчан. Американское Национальное обследование 1993 г. показало высокую враждебность к гомосексуальности, которую не могут оправдать 64,8% опрошенных; но это меньше числа людей, осуждающих внебрачные связи; отношение к гомосексуальности очень сильно (разница в 10-15 раз) зависит от общих социально-политических установок опрошенных.

Отношение к однополый любви всюду зависит от религиозной принадлежности, общей социальной терпимостью и степени информированности людей. Интересно, что там, где геи и лесбиянки более видимы, к ним относятся значительно лучше, чем там, где о них знают только понаслышке.

Но важнее всего - возрастные и образовательные факторы. По данным многолетнего международного исследования жизненных ценностей, молодые люди от 18 до 24 лет всюду значительно терпимее пожилых (по сравнению с теми, кто старше 65 лет, - вдвое). Это объясняется большей общей терпимостью и образованностью молодежи, а также тем, что молодые люди чувствуют себя увереннее, полнее принимают собственную сексуальность и потому допускают больше вариаций в поведении и установках других людей.

При опросе 1600 молодых европейцев от 16 до 24 лет (1996) самыми терпимыми оказались голландцы (89%), а самыми нетерпимыми - поляки (48%). Однако количество людей, готовых признать однополые браки и разрешить гомосексуалам усыновлять детей, значительно меньше, а 18% считают СПИД "голубой" болезнью.

Те же самые тенденции наблюдаются и в России. Хотя враждебность к гомосексуальности еще очень велика, за последние 10 лет она заметно снизилась. Это убедительно показывают опросы ВЦИОМ.

Количество желающих "ликвидировать" гомосексуалов уменьшилось с 31% в 1989 (здесь и дальше приводятся данные только по России, а не по Союзу, как выше) до 22% в 1994 г. За их "изоляция" вместо 32% высказались 23%. Напротив, за "помощь"

высказались 8% вместо 6%, а за то, чтобы предоставить их самим себе - 29% вместо 12%, рост в 2,5 раза. Характерны социально-возрастные параметры ответов. Предоставить гомосексуалов самим себе готовы 40.8% людей моложе 24 лет и только 12.3% тех, кто старше 55. Среди людей с высшим и незаконченным высшим образованием этот вариант ответа выбрали 43.4%, а с образованием ниже среднего - 20.4%.

В июне 1993 г. на вопрос ВЦИОМ "Как бы вы оценили по шкале от 1 до 5 поведение людей, которые имеют гомосексуальные связи?" отрицательный полюс ("это заслуживает осуждения") выбрали 69.4% мужчин и 71.6% женщин, а положительный ("не вижу в этом ничего предосудительного") - только 8.8% и 7.8%. Но в младшей возрастной группе, от 16 до 25 лет, такие полярные ответы соотносятся как 54.3%: 18.5%, а в старшей (старше 55 лет) - как 82.6%: 4.1%. В июле 1994 г. на вопрос ВЦИОМ "Как вы относитесь к гомосексуалистам?" благожелательную позицию ("очень положительно" и "скорее положительно") заняли около 9%, нейтральную - 23%, негативную ("очень отрицательно" и "скорее отрицательно") - 46% мужчин и женщин; 12% затруднились ответить. На вопрос "Как вы считаете, должны ли гомосексуалисты обладать равными со всеми правами?" голоса разделились: около 38% сказали "да", 41% - "нет" и 21% затруднились ответить.

От возраста и образования зависит не только степень терпимости, но и понимание природы гомосексуальности. В опросе ВЦИОМ в мае 1998 г. (его данными открывается эта книга) только 18.3% россиян признали гомосексуальность "сексуальной ориентацией, имеющей равное с обычной право на существование". Но среди людей от 18 до 39 лет так думают 31%, а среди тех, кто старше 55 лет - 3.7%, почти половина из них считает ее "распушенностью, вредной привычкой".

Понятно, что договориться между собой эти люди не смогут. Не в силах убедить молодежь, сторонники насильственных, авторитарных методов пытаются прибегнуть к силе, восстановить цензурные гонения и прочее. "Народно-патриотический" фронт кликуш и лицемеров сейчас агрессивен, как никогда.

Но время работает против них. Что бы ни происходило в обществе сегодня, в долгосрочной перспективе его лицо будут определять более молодые и образованные люди, которым идеология аятоллы Хомейни, даже в православно-коммунистическом варианте, несозвучна. Не потому, что им нравится однополая любовь - большинству людей она чужда и непонятна - а потому что они не видят в ней угрозы.

А вместе с ростом социальной терпимости будет меняться поведение и самосознание геев и лесбиянок. Любое угнетенное меньшинство противопоставляет тезису о своей неполноценности антитезис о своем превосходстве. Но эту идею мало кто принимает всерьез.

В опросе ВЦИОМ (май 1998 г.) с мнением, что гомосексуальность - "признак особой одаренности, таланта" согласились только 0.5% опрошенных (лишь в группе 18-24-летних эта цифра повышается до 2.1%, причем некоторые, возможно, ответили так из озорства). Это значительно меньше самого минимального числа геев и лесбиянок в обществе.

От того, что ты спишь с мужчинами, ты не станешь ни Александром Македонским, ни Чайковским, ни Кузминым. Творческие потенции доказываются не в постели.

Дело вообще не в уровне притязаний, а в понимании множественности своей индивидуальности. Людям викторианской эры было мучительно трудно принять свои гомоэротические наклонности, поэтому они старались преуменьшить их значение. В середине XX в. маятник качнулся в противоположную сторону: сексуальная ориентация превратилась во всеобъемлющую гей-идентичность. Человек начала XXI в. может позволить себе быть множественным и разным, не задаваясь вопросом "почему?" и не нуждаясь в том, чтобы втискивать себя в прокрустово ложе однозначных и жестких определений.

Нежелание российских законодателей расстаться со знаменитым "пятым пунктом" советского паспорта коренится вовсе не в развитом национальном самосознании, а в его

слабости и в желании подкрепить свою проблематичную (чего в ней только не намешано!) этническую идентичность административно, отмежевавшись от инородцев.

С сексуальной ориентацией дело обстоит принципиально так же. Осознание ее многомерности влечет за собой не столько рост поведенческой или идентификационной бисексуальности, сколько нежелание категоризировать себя и других по этому признаку.

Инаколюбящие, как и инакомыслящие, образуют особую категорию только там, где есть подразумеваемая обязательная норма для "таколюбящих" и "такомыслящих". По мере того, как ослабевает социальная необходимость что-то скрывать, уменьшается потребность притворяться, изображать и демонстрировать. У однополый любви становится больше индивидуальных "ликов" и значительно меньше - стандартных "масок". Тех, кого это не устраивает, надо просто посылать по известному адресу, который, между прочим, тоже имеет сексуальные коннотации.